

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЧелГУ»)**

На правах рукописи

Базанов Михаил Александрович

**Александр Александрович Зимин: биография историка в
контексте развития отечественной науки**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н., профессор Н.Н. Алеврас

Оглавление:

Введение.....	3–34
Глава 1. Формирование историка-профессионала: 1930 – начало 1960-х гг.....	35–90
§1. Становление личности ученого и вхождение в науку: кандидатская диссертация.....	35–54
§2. Научные стратегии А.А. Зимина в 1950 – начале 1960-х гг.: докторская диссертация и «Реформы Ивана Грозного».....	55–90
Глава 2. Перипетии творческой жизни историка начала 1960 – начала 1970-х гг.....	91–150
§1. «Слово о полку Игореве» в судьбе историка.....	91–120
§2. Этап творческих переосмыслений: концепции истории Московской и Киевской Руси.....	120–150
Глава 3. Подведение итогов жизни и творчества: 1973–1980 гг.....	151–222
§1. Физические недуги и творческое вдохновение, осмысление себя в науке как творческое завещание.....	151–181
§2. Разрыв с концептуальной традицией: «Витязь на распутье» и переход от «москвоцентризма» к «полицентризму».....	181 – 222
Заключение.....	223–231
Список использованной литературы и источников.....	232-284

Введение

Актуальность темы исследования. Изучение жизни и творчества советского историка Александра Александровича Зимина (1920–1980) в настоящее время является одной из актуальных задач, стоящих перед отечественной историографией. Историк принадлежал к числу тех, кто оказал определяющее влияние на развитие отечественной исторической науки. Его концептуальные версии российского прошлого до сих пор озвучиваются в школьных и вузовских учебниках. Ряд работ историка стали знаковыми событиями в развитии отечественной науки.

В немалой степени «всепроникающий» характер этого влияния определил широкий круг научных интересов ученого. В его поле зрения попала социально-политическая и социально-экономическая история Киевской Руси и Московского царства, культура России XII–XVIII вв. Кроме того, А.А. Зимин оставил яркий след в ряде специальных исторических дисциплинах (археография, летописеведение, текстология, дипломатика, генеалогия, историография). Подобный широкий охват научных интересов выгодно выделяет фигуру А.А. Зимина на фоне его коллег-современников в качестве возможного объекта исследования.

А.А. Зимин оказывал влияние на развитие отечественной науки как непосредственно, через свои труды, так и опосредованно, через своих учеников. Под его научным руководством было защищено 17 кандидатских диссертаций, но к числу учеников А.А. Зимина причисляли себя и те, кто по тем или иным причинам защищали свои работы под руководством других специалистов. Многие из них сами стали известными учеными, и в настоящее время занимают высокие административные посты, имеют почетные звания (так, научные заслуги Я.Н. Щапова и С.М. Каштанова были отмечены присуждением им звания член-корреспондента РАН).

Конечно же, актуальность темы определяется и самой фигурой А.А. Зимина. Он был крайне противоречивой личностью: одновременно расчетливым и

эмоциональным; скептиком, способным увлечься довольно тенденциозными построениями; ярким полемистом, живо реагировавший на появление новых исследований по интересующей его тематике, который в последние годы жизни писал свои работы в стол, не рассчитывая на будущую публикацию. Трудолюбие и скорость, с которой А.А. Зимин создавал свои труды, уже при жизни ученого поражала его коллег. Начало творческого пути историка было отмечено быстрым карьерным взлетом, затем резко сменившимся «простоем» и постепенной потерей значимых административных постов. Яркая, необычная и противоречивая биография выгодно выделяет А.А. Зими́на на фоне его коллег-современников, актуализируя избранную тему диссертации.

Степень изученности темы. Литературу, использованную в диссертации, исходя из поставленных задач можно условно подразделить на пять основных блоков.

К первому блоку относятся работы, посвященные творчеству А.А. Зими́на в целом, либо его отдельным аспектам. Следует признать, что творчество историка имеет давнюю и прочную традицию изучения. Сравнительно небольшой, и, на настоящий момент уже далеко не полный обзор историографии, посвященной творчеству А.А. Зими́на, в 2007 г. был предпринят И.Г. Шишкиным¹. Памяти ученого были посвящены пять крупных научных конференций².

Из числа биографических очерков необходимо отметить исследования С.М. Каштанова³, не только обстоятельно осветившего содержание всех основных работ ученого, но и представившего собственную периодизацию его жизни и творчества. По степени охвата творческого наследия А.А. Зими́на с этими работами

¹ См.: Шишкин И.Г. Жизнь и творчество А.А. Зими́на в современной историографии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1.: Проблемы образования, науки, культуры. 2007. Т. 52. № 22. С. 306–319.

² См. сб. материалов конференций: Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимин, Москва, 13-18 мая 1990. М., 1990. Вып. 1-2; Россия в X–XVIII вв.: Пробл. ист. и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зими́на, Москва, 26-28 января 1995. М., 1995. Ч. 1-2; Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М., 2000; Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто и IV Чтения памяти докт. ист. наук Александра Александровича Зими́на, Москва, 19-22 апреля 2005 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 2005. Ч. 1-2; Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлов. М., 2012.

³ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин – исследователь и педагог // История СССР. 1980. № 6. С. 152–157; Он же. Александр Александрович Зимин // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 368–392; Каштанов С.М., Чернобаев А.А. Зимин Александр Александрович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 803–814 и др.

сопоставим и очерк А.Л. Хорошкевич⁴. Наиболее информативны биографические статьи В.Б. Кобрин⁵ и А.М. Дубровского⁶. В.Б. Кобрин фактически стал первым историографом, предпринявшим попытку не просто изложить содержание работ ученого, но проникнуть внутрь его «творческой лаборатории», сформулировать принципы, на которых основывалось творчество А.А. Зимина. Главным достоинством статьи А.М. Дубровского является его знакомство с материалами личного архива историка. А.М. Дубровский – единственный историограф, который получал доступ к этим документам (за исключением узкого круга родственников и знакомых А.А. Зимина, многие из которых уже ушли из жизни). На настоящий момент эти материалы вновь закрыты для исследователей. Это знакомство позволило ему сделать ряд интересных выводов, например, об увлечении историка русскими религиозными философами начала XX вв. и критическом отношении к марксистско-ленинской методологии⁷.

Все биографы ученого сходились в представлении о формировании единого централизованного Русского государства как основной теме разысканий А.А. Зимина. Его исследования по социально-политической истории России XV–XVI вв. так же стали объектом отдельных историографических работ. На этом аспекте творчества историка сконцентрировали свое внимание В.Б. Кобрин⁸, В.М. Панеях⁹, Д.М. Володихин¹⁰, С.М. Каштанов¹¹, В.А. Муравьев¹². На основе анализа ра-

⁴ Хорошкевич А.Л. Памяти Александра Александровича Зимина // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 10. С. 107–122.

⁵ Кобрин В.Б. Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек. // Исторические записки. 1980. Т. 106. С. 294–309 (воспроизведено в сб.: Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 353–368. Далее в диссертации все сноски на второе издание).

⁶ Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 140–150.

⁷ См. также: Он же. Автобиографические рукописи А.А. Зимина // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Ч. 1. С. 5–8; Он же. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950). Брянск, 2005. С. 701–718.

⁸ Помимо его биографического очерка см.: Кобрин В.Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 256–269.

⁹ Панеях В.М. Панорама истории России XV–XVI вв. А.А. Зимина: К выходу в свет его книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 70–81 (воспроизведено в сб.: Панеях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 95–112. Далее в диссертации все сноски даются на последнее издание).

¹⁰ Володихин Д.М. Очерк методологии А.А. Зимина // Вестник Университета Российской академии образования. 1996. № 1. С. 30–47.

¹¹ Каштанов С.М. К 80-летию А.А. Зимина // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 226–227; Он же. О методологии А.А. Зимина и его концепции опричнины // Историк во времени... С. 97–99.

¹² Муравьев В.А. Александр Александрович Зимин // Историки России. Послевоенное поколение. М. 2000. С. 166–175; Он же. А.А. Зимин: историк в контексте эпохи // Историк во времени... С. 91–97; Он же. История российской

бот, вошедших в состав цикла «Россия на пороге Нового времени», историографы выдвинули две противоположные версии эволюции его теоретико-методологических воззрений. Согласно первой (В.М. Панеях, Д.М. Володихин) А.А. Зимин постепенно отходил от присущих советской науке методологических установок и сближался с исследовательскими традициями дореволюционных ученых. Вторая (С.М. Каштанов, В.А. Муравьев) именно в наследии дореволюционной науки усматривает отправную точку его творческого пути, в конце которого он выработал свой, оригинальный взгляд на российскую историю.

Активно изучается и источниковедческая составляющая творчества А.А. Зимина. Я.С. Лурье¹³, В.М. Панеях¹⁴, М.Е. Бычкова¹⁵ и Л.Е. Морозова¹⁶ не только изложили основные результаты конкретно-исторических разысканий ученого, но поставили вопрос о принципах его работы с историческими источниками.

К сожалению, почти отсутствуют работы, посвященные теме Киевской Руси в творчестве А.А. Зимина. Некоторым исключением являются тезисы выступления И.Г. Шишкина¹⁷, сопоставившего его монографию «Холопы на Руси» с вышедшими одновременно с ней исследованиями Б.А. Рыбакова, В.В. Мавродина и И.Я. Фроянова. Кроме того, С.М. Каштанов¹⁸ обрисовал важнейшие черты концепции развития института холопства в трудах А.А. Зимина.

Подавляющее большинство работ было посвящено отдельным сюжетам, связанным с творчеством ученого. Наиболее востребованным среди них стала

государственности в трудах А.А. Зимина // Модернизация российской государственности: междисциплинарный подход: Материалы Всеросс. Науч.-практ. конф., Кострома, 25 февраля 2009 г. Кострома, 2009. С. 116–124.

¹³ Лурье Я.С. Об А.А. Зимине – источниковеде и текстологе // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Сб. XIII. С. 329–331; Он же. Вопросы методики источниковедения в работах и письмах А.А. Зимина // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв... Вып. 1. С. 160–162.

¹⁴ Панеях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А. Зимина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Сб. XIV. С. 107–135 (воспроизведено в сб.: Панеях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 58–89. Далее в диссертации все ссылки на последнее издание).

¹⁵ Бычкова М.Е. Источниковедение в трудах А.А. Зимина // Вестник РГГУ. 2010. № 7. Сер. Исторические науки. С. 211–219.

¹⁶ Морозова Л.Е. О методиках изучения повествовательных источников А.А. Зимина // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв... Вып. 2. С. 187–190.

¹⁷ Шишкин И.Г. А.А. Зимин и проблема образования Древнерусского государства // Россия в X–XVIII вв... Ч. 1. С. 42–44.

¹⁸ Каштанов С.М. История холопства на Руси в трудах А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 38–41.

дискуссия вокруг «Слова о полку Игореве»¹⁹. Большинство из них носят научно-популярный характер и не содержат глубокого анализа связанных с дискуссией материалов. На этом фоне выделяются работы А.А. Формозова и Л.В. Соколовой, достаточно скрупулезно описывающие данное событие. Публикации Р.А. Киреевой²⁰ освещают малоизвестный эпизод карьеры А.А. Зимина, когда ученый был вынужден из-за идеологического давления отказаться от своего намерения посвятить свою докторскую диссертацию научной биографии В.О. Ключевского. Несколько статей, как правило, выстроенных вокруг эпистолярных источников, раскрывают взаимоотношения А.А. Зимина с коллегами²¹. Наконец, следует отметить статью К.Ю. Ерусалимского, посвященную оставшейся до настоящего времени малоизученной полемике вокруг докторской диссертации А.А. Зимина²².

Итак, А.А. Зимин – одна из привлекательных для историографов персон среди советских историков. Тем не менее, посвященная ему литература не лишена некоторых изъянов. Даже простое перечисление посвященных ему работ позволяет сделать заключение – все они относятся к литературе «малых форм» (статьи, доклады и тезисы сообщений на научных конференциях). Конечно же, очертить

¹⁹ Сапунов Б.В. А.А. Зимин и датировка «Слова о полку Игореве» // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв... Вып. 2. С. 240–242; Формозов А.А. А.А. Зимин. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) [вступительная статья] // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 96–103; Данилевский И. Загадку разрешить невозможно? // Знание-сила. 2007. № 10. С. 40–43; Котляр Н. Восставшая из пекла: Александр Зимин и «Слово о полку Игореве» // Родина. 2007. № 10. С. 40–43; Соколова Л.В. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., сост., подг. текстов и комментариев Л.В. Соколовой. СПб., 2010. С. 11–126; Афиани В.Ю. Дискуссия вокруг книги А.А. Зимина о «Слове о полку Игореве» в 1964 г.: По документам Архива РАН // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 51–62; и др.

²⁰ Киреева Р.А. Первое вето // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв... Вып. 1. С. 107–108; Она же. Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг.: Первое вето в научной жизни А.А. Зимина // Археологический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 222–228 (воспроизведено в сб.: Россия в XX веке: судьба исторической науки. М., 1996. С. 487–495. Далее все сноски даются на второе издание). См.: Она же. О публикации рукописного наследия В.О. Ключевского // В.О. Ключевский в истории нации и культуры: Материалы IV Всеросс. науч. конф. Пенза, 2007. С. 13–20; Она же. О неосуществленном замысле А.А. Зимина // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 457–463.

²¹ Простоволосова Л.Н. А.А. Зимин и А.И. Андреев: из биографической хроники (письма А.А. Зимина А.И. Андрееву) // Россия в X–XVIII вв... Ч. 1. С. 33–35; Илизаров С.С. Разбуженные «Словом» А.А. Зимина // Там же. С. 36–38; Вовина-Лебедева В.Г. Переписка А.А. Зимина и Я.С. Лурье (1951–1963 гг.) // Историк во времени... С. 114–120; Запесоцкий А., Зобнин Ю., Михайлов А. Д.С. Лихачев и А.А. Зимин: уроки научной полемики // Вестник Европы. 2007. Т. XXI. С. 240–247; Ивина Л.И. «Работаю, пока есть силы...»: А.А. Зимин в его письмах друзьям (из переписки А.А. Зимина с Л.И. Ивиной и А.Н. Цамутали) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв.: сб. статей в честь 75-летия Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 147–157; Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и А.А. Зимин // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 480–515.

²² Ерусалимский К.Ю. Публицист и централизованное государство: И.С. Пересветов в творчестве А.А. Зимина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 38. С. 100–128; Он же. «И.С. Пересветов и его современники»: 50 лет спустя // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 419–439.

его творческий путь, пусть даже в самых общих чертах, в столь узких рамках не представляется возможным. Историография нуждается в обстоятельном монографическом исследовании. Данная диссертация отчасти является попыткой заполнить эту лакуну.

Еще один из явных недостатков исследований об А.А. Зимине – их методологический редуционизм. Подавляющее большинство из них представляют собой краткий пересказ, реферативное изложение основных положений работ историка, практически без попыток их анализа и глубокого погружения в социокультурный контекст. Редко привлекаются историографами архивные материалы, хотя их использование могло бы существенно расширить и дополнить картину творческого пути историка.

Наконец, обозначился ряд дискуссионных моментов, не нашедших своего решения в существующих на данный момент исследованиях (методологические пристрастия историка, его отношение к наследию дореволюционной исторической науки и основная линия трансформации его идейных воззрений).

Ко второму блоку использованной в диссертации литературы необходимо отнести биографические исследования, посвященные персонам, принадлежащим к кругу знакомых историка, позволяющие как восстановить социокультурный контекст, в котором протекало его творчество, так и определить место, занимаемое А.А. Зиминым в сложившейся системе научных коммуникаций. Исходя из формальных критериев, сюда же включены и биографии предшественников ученого, на чьи идеи он ориентировался, либо, наоборот, отталкивался от них в процессе своей деятельности. В силу многочисленности и разноплановости этих исследований их обстоятельная характеристика представляется затруднительной. Так, одной из самых значимых в жизни А.А. Зимины была фигура его учителя – С.В. Бахрушина. Из общей массы посвященных ему работ выделяются исследования А.М. Дубровского²³. Историограф охарактеризовал мировоззрение своего

---

²³ См.: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 192–206; Он же. Историк и власть... С. 671–689; Он же. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета // Археографический ежегодник за 2005 г. М., 2007. С. 314–329.

персонажа, присущие ему культурные и ценностные установки стереотипы и стратегии вживания в чуждую ему советскую реальность. По своим характеристикам работы А.М. Дубровского среди всех, использованных в диссертации, ближе всего соответствует жанру интеллектуальной биографии. Своим стремлением раскрыть культурные и поведенческие стереотипы к ним близки работы С.О. Шмидта о другом научном руководителе А.А. Зимины – М.Н. Тихомирове²⁴. Кроме того, для наиболее полного восстановления системы взаимоотношений А.А. Зимины и научной среды использованы научные биографии его официальных и неофициальных оппонентов на защитах кандидатской и докторской диссертаций²⁵, коллег, как старших²⁶, ровесников²⁷, так и тех, кому он приходился или мог приходиться наставником²⁸.

К третьему блоку литературы относятся обзорные работы, раскрывающие степень изученности в отечественной историографии той или иной темы, интересовавшей А.А. Зимины. Такие труды принято относить к числу проблемной историографии. В данном исследовании они, как правило, выполняют справочные функции²⁹.

²⁴ Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (по архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 62–74; Он же. Михаил Николаевич Тихомиров // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 247–258.

²⁵ См. напр.: Преображенский А.А. К 100-летию А.А. Новосельского // Отечественная история. 1992. № 2. С. 96–106; Вагнер Г.К. Николай Николаевич Воронин // Культура Древней Руси : Сб. ст., посв. 40-летию научной деятельности Николая Николаевича Воронина. М., 1966. С. 6–20; Формозов А.А. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. 2004. №2. С. 173–180; Преображенский А.А. Виктор Иванович Шунков // Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 268–272; и др.

²⁶ См. напр.: Яцунский В.К. Александр Игнатьевич Андреев. Краткий очерк жизни и деятельности // Андреев А.И. Очерки источниковедения Сибири. М.:Л., 1960. С. 3–14; Медушевская О.М. История науки как динамический процесс: К 120-летию со дня рождения со дня рождения А.И. Андреева // Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С. 329–342; Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 285–303; Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; и др.

²⁷ Напр.: Буганов В.И. Проблемы реформационных движений в общественно-политической мысли России в трудах А.И. Клибанова // Исторические записки. 1977. Т. 98. С. 257–275; Дмитриев М.В. История общественной духовной культуры в исследованиях А.И. Клибанова // История СССР. 1990. № 6. С. 124–136; Вовина-Лебедева В.Г. Я.С. Лурье – источниковед // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Сб. XXVI. С. 345–363; Алексеев Ю.Г., Павлов А.П. Николай Евгеньевич Носов (1924–1984) // Там же. С. 317–327; и др.

²⁸ Напр.: Юрганов А.Л. Творческое наследие В.Б. Кобрин в контексте истории исторической науки // Отечественная история. 1993. № 1. С. 136–149; Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2005. С. 3–23; Брачев В.С. И.Я. Фроянов: начало творческого пути // Там же. С. 24–48; Столярова Л.В. Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // Ad fontem. У источника. Сб. ст. в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 7–77; и др.

²⁹ См.: Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. 1947. Т. 21. С. 217–330; Веселовский С.Б. Обзор мнений историков об Опричном дворе царя Иван // Веселовский С.Б. Исследования

К четвертому блоку литературы относятся исследования, раскрывающие механизм, основные тенденции развития исторической науки в целом либо ее отдельных сегментов. Авторов подобных исследований интересует не столько конкретно-исторические наработки историков, сколько теоретико-методологическая основа исторической науки и ее трансформация, социокультурные условия ее функционирования, набор разделяемых ученым сообществом ценностей и поведенческих стереотипов.

Монография А.М. Дубровского «Историк и власть»³⁰ демонстрирует механизм функционирования советской исторической науки на примере оформления и трансформации концепции средневековой истории СССР. В его исследовании показано, насколько тесно переплетались внутренние и внешние факторы развития науки. С одной стороны, историограф тщательно восстанавливает ход трансформации государственной идеологии и «насыщение» ее патриотическими и имперскими идеалами, реконструирует своего рода усредненный психологический портрет партийного функционера, курирующего научную деятельность; с другой стороны – составляет портрет ученого, на конкретных примерах (Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, А.А. Зимин, Л.В. Черепнин) демонстрирует стратегии поведения историков в экстремальных условиях 1930–1950-х гг.

Собственную феноменологическую теорию исторического познания А.Л. Юрганов положил в основу монографии «Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма»³¹. Мировоззрение историка того времени, полагал он, полностью зиждилось на использовании текстов «классиков» марксизма-ленинизма, в первую очередь И.В. Сталина, вне зависимости от собственно данных исторического источника. Однако его тексты не выражали собой всей полноты истины, которая совпадала с самой фигурой И.В. Сталина. По-

---

ния по истории опричнины. М., 1963. С. 11–34; Данилова Л.В. Изучение истории феодальной России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 110–161; Свак Д. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI в. в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середине 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6. С. 85–110; Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки советской историографии. Л., 1990; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996; и др.

³⁰ Дубровский А.М. Историк и власть...

³¹ Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

этому главной характеристикой сталинизма в исторической науке, согласно А.Л. Юрганову, являлась неопределенность, возможность нескольких трактовок одного того же высказывания, равно как и вероятность появления новых текстов, существенно меняющих уже сложившуюся картину.

Новаторскими являются и ряд публикаций омских историографов, объединенных целью реконструкции образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие³². В соответствии с таковым выстраивались ценностные ориентации представителей научного сообщества, их стратегии поведения, теоретико-методологические представления. Историографы указывают на вторую половину 1940 – начала 1950-х гг. как время трансформации образа исторической науки. Наиболее ярким ее выражением стала идеологическая кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «безродным космополитизмом». В их ходе в формировании образа науки были акцентированы две противоположных установки – с одной стороны, классовый подход, с другой – идея о национальной исключительности советской науки.

Большую ценность представляют исследования Л.А. Сидоровой. В 1990-е гг. ее внимание было сосредоточено на проблематике взаимоотношений исторической науки и власти в период «оттепели»³³. Пытаясь зафиксировать главные, сущностные тенденции развития историографии того времени, она выдвинула термин «санкционированная свобода», понимая под ней либерализацию во взаимоотношениях ученых и государственной власти, некоторое расширение автономии исторической науки.

³² См.: Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Сатретдинова. Омск, 2005. Вып. 1. С. 75–95; Они же. Социальный заказ и трансформация исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Сатретдинова. Омск, 2006. Вып. 2. С. 199–224; Они же. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20. С. 24–62; Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х гг. – середина 1950-х гг.: коллект. монография / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2011.

³³ Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: Опыт середины 50-60-х гг. // Россия в XX веке: Судьба исторической науки. М., 1996. С. 705–710; Она же. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х – середина 60-х годов // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 244–269; Она же. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Она же. Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А.М.Панкратовой // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 532–561 и др.

В начале XXI в. Л.А. Сидорова в своем творчестве переориентировалась с изучения внешних на внутренние факторы развития историографии. В последних работах она рассматривает историю исторической науки сквозь призму генерационного подхода³⁴. Развитие отечественной исторической науки предстает в нем как процесс смены поколений историков, предполагающий их взаимовлияние (ученичество, сотрудничество, соперничество). Л.А. Сидорова выделила три поколения советских историков: дореволюционная (старая) профессура, первая марксистская генерация («красные профессора»), послевоенное поколение.

Один из представителей омских историков, Н.В. Кефнер, создала свое исследование на стыке истории повседневности и генерационного подхода, посвященное научной повседневности послевоенного поколения историков³⁵. Ею были проанализированы основные особенности повседневного быта, стратегии поведения ученых, обстоятельства их «вхождения» в науку, реакцию на социокультурную и политико-идеологическую ситуацию в стране, один из фрагментов диссертации посвящен реконструкции образа исторической науки на основании материалов знаменитого Всесоюзного совещания историков 1962 г.

К сожалению, не получили должной оценки в историографическом сообществе работы А.С. Усачева, предложившего рассматривать историю отечественной исторической науки сквозь призму выдвинутой М. Блоком концепции «долгого времени»³⁶. Он отказался от привычного противопоставления дореволюционной и советской исторической науки, призывая к поиску историографических констант-мифологем, разделяемых учеными вне зависимости от их теоретико-методологических и идеологических убеждений.

---

³⁴ См.: Сидорова Л.А. Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX в. М., 2002. С. 38–53; Она же. Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки. 2004. М., 2005. С. 208–223; Она же. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129–137; Она же. Советская историческая наука в середине XX века: синтез трех поколений. М., 2008. Также см.: Гришина Н.В. Историки «старой школы»: проблемы вживания в советскую действительность // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. статей. Челябинск, 2006. С. 51–58.

³⁵ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

³⁶ Усачев А.С. *Longue duree* российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № . С. 102–113; Он же. Образ Ивана Грозного в средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3(5). С. 94–103; Он же. «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 104–115.

Ряд использованных в диссертации исследований касаются системы школьного и вузовского образования, позволяющих восстановить контекст, в рамках которого происходило профессиональное становление А.А. Зимина³⁷. Интерес представляют и работы, посвященные истории кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (ныне РГГУ), являвшегося наряду с Институтом истории АН СССР постоянным местом работы А.А. Зимина³⁸.

Наконец, к пятому блоку использованной литературы относятся исследования, посвященные социокультурному и политико-идеологическому развитию советского общества в целом, как правило, непосредственно не выходящие на вопросы функционирования исторической науки, либо не ставящие их в качестве главной, основной цели своего исследования.

Исследование В.З. Паперного «Культура Два»³⁹ принадлежит к числу авторитетных наиболее часто цитируемых работ в отечественной культурологии. Исходя из свойственного структурализму принципа дуальных оппозиций, В.З. Паперный предложил рассматривать историю СССР как время чередования двух культур, названных им, соответственно, культура Один и культура Два. Сталинизм в его трактовке являлся детищем культуры Два, культурные эксперименты первых лет советской власти и феномен «оттепели» - культуры Один.

Значимой является монография Д.Л. Бранденбергера⁴⁰, исследовавшего выработанные в 1930-х гг. идеологические механизмы мобилизации советского общества и их влияние на формирование русского национального самосознания. Автор непосредственно выходит на тему исторического сознания и памяти.

³⁷ См.: Пепелина Н.В. Эволюционные процессы в советском школьном образовании 1930–1930-х гг. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2011; Ушмаева К.А. Основные этапы и особенности исторического образования в вузах России (20–90-е гг XX в.). Автореф. ... докт. ист. наук. Пятигорск, 2011. Гришаев О.В. Партийно-правительственная политика в области исторического образования середины – второй половины 1930-х годов и ее влияние на науку отечественной истории в СССР в предвоенные годы. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000.

³⁸ Леушин М.А. Документы ЦК ВКП(б) (КПСС) как источник по исторической науке в СССР, 1945–1985. Автореф... канд. ист. наук. М., 2000 (на основе изучения фондов партийной организации МГИАИ); Румянцева М.Ф., Казаков Р.Б. Научно-педагогическая школа Историко-архивного института: аспекты институционализации // Сообщество историков высшей школы России: научные практики и образовательная миссия. М., 2009. С. 40–43; Казаков Р.Б. Из научного наследия Кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ 30-х гг. XX в. // Там же. С. 160–163; и др.

³⁹ Паперный В.З. Культура Два. М., 1997.

⁴⁰ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирования русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб., 2009.

Социокультурному феномену «оттепели», актуальному для данной работы, посвящен ряд работ отечественных культурологов. Л.Б. Брусиловская⁴¹ пишет об оттепели как времени перехода от единого культурного стиля, канона, к полистилистке, антропологизации культуры, вторжении в искусство повседневности с акцентом на переживаниях обычного человека и его потребностях. В.И. Тюпа⁴² предлагал видеть в «оттепели» кризис советского менталитета, понимаемый им как процесс изживания МЫ-сознания (основанного на самоидентификации индивида с некой общностью индивидов) и замена его ТЫ-сознанием (в рамках которого индивид самоидентифицирует себя как «другого» среди «других», полагает себя частью общности, при этом не сливаясь с ней). Однако, сколь бы не расходились культурологи в своем понимании сущности «оттепели», в ряде своих характеристик они все сходятся.

Методология и методы исследования. В 1980-е гг. интеллектуальная история под явным влиянием социальной истории обратилась от ранее доминировавшей истории идей, рассматривавшей их в качестве неких автономных сущностей, к истории интеллектуалов, внимание которой занимают механизмы порождения, трансляции и трансформации этих идей. Интересы исследователей сместились с конечного продукта на процесс его производства⁴³. Естественно, это актуализировало обращение к биографиям мыслителей. Результатом взаимодействия биографического метода и интеллектуальной истории стало появление такого нового жанра исследования, как интеллектуальная биография. При этом характерно, что становление интеллектуальной биографии сопровождалось активными дискуссиями о ее познавательной ценности, получившими свое наиболее яркое воплощение в американской истории экономической мысли. Так, Дж. Стиглер отрицал значимость биографических сведений для истории экономической мысли, в

⁴¹ Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 79–83; Она же. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М., 2001; Кондаков И.В., Брусиловская Л.Б. Ночь «Третьего Рима»: кризис цивилизационной идентичности России XX века // *Вестник Удмуртского государственного университета*. 2006. Сер. Искусствоведение и культурология. № 12. С. 39–58.

⁴² Тюпа В.И. Кризис советской идентичности в 1960-е годы // *Социокультурный феномен шестидесятничества* / под ред. В.И. Тюпа, О.В. Федуллина. М., 2008. С. 17–27.

⁴³ См., напр.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 325–367.

то время как его оппонент У. Жаффе полагал, что лишь обращение к личности исследователя может позволить адекватно воссоздать процесс генезиса того или иного экономического концепта. Формально итоги спора никто не подводил, но жанр биографии в дальнейшем получил свое развитие в американской истории экономической науки⁴⁴.

Четкое определение того, что следует понимать под интеллектуальной биографией (равно, впрочем, как и определения биографии как таковой) на настоящий момент в историографии не сложилось. Некоторую попытку дать таковое можно обнаружить у Л.П. Репиной, писавшей, что в интеллектуальной биографии «речь идет не просто о воссоздании перипетий индивидуальной судьбы, а об историческом исследовании непрерывного движения индивида по своему жизненному пути и его многообразных интеракциях в меняющемся социально-интеллектуальном пространстве»⁴⁵. Так как в своей статье Л.П. Репина ставила своей целью лишь очертить некоторые общие черты и особенности применения биографического метода в интеллектуальной истории, то данное определение изначально не претендовало на всю полноту и обстоятельность.

Один из участников упоминавшейся выше дискуссии Д. Уоркер предложил собственную типологию биографического жанра в историко-экономических исследованиях, которую в дальнейшем исследователи приводят в качестве примера типологии жанра интеллектуальной истории в целом⁴⁶. Согласно ему существуют: 1) биография личности (сведения о личной жизни ученого, его происхождении, родственных и дружеских связях, семье); 2) профессиональная биография (описывает место ученого в академическом сообществе); 3) ситуационистская биография («дает представление о событиях и условиях экономической, социальной, политической жизни общества и эпохи, в которой жил и работал человек»⁴⁷); 4) библиографическая биография (собственно анализ работ ученого, воссоздание

⁴⁴ Нейман А.М. Биография в истории экономической жизни: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 330–332.

⁴⁵ Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. С. 102.

⁴⁶ См. напр.: Репина Л.П. . Биографический подход в интеллектуальной истории. С. 103.

⁴⁷ Нейман А.М. Указ. соч. С. 333.

их теоретико-методологических основ, источниковой и статистической базы). Конечно же, в «чистом виде» ни один из этих типов не реализуется. По словам Л.П. Репиной, именно «синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа» является «характерной чертой современной интеллектуальной биографии»⁴⁸.

В 2011 г. попытку обобщения уже накопленного российской историографией опыта подобных исследований предпринял П.А. Алипов. Произведенный им анализ и сопоставление ряда исследований, заявленных их авторами в качестве интеллектуальных биографий, позволили ему выделить ряд объединяющих их черт. Во-первых, в центре внимания каждой из них была «трансформация воззрений индивида по основополагающему предмету его непосредственной творческой или научной деятельности». При этом особое внимание, подчеркивает П.А. Алипов, уделялось поиску «статичного ядра», которое, в отличие от окружающих его «динамических элементов», остается в неизменности с момента его появления. Во-вторых, подобный анализ неизбежно производился с учетом «внутреннего и внешнего контекстов, в которых протекало становление теорий и концепций изучаемого персонажа». Главная роль в трансформации взглядов мыслителя отводилась «именно внутреннему контексту, то есть тем веяниям, которые приходили изнутри той профессиональной группы, к которой он принадлежал». В-третьих, историограф отметил, что в работах «допускается углубленное рассмотрение отдельных этапов биографии индивида... если они имеют ключевое значение в процессе его общего идейного развития»⁴⁹.

К сожалению, работа П.А. Алипова, с точки зрения автора диссертации, страдает одним серьезным изъяном - для нее характерен формальный подход к отбору источников. П.А. Алипов привлекает к исследованию лишь те работы, в названии которых заявлена их принадлежность к интеллектуальной биографии. Это изначально сужает круг задействованных историографических материалов.

---

⁴⁸ Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории. С. 106.

⁴⁹ Алипов П.А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 18–19.

Так, например, им проигнорированы публикации из достаточно авторитетного журнала «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории».

В современной российской историографии возрастает интерес к проблемам теоретико-методологических основ интеллектуальной биографии. Помимо уже упоминавшейся выше статьи П.А. Алипова необходимо отметить материалы научной конференции, посвященной памяти А.С. Шофмана, состоявшейся в Казани в 2013 г. Проблеме соотношения биографического исследования и автобиографии изучаемого персонажа в интеллектуальной биографии было посвящено выступление О.Б. Леонтьевой⁵⁰. Варианты разрешения этой проблемы историограф рассматривает на примере двух биографий Н.А. Бердяева. О.В. Волкогонова, по мнению О.Б. Леонтьевой, в целом следовала за проблемами, вопросами и темами, поднятыми в воспоминаниях Н.А. Бердяева («Самопознание»), в то время как А.В. Цветков-Вадимов, напротив, стремился исследовать то, что осталось за рамками автобиографии философа. От неких универсальных рекомендаций историограф сознательно отказалась, отметив, что выбор той или иной исследовательской стратегии должен зависеть целей и задач, которые ставит перед собой биограф.

М.Ф. Румянцева и С.И. Маловичко косвенно коснулись вопроса о сущности интеллектуальной биографии, пытаясь уточнить понятие историографического источника. Признав все предыдущие определения излишне расширительными, они фактически предложили отождествить историографический источник с научными работами историка. В свою очередь «выявление его (историографического произведения – М.Б.) видовой принадлежности превращает историографический источник в факт интеллектуальной биографии историка, поскольку позволяет уточнить целеполагание автора, выявить глубинные основы его деятельности»⁵¹. Безусловно, позитивным выводом выступления является то, что авторы вновь обратили внимание историографов на необходимость изучения научных трудов историков (к сожалению, на практике значительная часть российского историогра-

⁵⁰ Леонтьева О.Б. Интеллектуальная биография как жанр современной науки // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана, 13–15 ноября 2013, Казань. Казань, 2013. С. 235–237.

⁵¹ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Историографический источник как факт интеллектуальной биографии историка // Там же. С. 241.

фического сообщества фактически стала игнорировать этот принцип). К положительным моментам публикации необходимо отнести и их попытку дать четкое определение объекта и предмета историографии, историографического источника. Однако в целом выступление содержит в себе ряд спорных утверждений. Так, совершенно неясно, зачем следует ограничивать круг историографических источников исключительно научными трудами. Из изложения можно предположить, что авторы отождествляют понятие историографического источника и историографического факта, однако это невозможно признать правильным. Наконец, в тезисах отсутствует главное, что может заинтересовать нас – определения того, что же следует понимать под интеллектуальной биографией.

Отталкиваясь от упомянутых выше обобщающих работ⁵² и своих наблюдений над воплощениями этого жанра в российской историографии⁵³, попытаемся сформулировать собственное понимание специфики данного жанра, выделить его предмет и объект.

Интеллектуальная биография, на взгляд диссертанта, является составной частью биографического жанра в целом. Ее следует отнести к такой его разновидности, как научная биография (в данном случае под ней понимается не биография ученого, а жизнеописание, основанное на принципах научного познания, не до-

---

⁵² Стоит также отметить еще одну публикацию украинского историка В. Андреева: Андреев В. «інтелектуальна біографія» експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. К., 2011. Вип. 5. С. 333–341. В. Андреев в ней пытался подвести итоги некоторых, отчасти оставшихся негласными дискуссий в украинской историографии. Основным вопросом в них стала проблема познавательной ценности концепта «интеллектуальная биография» в сравнении с более привычной «научной биографией». Пытаясь выделить отличия этих двух жанров, В. Андреев сформулировал следующее определение: «Различия интеллектуальной биографии от привычного жанра традиционной биографии заключается в том, что жизнь отдельного человека, формирование его внутреннего мира, вклад в развитие внешнего мира выступают одновременно и как цель исследования, и как средство познания исторического социума, который творится ими и включает их самих» (Там же. С. 338). Как нам представляется, это определение так же неудачно, так как оно фиксирует основное отличие традиционной биографии от «новой исторической биографии», не охватывая при этом сущностных особенностей именно интеллектуальной биографии.

⁵³ Не все подобные работы заявлены их авторами в качестве интеллектуальных биографий, что, на взгляд диссертанта, не должно служить причиной исключения их из этого жанра. Отметим лишь некоторые: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992; Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999; Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин: страницы жизни и творчества. СПб., 2001; Пиков Г.Г. Из истории исторической науки: Карл Август Витфогель // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 390–412; Воробьева О.В. А. Дж. Тойнби: на пути постижения истории. Очерк интеллектуальной биографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 17. С. 115–169; Нестерова Т.П. Джовани Джентиле: искушение тоталитаризмом // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 22. С. 190–203; Она же. Камилло Пеллици: интеллектуал в своей эпохе // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 26. С. 311–324; Кучурин В.В. Религиозный мир С.М. Соловьева // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 107–136; Казаков С.О. К интеллектуальной биографии Эрнста Юнгера // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 24. С. 352–364.

пускающее использование в нем художественного вымысла). От прочих научных биографий ее отличает специфическое видение основного объекта исследования. Интеллектуальная биография изучает внутренний, духовный, интеллектуальный мир человека. Как представляется, не следует ограничивать его исключительно научными или философскими концепциями индивида, это могут быть любые его представления об окружающем мире или самом себе. Однако и это определение не может считаться исчерпывающе полным. Обратим внимание – все, кто так или иначе писал об интеллектуальной биографии, подчеркивали роль контекста⁵⁴, в котором протекала жизнь мыслителя, для понимания его творчества. Однако роль контекста шире, чем просто своего рода «вспомогательного материала» для проведения анализа. Э. Гуссерль, основатель феноменологии, ввел для описания одного из сущностных свойств человеческого сознания такой термин, как интенциональность. Интенциональность – это направленность человеческого сознания на что-либо, «схватывание» этого предмета в форме смысла. Человеческое сознание не может быть замкнуто на самом себе, вне направленности на что-либо оно не существует⁵⁵. Без контекста, окружающей социокультурной среды не существует внутреннего мира человека, микрокосмос невозможен без макрокосмоса. Следует учесть и еще одно немаловажное замечание. Уже упоминавшийся контекст включает в себя не только интеллектуальные идеи и концепты, но и социальные механизмы, их порождающие, формирующие, транслирующие, консервирующие или трансформирующие. Исходя из вышеизложенного, диссертант полагает возможным сделать следующий вывод: объектом изучения интеллектуальной биографии является динамически развивающаяся система когнитивных взаимодействий индивида и окружающей его социально-интеллектуальной среды. По аналогии с названием жанра эту систему, с нашей точки зрения, вполне возможно так же определить как «интеллектуальную биографию». Таковая двойственность

---

⁵⁴ Так, Л.П. Репина совершенно справедливо отмечает, что «биография может по праву называться исторической, только будучи помещена в исторический контекст, взятом во всех его пересекающихся аспектах», при этом изучение, погружение в него является обязательным, но самим по себе «отнюдь не достаточным» условием для «создания интеллектуальной биографии» (Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. С. 311).

⁵⁵ См.: Молчанов В.И. Интенциональность // Современная западная философия. М., 1998. С. 169–170; Сартр Ж.-П. Основная идея феноменологии Э. Гуссерля: интенциональность // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 318–321.

определений уже существует в историографической традиции, где «биографией» могут именовать как жизнеописание, так и сам жизненный путь человека. Подчеркнем, что интеллектуальную биографию интересуют именно когнитивные, мыслительные конструкции, идеи и смыслы, возникающие в качестве инструмента и результата этого взаимодействия, не конкретные деяния человека сами по себе, но стоящие за ними культурные коды и смыслы.

Исходя из заявленного П.А. Алиповым, предметом интеллектуальной биографии следовало бы считать развитие, эволюцию этой системы относительно некой внешней по отношению к ней «идеи». Полагаем, подобное понимание предмета излишне сужает фокус исследования, тем более что сам П.А. Алипов в число задач интеллектуальной биографии ставит и определение статичного, неизменного ядра системы интеллектуальных представлений индивида. Автор же данной диссертации полагает, что предметом такого исследования могут являться любые трансформации, явления и аспекты существования интеллектуальной биографии индивида. Главенствующим при этом должно оставаться лишь одно условие – выполнение принципа системности, целостность рассматриваемого предмета, его связь со всей интеллектуальной биографией индивида.

Интеллектуальная биография как жанр исследований расположена на стыке таких дисциплин, как история, социология, философия, культурология, культурная антропология. Это определило полиметодологизм исследования, сочетание в нем методик и исследовательских приемов, разработанных в рамках различных сфер гуманитарного знания.

Одними из важнейших для нас являются приемы и методы персональной истории⁵⁶. Главное ее отличие от более привычного биографического жанра заключается в том, что для нее «личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов... выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими историче-

---

⁵⁶ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня /под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 55–74; Она же. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М., 2011. С. 287–324; Ревель Ж. Биография как историческая проблема. М., 2002; Ле Гофф Ж. О биографии исторического персонажа (Людовик Святой) // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. Вып. 2. С. 101–116.

ского социума и таким образом используется для прояснения социального контекста, а не наоборот»⁵⁷. Персональная история рассматривает человека как субъект исторического процесса, его творца и активного участника, вне зависимости от «величия» изучаемого персонажа. Таковой ракурс означает признание за человеком свободы воли, а, значит, жизнеописание его теряет привычный линейный характер, отбрасываются представления о детерминированности, предопределенности действий индивидуума. Задача историка – показать наличие нереализованных альтернатив, а так же уяснить предоставленные в рамках социума возможности выбора и мотивы принятых им решений. Следует выяснить и то, насколько поведение индивида отличалось от существующих в обществе норм, шаблонов и образцов. Кроме того, персональная история предполагает всеобъемлющее исследование всех воздействующих на человека факторов, воссоздание условий окружающего его мира во всей полноте (так, например, один из крупных представителей микроистории Т. Зелдин писал о собственном исследовательском опыте: «... я перешел от пуантилизма к изучению индивида одновременно с разных сторон, как будто рисовал с разных сторон, как будто рисовал не только видимую часть лица, но и затылок, располагая их так, чтобы видеть все сразу»⁵⁸

Следующим использованным подходом стала история идей А. Лавджоя⁵⁹. По словам ее основателя, «исходная процедура» этой дисциплины «аналогична исходной процедуре аналитической химии» - «она проникает в застывшие и незыблемые системы (имеются в виду мыслительные конструкции – М.Б.) и, в своих собственных целях, делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами»⁶⁰. Дальнейшей задачей является выяснение истории бытования этих стабильно существующих элементов. Данные универсальные идеи могут последовательно входить в состав самых разных теорий и учений, иногда даже находящихся в конфликте друг с другом. В роли элементов может выступать как одна отдельно взятая идея, так и более сложная мыс-

---

⁵⁷ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории». С. 56.

⁵⁸ Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 161.

⁵⁹ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001. С. 9–28.

⁶⁰ Там же. С. 9.

лительная конструкция. Конечно же, выделение таковых зависит от целей и задач, поставленных ученым.

Взаимодействие личности и академической среды лучше всего описывается посредством социализации П. Бурдьё и его концепции поля науки⁶¹. Основным аспектом его существования социолог считал непрерывную борьбу за научную легитимность, столь жесткую, что даже «определение цели научной борьбы является составной частью целей научной борьбы»⁶². Агенты поля конкурируют в деле накопления и сохранения «научного капитала», мыслимого как способность убедить окружающих в своей правоте, истинности своих научных размышлений. Борьба эта опирается на финансовые мотивы – чем большим «научным капиталом» обладает ученый, тем больше финансовых инвестиций выделяется под его исследования. Основным делением внутри поля науки является членение на «доминирующих» («те, кому удалось навязать такое определение науки, согласно которому наиболее полноценное научное знание состоит в том, чтобы иметь, быть и делать то, что они имеют, чем являются и что делают»⁶³) и «доминируемых», вынужденных следовать вслед за первыми. Сам же «научный капитал», в силу относительности автономии поля науки, подразделяется на собственно научный (признание, авторитет ученого) и административный (контроль над социальными ресурсами поля, посты и руководящие должности, занимаемые агентами). П. Бурдьё противопоставляет два этих типа капитала. Кроме того, он выделил три стратегии распоряжения и накопления научного капитала. Единственным путем для «доминирующих» является «стратегия сохранения» накопленного капитала. «Доминируемые» выбирают между двумя «чистыми» видами стратегий, а именно: «стратегией преемственности», предполагающей сотрудничество с научной элитой, которая в ответ «делится» частью своего научного капитала, и «стратегией подрыва», предполагающей конфликт с «доминирующими», вплоть до переопределения

---

⁶¹ Бурдьё П. Начала. М., 1993; Он же. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–85; Он же. Клиническая социология поля науки // Социализация Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: СПб., 2001. С. 49–96; Он же. Поле науки // Он же. Социальное пространство: поля и практики. М.: СПб., 2007. С. 473–517.

⁶² Он же. Поле науки. С. 480.

⁶³ Там же.

принципов легитимации господства, своего рода «экспроприацию» накопленного ими капитала.

Не все положения концепции П. Бурдьё представляются диссертанту применимыми к данному исследованию в силу специфики бытования советской исторической науки. Так, например, следует учитывать низкую степень автономности поля науки в СССР. Поэтому вряд ли возможно говорить о том, что «тот, кто обращается к внешнему по отношению к полю авторитету, может себя лишь скомпрометировать»⁶⁴. Подобные обращения не только были не редки, но и более того, являлись одними из «правил игры» в советской науке, и не только не наносили вред ученому, но и могли в короткий срок вознести его из «доминируемых» в «доминирующие». Представляется излишним и противопоставление «символической» и «институциональной» составляющей научного капитала, так как оно, как и в вышеуказанном случае, основано на представлении о большей, чем то было в Советском Союзе, степени автономии поля науки. Преувеличением является и попытка свести мотивы борьбы за научный капитал сугубо к стремлению улучшить свое материально-финансовое благополучие. Этот тезис верен для европейской науки, построенной на основе грантового финансирования, при котором символический «научный капитал» непосредственно «конвертировался» в суммы зарплат, проводимых учеными себе от полученных грантов. Соответственно, об уровне «научного капитала» того или иного деятеля науки можно судить по количеству полученных им грантов, престижности фондов, их выделивших, условиях, на которых они были ему предоставлены. В СССР наука финансировалась по-иному. В случае советских ученых определяющее значение в их мотивации играли соображения социального престижа и даже элементарного морального авторитета, а наиболее ярким показателем уровня «научного капитала» в условиях слабой автономии поля науки по отношению к власти стали занимаемые административные должности и полученные ученым государственные награды. Однако в целом концепция П. Бурдьё наиболее адекватна описываемым в диссертации реалиям.

---

⁶⁴ Там же. С. 479.

В диссертации нашли свое применение как общенаучные, так и специально-исторические методы. К их числу следует отнести: системный анализ, метод идеализации, классификацию и типологизацию, историко-генетический анализ, биографический метод, герменевтический анализ (понимание текста).

Объектом исследования является интеллектуальная биография А.А. Зими-на.

Предметом исследования является трансформация стратегий взаимодействия А.А. Зими-на с научным сообществом отечественных историков.

Цель исследования - реконструировать характер и основные стратегии взаимодействия А.А. Зими-на и окружающей его интеллектуальной среды отечественных ученых-историков.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- раскрыть социокультурный, историко-научный и историографический контексты, в рамках которых протекало творчество А.А. Зими-на;
- определить место, занимаемое А.А. Зиминым в сложившейся системе научных коммуникаций (научные руководители, участники защит его диссертаций, круг коллег, учеников и друзей и т.д.);
- выявить систему теоретико-методологических и концептуальных построений историка, процесс их трансформации;
- исследовать реакцию научного сообщества на выдвинутые А.А. Зиминым идеи, особенности процесса их ассимиляции (либо отторжения);
- реконструировать применяемые ученым стратегии накопления и распоряжения научным капиталом, проследить их трансформацию;

Хронологические рамки определяются годами жизни А.А. Зими-на (1920–1980 гг.). Однако ряд аспектов диссертации заставляет нас выходить за их пределы. Погружение творчества ученого в интеллектуальный контекст эпохи ставит вопрос о происхождении тех историографических традиций, с которыми он был вынужден соотносить свое творчество, что опускает нижнюю хронологическую грань до середины XIX в. Верхняя хронологическая грань доведена до нашего

времени в силу того, что процесс публикации творческого наследия А.А. Зимина, равно как и освоения его в целом, остается незавершенным.

Источниковая база. Для выполнения поставленных задач были привлечены как опубликованные, так и архивные источники. Были задействованы материалы: Архива Российской Академии наук (РАН), Центрального архива города Москвы (ЦАГМ), Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), научного архива Института российской истории РАН (архив ИРИ РАН), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (ПФА РАН). Кроме того, научный сотрудник ИРИ РАН, д-р ист. наук М.Е. Бычкова любезно предоставила автору диссертации возможность ознакомиться с письмами А.А. Зимина из своего домашнего архива, за что диссертант приносит ей свою глубочайшую благодарность.

Исходя из существующих представлений о классификации источников историографического исследования, поставленных целей и задач задействованный источниковый комплекс может быть разделен на два больших блока: историографические и исторические источники.

Основную массу историографических источников составляют научные труды А.А. Зимина⁶⁵, а также его предшественников и коллег⁶⁶. С учетом темы дис-

---

⁶⁵ Перечислим здесь лишь его монографические исследования: Зимин А.А. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1947. Ч. 1-2 (рукопись); Он же. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1959; Он же. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960; Он же. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Он же. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972; Он же. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973; Он же. Крупнейшая феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977; Он же, Хорошкевич А.Л. Россия времени правления Ивана Грозного. М., 1982; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982; Он же. В канун грозных потрясений: Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М., 1986; Он же. Формирования боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; Он же. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991; Он же. Опричнина. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2001; Он же. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. Всего при жизни историка было опубликовано свыше 300 его работ.

⁶⁶ Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 88–98; Он же. Иван Грозный. М., 1942 (2-е изд. М., 1945); Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. М., 1969; Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939; Мавродин В.В. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси // Ученые записки ЛГПИ. Л., 1939. Т. XIX. С. 145–174; Гумилев Л.Н. Монголы XII в. и «Слово о полку Игореве» // Доклады и сообщения Отделения этнографии. М., 1966. Вып. 2. Л., 1966. С. 55–80; Демкова Н.С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. 1973. №. 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 72–77; Яценко Б.И. Солнечное затмение в «Слове о полку

сертации и избранной методологии исследования принципиально важным аспектом работы с данным видом источников является учет деформирующего влияния на историческое исследование существовавшей в советской исторической науке цензуры и самоцензуры. Подавляющее большинство историографов подходит к сочинениям историков как цельной системе, в которой теоретико-методологические убеждения автора, его концептуальные построения и конкретно-исторические разыскания находятся в жесткой взаимосвязи, по цепочке порождая друг друга. Однако советская историческая наука существовала в рамках чрезвычайно жесткого идеологического контроля. Его особенностью являлось то, что государство посредством своего репрессивного аппарата утверждало методологическую монополию марксистского видения истории. В этих условиях теоретико-методологические изыскания исследователей оказались предельно формализованы, фактически они отрываются от конкретно-исторических построений, рефлексия о теоретических началах работы историка купируется. Это крайне затрудняет вопрос о методологических основах исследования. Внутри произведения автора могут существовать чуждые ему, внедренные извне, под внешним давлением, идеи и мысли, которые могут даже противоречить тому, что желал сказать историк. Поэтому при анализе исторического исследования диссертант сосредоточил свое основное внимание на мельчайших конкретно-исторических построениях историка. Как правило, цензура не доходила до столь скрупулезной проверки работы, ограничиваясь теоретико-методологическими и концептуальными обобщениями. Ускользал этот «низший уровень» и от самоцензуры. В определенной степени задача историографа в этом сходна с задачей психоаналитика, пытающегося работать с подсознанием, нерелексируемой частью человеческой психики. Любое произведение должно быть «разбито» на множество мелких деталей, отдельных идей, тезисов, построений, каждое из которых необходимо

Игорева» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. XXXI. С. 116-122; Смирнов П. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. 2/3. С. 55–90; Мавродин В.В. Образование Русского национального государства. Л., 1939; Тихомиров М.Н. Начало возвышения Москвы // Известия АН СССР. Сер. История и философия. 1944. Т. 1. № 3. С. 97–108; Он же. Россия в XVI столетии. М., 1962; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963; и др.

соотносить как друг с другом, так и с окружающим их интеллектуальным контекстом. Полагаем, авторы иногда сами не осознают, насколько расходится их собственное мышление с формально декларируемыми ими же методологическими идеями. Опыт данного исследования показывает, что иногда даже несколько слов или фраз, звучащих в тексте, дают ключ к его пониманию.

При анализе научных трудов А.А. Зимины следует иметь в виду тот факт, что момент их написания и публикации зачастую разделяет большой временной отрезок. В отдельных случаях он составляет порядка 30 – 40 лет. В первую очередь это касается его последних монографий, публиковавшихся уже после смерти автора. Это помешало многим из них стать полноценным участником историографического процесса. Далеко не всегда социокультурная и историографическая обстановка их создания соответствовала моменту их публикации. Кроме того, исследователь имел дело с работами, прошедшими редакционную обработку, в ходе которой А.А. Зимин не мог принимать участие. Публикаторы, впрочем, заверяют, что она коснулась лишь научно-справочного аппарата и некоторых допущенных ученым фактических ошибок. Исходных текстов в распоряжении диссертанта нет.

К первому блоку источников относится и чрезвычайно малочисленная группа проектов планируемых исследований А.А. Зимины. К сожалению, по его собственному признанию, он уничтожил все свои наброски, что придает этим документам особенную ценность. Во-первых, это сохранившийся план его предполагаемой докторской диссертации «Творческий путь В.О. Ключевского (1847 – 1911)»⁶⁷. Документ этот ценен тем, что работа над диссертацией в силу внешнего идеологического давления была свернута. Речь идет о так и не созданной монографии. Этот план – единственное свидетельство, по которому можно судить о предполагаемом направлении изысканий историка и тех принципах, которыми он руководствовался. Во-вторых, это план курсовой работы А.А. Зимины-студента, сохранившийся в личном фонде его учителя С.В. Бахрушина⁶⁸. Фактически это

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 934 (А.И. Андреев). Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 64–71. За возможность ознакомления с этим документом диссертант приносит глубочайшую благодарность проф., докт. ист. наук Н.Н. Алеврас и доц., канд. ист. наук Н.В. Гришиной, предоставившим в его распоряжение копию данного документа.

⁶⁸ АРАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 5. Д. 129.

единственный источник, отражающий процесс приобретения им профессиональных навыков. К сожалению, остается неясным, не является ли он черновиком и был ли в ходе работы скорректирован.

Наконец, большое значение для нашего исследования имеют рецензии и отзывы на научные труды А.А. Зимина⁶⁹. Они содержат чрезвычайно важную информацию – в них фиксируется реакция научного сообщества на построения историка, особенности их восприятия, усвоения, которое никогда не носило механического характера. Отметим, что помимо предельно формализованных рецензий к исследованию были привлечены и научные статьи, являвшиеся непосредственным откликом на опубликованные произведения историка. Этот формат несколько отличается от собственно рецензии, он более «индивидуализирован» – автор таковой статьи в меньшей степени наделяется правом говорить от имени всего научного сообщества, но в то же время он менее стеснен строгими писанными и неписанными правилами составления рецензии, а потому имеет больше возможностей для высказывания своего мнения. Написание рецензии предполагает изложение основных, центральных положений работы, что позволяет уяснить, какие из положений изучаемого труда научное сообщество считает самым значимым. Основное внимание при анализе рецензии следует уделить критическим замечаниям в адрес построений историка. Они, как правило, не носят принципиаль-

---

⁶⁹ Шмидт С.О. Рец. на кн. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 // Вопросы истории. 1962. № 6. С. 132–139; Кобрин В.Б. Рец. на кн. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 // История СССР. 1962. № 5. С. 184–188; Бурдей Г.Д. Опричнина в новой исторической литературе // Преподавание истории в школе. 1964. № 6. С. 27–34; Каштанов С.М. Книга о русском войске XVI века // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 87–90; Кобрин В.Б. Рец. на кн. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964 // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 153–157; Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 152–174; Мавродин В.В., Фроянов И.Я., Шапиро А.Л. Рец.: А. А. Зимин. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.: Наука, 1973 // История СССР. 1975. № 3. С. 198–202; Панеях В.М. Рец. на: А.А. Зимин. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986 // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 132–134; Севастьянова А.А. Рец. на: А.А. Зимин. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны. М.: Мысль, 1986 // История СССР. 1988. № 2. С. 181–184; Андреева Л.Е. Рец. на кн.: Зимина А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М., 1982. // Преподавание истории в школе. 1983. № 6. С. 77–78; Козлова Н.А. Рец. на кн.: Зимина А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. // Вопросы истории. 1983. № 2. С. 130–133; Мельникова А. О России XV–XVI столетий // В мире книг. 1983. № 10. С. 76–77; Носов Н.Е. Рец. на: А.А. Зимин. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982 // История СССР. 1982. № 4. С. 177–181; Козляков В.Н. Рец. на: А.А. Зимин. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 198–200; Смирнов И. Хроника времени Василия Темного // Знание-сила. 1993. № 11. С. 80–83; Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. «Феодальная война» или демократические альтернативы? // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1992. Вып. 3(№16). С. 3–12; и др.

ного характера и касаются отдельных аспектов авторской концепции либо некоторых из его конкретно-исторических построений. Однако за подобными «мелкими» замечаниями иногда скрываются даже не рефлекслируемые самим рецензентом принципиальные расхождения методологического и концептуального плана. Кроме того, некоторые из отзывов намечали направление дальнейшего развития системы научных представлений А.А. Зимина.

Исторические источники представлены двумя видами. Первый из них составляют источники личного происхождения.

Важную для диссертации информацию содержат мемуары и воспоминания, принадлежащие как самому А.А. Зимину⁷⁰, так и его коллегам⁷¹.

Автобиографические записи историка объединены в три большие рукописных сборника: «Храм науки», «Слово и дело» и «Недодуманные мысли». Они были созданы в середине – второй половине 1970 –х гг., однако в их составе находятся и более ранние записи. Особенностью нашей ситуации является то, что все эти рукописи на настоящий момент хранятся в его личном архиве, закрытом от исследователей. В силу того, что содержащаяся в них информация затрагивала личную репутацию ряда крупных историков, А.А. Зимин перед смертью определил весьма узкий круг лиц, допущенных до его записей и наложил двадцатилетний «мораторий» на их публикацию⁷². Несмотря на то, что этот срок истек, его

⁷⁰ Зимин А.А. Обретение свободы // Родина. 1990. № 8. С. 88–89; Он же. Мой добрый старый друг // In memoriam: сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 165–169; Он же. В книжном царстве // Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель / сост. Р. Гульчинский. М., 2000. С. 135–148; Он же. Мой архив // Там же. С. 149–155; Он же. Мой истинный друг // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 17–24; Он же. Патриархи // Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Зимина, Л.Н. Простоволосова. М., 2005. С. 29–57; Он же. Несравненный Степан Борисович // Там же. С. 58–73; Он же. Дети становятся взрослыми // Там же. С. 74–126; Он же. «Великолепный неудачник» // Штаден Г. Записки о Московии. М., 2008. Т. 2. С. 11–12.

⁷¹ Лурье Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «Другого» в культуре. М., 1994. С. 194–209; Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. Штрихи к портрету // Россия в X–XVIII вв... Ч. 1. С. 19–23; Маматова Е.П. Вспоминая Александра Александровича Зимина // Там же. С. 23–29; «Они сохраняли лучшие традиции старой университетской дореволюционной школы...»: Из воспоминаний выпускников и преподавателей МГИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг. // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 94–103 (воспоминания Р.В. Овчинникова); Минаев В.В. Педагогическая харизма Александра Александровича Зимина // Учителя учителей: очерки и воспоминания. М., 2009. С. 73–77; Фроянов И.Я. От автора // Фроянов И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010. С. 3–20; Турок-Попова К.А. Человек и Слово // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 587–606; Хорошкевич А.Л. Феномен Зимина или подранок Октября [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4/> (последнее обращение - 14.05.2013); Формозов А.А. А.А. Зимин [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> (дата последнего обращения 14.05.2013); и др.

⁷² Зимина А.А. Мой архив. С. 154.

родственники, в распоряжение которых отошел личный архив ученого, по-прежнему считают необходимым далее сохранять этот запрет. Поэтому все, чем исследователи располагают на данный момент – это разрозненные фрагменты воспоминаний историка, не создающих целостной картины. Даже в опубликованных текстах можно обнаружить отдельные изъятия, маркируемые отточиями. Мотивы этих изъятий остались неизвестны.

Для воспоминаний характерна дистанцированность во времени от описываемых событий, избирательность и большая тенденциозность. При их использовании необходимо иметь в виду, что взгляд мемуариста всегда ретроспективен, он описывает те или иные события сквозь призму уже своего нового мировосприятия, что накладывает отпечаток на написанное, порою напрямую искажая приводимые в них факты. Как правило, мемуары полны ярких, запоминающихся образов, выбивающихся из «общего ряда», но при этом умалчивают о тех вещах, которые кажутся (или казались) автору само собой разумеющимися. Поэтому использование их в качестве материалов для реконструкции фактов и последовательности событий является крайне затруднительным. Однако благодаря их субъективизму, можно понять «душевное устройство» изучаемых лиц, систему ценностных координат, через которую они и «рисуют» происходившие с ними события.

Наибольший же интерес для характеристики мироощущения А.А. Зимина представляет его эссеистика⁷³. Следует отметить, что свои произведения историк создавал с целью автокоммуникации, они не предназначались для дальнейшей публикации, что определило низкий уровень самоцензуры в них. Большая их часть представляет собой часть сборника «Недодуманные мысли» и относится к 1960-1970-м гг. Как правило, речь в эссе идет об искусстве (литература, кинематограф, балет), однако размышления А.А. Зимина объемны, эстетические вопросы напрямую переходят в философскую и морально-этическую плоскость. Исключением здесь является интернет-публикация его философских размышлений второй

---

⁷³ Зимин А.А. О книгах, театре, кино и прочем: из архивного наследия / подг. публ. В.Г. Зиминой (работа с текстами, комментарии) и А.Л. Хорошкевич (вступ. ст.) // Отечественная история. 2002. № 1. С. 6–40; Он же. «Балет Григоровича чрезвычайно историчен...» А.А. Зимин о балете «Иван Грозный», 1975 г. // Исторический архив. 2010. № 1. С. 137–142; Он же. Недодуманные недоразмышления [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3-2/> (дата последнего обращения – 14.05.2013).

половины 1940-х гг., предпринятая А.Л. Хорошкевич⁷⁴. Они уникальны уже в силу самого факта своего появления – во время массовых идеологических кампаний, в атмосфере слежки и репрессий люди чрезвычайно редко вели какие-либо личные записи – любая из них могла стать основанием для ареста. А.А. Зимин не просто составляет таковые, но и открыто заявляет о своей приверженности идеалистическому, не-марксистскому мировоззрению, тесно связанному с религией.

Нами использованы и эпистолярные источники⁷⁵. В отличие от воспоминаний они – аутентичные источники, составленные «по горячим следам». Письма незаменимы для реконструкции событий, связанных с обсуждением «Слова о полку Игореве» – многие из решений и действий, принимаемых действующими лицами, оставались без необходимого документального оформления, и зафиксированы были лишь в посланиях, которыми обменивались участники событий. Как и воспоминаниям, им, конечно же, присуща тенденциозность и крайняя субъективность, но отсутствие длительной временной дистанции, разделяющей само событие и момент его фиксации, делают их для реконструкции хода событий более надежным источником информации. Как и в случае с воспоминаниями, их субъективизм так же может служить целям данного диссертационного исследования – даже из самого тона письма, стиля изложения возможно восстановить отношение автора к происходящему, в том числе и его эмоциональную реакцию.

Вторым видом задействованных источников стали материалы делопроизводства. Так, в научном архиве ИРИ РАН сохранилось личное дело А.А. Зимина⁷⁶, сохранившее в своем составе несколько представляющих большой интерес для нас. Автобиографии историка, копии приказов о присуждении ему научных сте-

⁷⁴ Он же. Размышления [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiaty-zimina-zimin3/> (дата последнего обращения – 14.05.2013).

⁷⁵ К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Из переписки академика Д.С. Лихачева / публ. Л.В. Соколовой // Русская литература. 1994. № 2. С. 232–268, № 3. С. 213–245; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева) / подг. текста, вступ. ст. и коммент. Л.В. Соколовой // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. LVI. С. 385–422; Из писем Я.С. Лурье к А.А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / подг. текста, примечания Е.И. Ванеева, вступ. ст. О.В. Творогов // Звезда. 2006. № 2. С. 89–104. Архивный материал: АРАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Д. 248; АРАН. Ф. 1791 (Л.В. Черепнин). Оп. 1. Д. 358; АРАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 4. Д. 86; АРАН. Ф. 1604 (Н.М. Дружинин) Оп. 4. Д. 432; НИОР РГБ. Ф. 373 (Н.Г. Бережков). К. 83. Ед. хр. 8; НИОР РГБ. Ф. 648 (А.И. Клибанов). К. 80. Ед. хр. 23 и др.

⁷⁶ Научный архив ИРИ РАН. Ф. Институт истории. Отдел кадров. Индекс 350. 1. 3. 101. Личные дела сотрудников. Зимин А.А.

пней кандидата и доктора наук, несколько личных листков по учету кадров, выписки из протоколов заседания Ученого совета позволяют проследить карьерный путь ученого и его профессиональное становление, изменение его семейного положения. Главный, основной интерес представляют характеристики А.А. Зимина, предназначенные для выборов в Академию наук и отзывы о его научной деятельности, подготовленные непосредственными начальниками историка. Подписанные одними из авторитетнейших и влиятельных фигур того времени (Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, А.В. Арциховский и др.), они, таким образом, могут служить выражением отношения к нему научного сообщества в целом.

Весьма информативна и протокольная документация⁷⁷. В большинстве случаев они представляют собой правленные стенограммы, машинопись с внесенными от руки пометками. Для советских историков характерно подобное скрупулезное отношение к своим публичным высказываниям, что было связано не только с возможностью дальнейшей публикации всего зафиксированного (чем, например, объяснимы большие масштабы правок заключительного слова А.А. Зимина на обсуждении его монографии «Слово о полку Игореве»), но и политико-идеологической обстановкой в стране, когда каждое «неуместное» высказывание могло стать основанием для преследования. Несмотря на то, что делопроизводственные источники выполняют управленческие функции, для многих из использованных в диссертации материалов не менее значимой является и научно-коммуникативная функция (протоколы защит кандидатской и докторской диссертаций, стенограмма обсуждения «Слова о полку Игореве» и т.д.).

Наконец, нами была задействована деловая переписка, сохранившаяся в архивном фонде аппарата ЦК КПСС. Здесь лишь два документа – письма вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева в Идеологический отдел ЦК КПСС и письмо заведующего Идеологическим отделом И.И. Удальцова в ЦК КПСС с прось-

⁷⁷ АРАН. Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 153; АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 433; АРАН. Ф. 457 (Отделение истории АН СССР). Оп. 3(1964). Д. 1 – 20 (правленный вариант стенограммы переиздан в сборнике: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х гг./ Вступ. ст., подг. текстов и коммент. Л.В. Соколова. СПб., 2010. С. 145–576); АРАН. Ф. 1901 (Археографическая комиссия). Оп. 1. Д. 3; ЦАГМ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 456 и др.

бой о согласовании⁷⁸. Вся вышеуказанная переписка посвящена итогам обсуждения «Слова о полку Игореве» и отражает реакцию на происходящее со стороны партийных чиновников и научных администраторов.

Почти все (за исключением стенограммы обсуждения «Слова о полку Игореве») использованные в диссертации архивные материалы впервые вводятся в научный оборот.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в нем сделана попытка реконструировать творчество А.А. Зимины в целом, как взаимосвязанной системы его научных воззрений. Так же впервые творческий путь А.А. Зимины воссоздается с позиций интеллектуальной биографии, с применением наработок современной гуманитаристики, что позволило перейти от простого изложения основных положений работ историка к их тщательному анализу, вписать систему его воззрений в контекст развития отечественной исторической науки XIX – начала XXI в. При этом предлагается собственное определение объекта и предмета жанра интеллектуальной биографии (ранее в научной литературе не получившее четкой формулировки). Вводятся в оборот источники, находившиеся вне поля зрения историографов (протоколы защиты кандидатской и докторской диссертации А.А. Зимины, переписка Идеологического отдела ЦК КПСС и ЦК КПСС по вопросу издания монографии «Слово о полку Игореве» и др.).

Практическая значимость исследования. Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы при составлении общих и специальных учебных курсов по российской историографии, отчасти – по истории России для высших учебных заведений, а так же учебных пособий к ним. Теоретико-методологическая основа диссертации может рассматриваться в качестве модели для дальнейшего построения интеллектуальных биографий отечественных и зарубежных ученых.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры истории России Института гуманитарного образования Челя-

⁷⁸ РГАНИ. Ф. 5(Аппарат ЦК КПСС). Оп. 55. Д. 62.

бинского государственного университета. Основные положения автором были озвучены в докладах на международных (Москва, 2010, 2010, 2012; Челябинск, 2011; Оренбург, 2014) и всероссийских (Нижевартовск, 2008, 2011, 2012, 2014; Екатеринбург, 2009) научных конференциях. Основные результаты опубликованы в 26 публикациях (общий объем 10,68 п.л., авторский вклад 9,93 п.л.), 5 из них в журналах, находящихся в рекомендательном списке ВАК (общий объем 3,85 п.л., авторский вклад 3,35 п.л.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы и источников.

Глава 1. Формирование историка-профессионала: 1930 – начало 1960-х гг.

§1. Становление личности ученого и вхождение в науку: кандидатская диссертация

Детство и юность историка: среда и формирование профессиональных наклонностей. Начать разговор о жизни ученого следует с его родителей и среды, в которой он вырос. Мать историка, Анна Михайловна, в девичестве Береснева, в первом браке Некрасова, была дворянкой и происходила из рода графов Каменских. Ее первый муж погиб во время Первой мировой войны. Историк стал сыном ее второго мужа, Александра Ивановича Зимина, дворянина, офицера царской армии, служившего в драгунском полку. Оба работали в Российском совете народного хозяйства, где, вероятно, и произошла их встреча. Брак был заключен в 1918 г. В феврале 1919 г. А.И. Зимин перешел на работу в Наркомат по военным делам. В октябре того же года его направили в командировку в с. Михайловское-Шарык Оренбургского уезда, где он заразился тифом и умер, так и не дожив до рождения своего сына. Будущий историк появился на свет 22 февраля 1920 г. Воспитывался А.А. Зимин третьим мужем Анны Михайловны, Петром Митрофановичем Комаровым (брак был заключен в 1925 г.), до революции принадлежавшим к городским обывателям, работавшего зубным врачом¹.

А.А. Зимин рос и воспитывался в среде, органически связанной с дореволюционным дворянством (мать – дворянка, отчим – мещанин), впитывал культуру старой интеллигенции. Впоследствии А.А. Зимин обнаруживал великолепные познания в русском и мировом искусстве (литература, кино, балет). Впитал он и многие из ценностных установок российской интеллигенции, что особенно ярко проявилось в его личных записях. Можно предположить, что в финансовом плане

---

¹ Каштанов С.М., Чернобаев А.А. Указ. соч. С. 804. А.А. Формозов озвучивает в своих воспоминаниях и иную версию смерти отца историка – гибель на скачках (Формозов А.А. А.А. Зимин [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> (Дата последнего обращения - 14.05.2013). Проверить эти сведения на настоящий момент не представляется возможным.

семья будущего историка была относительно обеспечена (отчим работал зубным врачом), из материальных трудностей, с которыми он столкнулся в детстве, можно указать жилищную проблему (проживание вместе с родителями в чрезвычайно тесной комнате в коммунальной квартире), однако в те годы с этим сталкивались многие.

Остается неясен и вопрос о том, как формировались будущие профессиональные интересы ученого. А.М. Дубровский, работавший с личным архивом А.А. Зимина, приводит следующие слова из его автобиографии: «Родился... в семье, где любовь к истории составляла естественную стихию. Уже с детских лет рассказы близких о далеком прошлом, о встречах с Ключевским... пробудили неистребимое желание постичь смысл и ход русской истории»². С.М. Каштанов указывает на роль непосредственного общения с родственниками, занимавшимися историческими разысканиями³. В одном из опубликованных отрывков из воспоминаний А.А. Зимина можно прочесть: «Историком меня сделала жизнь. Я ее носил в себе, она творилась у меня на глазах, ее наследниками были все, кто меня окружает»⁴. Немалую лепту внесло и увлечение юного А.А. Зимина классической русской литературой, активно эксплуатировавшей исторические сюжеты⁵. Когда будущий ученый уже обучался в школе, его отчим увлекся собиранием научно-популярной исторической литературы. Так А.А. Зимин познакомился с трудами О. Егера и Ф. Шлоссера⁶.

Впрочем, необходимо отметить тот факт, что все эти сведения имеют позднее происхождение, когда историк уже был состоявшимся ученым. Ретроспективный взгляд, как правило, существенно упрощает пройденный путь, отсекает нереализованные альтернативы. Он не был единственным выходцем из семьи «бывших», любившим русскую литературу и книги по истории, но далеко не все из них пошло в историческую науку. Вероятно, были и иные, оставшиеся нереа-

² Цит. по: Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 141.

³ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. С. 370.

⁴ Зимин А.А. В книжном царстве // Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Гульчинский. М., 2000. С. 136.

⁵ Историк отмечает «Полтаву» А.С. Пушкина и «Волшебный корабль» М.Ю. Лермонтова (Там же).

⁶ Там же. С. 136–137.

лизованными, варианты профессиональной социализации А.А. Зимина, не предполагавшие какой-либо связи с исторической наукой. Своим ученикам он говорил, что «в юности... колебался между желаниями стать врачом и историком», при этом «история победила потому, что, по его словам, в качестве историка он мог быть полезен большему числу людей, в том числе давно ушедшим из жизни»⁷.

Конечно же, немалую роль в выборе профессиональной ориентации будущего историка должен был сыграть и совершившийся в первой половине 1930-х гг. «разворот» в идеологической и культурной политике Советского государства.

1920-е гг. были временем торжества идей классовой борьбы и пролетарского интернационализма, что не лучшим образом отразилось на условиях бытования исторической науки, особенно той ее части, что была ориентирована на изучение событий далекого прошлого. Страна жила в предощущении наступления новой мировой эры, и национальное прошлое воспринималось в негативном ключе, как нечто «тянущее на дно». В центр внимания исследователей помещались наиболее идеологизированные темы, связанные с новейшей историей и классовой борьбой, все остальные активно вытеснялись на периферию научных изысканий⁸. Это неизбежно отразилось и на системе образования. После революции история в школе была заменена преподаванием общественных дисциплин, как правило, предельно социологизированным. Коснулась эта реорганизация и вузов: с 1919 г. упразднялись исторические факультеты, вместо них создавались ФОНы – факультеты общественных наук. Таким образом, само существование истории как самостоятельной научной дисциплины было поставлено под большое сомнение.

Ситуация меняется в начале 1930-х гг. Перестановка сил на международной арене, фактический крах идеи мировой революции заставил руководство государства озаботиться проблемой мобилизации сил общества для борьбы с внешней угрозой. Государственная пропаганда являлась одним из каналов этой мобилизации.

---

⁷ Минаев В.В. Педагогическая харизма Александра Александровича Зимина // Учителя учителей. Очерки и воспоминания. М., 2009. С. 75.

⁸ См. напр.: Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х гг. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158; Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20-30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 28-53

Практика продемонстрировала, что идеи пролетарского интернационализма не находили отклика у населения. В этих условиях партийные идеологи обращаются к старым, русскоцентрическим идеям, что изменило всю идеологическую и культурную политику государства⁹.

Сфера образования едва ли не первой ощутила на себе этот идеологический разворот. Уже в начале 1930-х гг. в РСФСР предпринимались попытки ввести преподавание общественных дисциплин элементы истории. В 1934 г. знаменитое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) восстанавливало преподавание истории в школе. Вслед за этим последовало и восстановление исторических факультетов в вузах – школе были нужны профессиональные кадры учителей истории. Из ссылок спешно возвращались представители старой профессуры, ранее осужденные по так называемому «Академическому делу»¹⁰. Эти перемены создали благоприятную почву для дальнейшего становления А.А. Зими́на как историка.

Учитель и ученик: С.В. Бахрушин и А.А. Зимин. В 1938 г. А.А. Зимин поступает на исторический факультет МГУ. Следует подчеркнуть, что обучаясь в университете, он имел возможность непосредственно перенимать опыт у таких ученых, как М.Н. Тихомиров, К.В. Бази́евич, М.В. Нечкина, С.Д. Сказкин, Б.Д. Греков. Научным руководителем его стал С.В. Бахрушин, на личности которого, конечно же, необходимо остановиться обстоятельно.

Сергей Владимирович Бахрушин¹¹ (1882–1950) был представителем дореволюционного поколения историков, причем происходил он из известного купеческого рода («бывший»). В 1930 г. он вместе с другими «старыми» историками был арестован в ходе знаменитого «Академического дела», и отправлен на 5 лет в ссылку, откуда его досрочно вернули в 1933 г. Связь А.А. Зими́на с культурными

⁹ Механизм этого «разворота» обстоятельно описан Д.Л. Бранденбергером: Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931 – 1956). СПб., 2009. С. 18–79.

¹⁰ См.: Гришаев О.В. Партийно-правительственная политика в области исторического образования середины – второй половины 1930-х годов и ее влияние на науку отечественной истории в СССР в предвоенные годы. Автореф. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000; Пепелина Н.И. Эволюционные процессы в школьном историческом образовании 1920–1930 годы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 37–67.

¹¹ См.: Каштанов С.М. Творческое наследие С.В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки (к 100-летию со дня рождения) // История СССР. 1982. № 6. С. 110–123; Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 192–206.

традициями дореволюционной интеллигенции продолжала поддерживаться и через учителя.

К моменту поступления А.А. Зими́на в аспирантуру к С.В. Бахрушину, тот уже являлся крупным авторитетным исследователем, в целом адаптировавшимся к новым реалиям жизни. Самым ярким показателем того, пожалуй, являлось не столько количество наград и званий, а его участие в составлении учебников по истории для школы и вузов. В 1940 г. он станет заведующего сектором истории СССР периода феодализма, который будет занимать вплоть до своей смерти в 1950 г. В его трудах можно было обнаружить необходимые марксистские термины и цитаты из «классиков»¹². Во многом такая конформность стала результатом психологического слома из-за политических преследований начала 1930-х гг.

Во второй половине 1930 – начале 1940-х гг. (то есть во время обучения под его руководством А.А. Зими́на) в центре научных интересов С.В. Бахрушина стояли Киевская Русь и Московская Русь времени правления Ивана Грозного. Наработки его в этой области впоследствии будут восприняты А.А. Зими́ным, поэтому следует хотя бы кратко упомянуть о них.

С.В. Бахрушин был первым (хронологически) из основателей концепции «дофеодального периода»¹³. В ее основе лежала мысль о том, что Киевская Русь представляла собой переходное общество, уже не первобытнообщинное, но и не феодальное. IX–XII вв., с точки зрения сторонников данной концепции, являлись временем постепенного социального расслоения, появления и распространения крупного феодального землевладения и формирования основных классов феодального общества – феодалов и феодально зависимого крестьянства. Политическое устройство Киевской Руси отождествлялось им с военной демократией. Своего рода переломным моментом в процессе феодализации древнерусского общества С.В. Бахрушин считал правление Владимира Святого. Эти идеи столкнули его с Б.Д. Грековым, сторонником идеи феодального характера Киевской Руси.

¹² В неопубликованных воспоминаниях М.Н. Тихомирова зафиксирован эпизод его размолвки с К.В. Базилевичем. Когда аргументы были исчерпаны, С.В. Бахрушин заявил ему: «А Маркс с Вами, Константин Васильевич не согласен» (АРАН Ф. 693. Оп. 6. Д. 11. Л. 17).

¹³ См. Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 249, 255; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С. 214–218.

Видимо, это в немалой степени стало причиной того, что С.В. Бахрушин так и не смог стать академиком АН СССР, несмотря на все свои старания, что он воспринимал чрезвычайно эмоционально¹⁴.

Правление Ивана Грозного он считал одним из ключевых моментов создания и функционирования Русского централизованного государства¹⁵. В целом, согласно С.В. Бахрушину, процесс его создания к началу правления первого русского царя уже был завершен. Но, несмотря на это, в социально-политической сфере жизни страны сохранились многочисленные пережитки удельных времен (какие именно, историк не пояснял). Иван Грозный в ходе своего правления ликвидировал их, усилил степень централизации государства, спаял страну воедино, подготовив ее к будущим тяжелым испытаниям. Основу всех политических мероприятий царя он, в духе С.М. Соловьева и С.Ф. Платонова, видел в противостоянии реакционного боярства, носителей сепаратистских устремлений, и прогрессивного дворянства, сторонников централизации. Реформы Избранной рады, с его точки зрения, являли собой попытку найти компромисс между этими социальными группами. Их ограниченность мешала выполнению поставленной задачи, поэтому последовавшая вслед за ними опричнина уже носила ярко выраженный антибоярский характер. Итоги правления Ивана Грозного оценивались историком как позитивные.

Следует отметить и такую черту педагогической деятельности С.В. Бахрушина, как его стремление в качестве надежной основы источниковедческого исследования прививать своим ученикам знание методики А.А. Шахматова¹⁶. На научные воззрения А.А. Зимина методика А.А. Шахматова окажет сильнейшее влияние, ее принципы в дальнейшем станут основой всех его источниковедческих представлений.

---

¹⁴ Об этом см. в воспоминаниях М.Н. Тихомирова: АРАН Ф. 693 (Тихомиров М.Н.). Оп. 6. Д. 11. Л. 14–15.

¹⁵ Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942 (2-е изд. М., 1945); Он же. «Избранная рада» Ивана Грозного // Исторические записки. 1945. Кн. 15. С. 29–56; Он же. Самодержавие Ивана IV. М., 1946.

¹⁶ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета // Археографический ежегодник за 2005 г. М., 2007. С. 316, 325.

Источники позволяют говорить о «теплых», доброжелательных отношениях учителя и ученика¹⁷. Так, в личном фонде С.В. Бахрушина сохранилось письмо его ученика, датированное 11 июня 1945 г., содержащее поздравления его с неким «награждением»¹⁸. А.А. Зимин благодарил С.В. Бахрушина «за многолетнее воспитание во мне историка», называл его «идеалом русского историка». «Исторические сочинения» С.В. Бахрушина, по словам А.А. Зимины, были для него «любимыми произведениями русской исторической мысли»¹⁹. Весьма интересным представляется тот факт, что С.В. Бахрушин в письме именуется «преемником Ключевского, Шахматова, Любавского»²⁰. Сам перечень говорит о том, что А.А. Зимин воспринимал себя наследником традиций дореволюционной исторической науки (через своего учителя). Симптоматично присутствие в этом ряду А.А. Шахматова, что свидетельствует о внимании, которое С.В. Бахрушин уделял ознакомлению своих учеников с его текстологической методикой.

В свою очередь С.В. Бахрушин неоднократно давал своему ученику положительные характеристики (отрывок одной из них, отложившейся в личном архиве А.А. Зимины, привел в своей статье А.М. Дубровский²¹, о его отзыве на кандидатскую диссертацию юного ученого речь пойдет позднее). В личной беседе с диссертантом ученица А.А. Зимины М.Е. Бычкова сообщила следующий, представляющийся весьма символическим, факт: после смерти С.В. Бахрушина его старейший письменный стол отдали именно А.А. Зимину (к сожалению, диссертант не смог выяснить, было ли это последней волей покойного, или же решение принималось уже без его участия).

¹⁷ Более обстоятельно о взаимоотношениях С.В. Бахрушина и А.А. Зимины см.: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и А.А. Зимин // Историк в России. Между прошлым и будущим. С. 480–515. А.М. Дубровскому в целом удалось обрисовать картину взаимоотношений учителя и ученика. Мы не будем повторяться и просто отсылаем наших читателей к этой статье, в диссертации ограничившись лишь некоторыми основными (с нашей точки зрения) их аспектами и тем, что осталось за рамками вышеуказанного исследования.

¹⁸ В письме не сказано, о какой награде идет речь. Вероятно, это неточность А.А. Зимины, и историк имел в виду не присуждение премии или предоставление нового ученого звания, а назначение С.В. Бахрушина членом АНП СССР, которое и произошло в 1945 г.

¹⁹ АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Ед. хр. 86. Л. 1–1об.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ «Уже на I курсе проявились его выдающиеся дарования, большие познания в области литературы и источников, умение ставить широкие научные проблемы и разрабатывать детальные научные вопросы... Я горжусь тем, что мне довелось положить основание его научной работе и могу смело сказать, что считаю его в числе наиболее выдающихся среди моих учеников, которых за тридцать лет моей преподавательской деятельности в Московском университете у меня было немало» (Цит. по: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета. С. 326).

Годы учебы: приобретение профессиональных навыков и формирование «философии двух миров». В студенческие годы основным объектом внимания А.А. Зимина оказалась Киевская Русь (в чем явно сказалось влияние учителя). Сохранился план курсовой работы А.А. Зимина за второй курс под названием «Причерноморская Русь и Византия в IX в.»²². В работе предполагалось шесть глав, объем – свыше 61 страницы²³. В целом структура работы была выстроена по хронологическому принципу, но первая глава отводилась анализу известий Бретинских анналов о послах-русах. Впоследствии большой источниковедческий уклон станет одной из отличительных черт работ историка. Тогда же, на втором курсе, студент А.А. Зимин за свой доклад «Разбор источниковых свидетельств о крещении Руси» получит первое место на конкурсе докладов исторического факультета МГУ и будет награжден за него Сталинской стипендией²⁴.

В целом учеба А.А. Зимина протекала спокойно, без каких-либо эксцессов. Однако немалые трудности оказались вызваны начавшейся войной. На фронт он не был призван из-за серьезного заболевания – туберкулеза. Болезнь, по свидетельству Е.Н. Кушевой, знакомой с матерью А.А. Зимина, была весьма серьезной и в годы аспирантуры он не раз будет находиться при смерти²⁵. В связи с началом войны он все же оставил учебу и с августа по сентябрь 1941 г. работал слесарем IV разряда на автозаводе им. И.С. Сталина. Свое образование А.А. Зимин закончил в Среднеазиатском государственном университете (САГУ) в Ташкенте, в котором после эвакуации работало большинство преподавателей исторического факультета МГУ (в том числе и С.В. Бахрушин). Студентом САГУ он был с сентября 1941 г. по июнь 1942 г. Получив диплом, А.А. Зимин поступает в декабре 1942 г. в аспирантуру Института истории АН СССР, где его научным руководителем

²² АРАН. Ф. 624. Оп. 5. Ед. хр. 129. Л. 1.

²³ В плане были указаны лишь начальные номера страниц, с которых начинались главы. Заключение начиналось с 61 страницы.

²⁴ Мерзон А.Ц. Конкурс на лучший доклад на историческом факультете МГУ // Историк-марксист. 1940. № 6. С. 147.

²⁵ Б.А. Романов – Е.Н. Кушевой. Переписка 1940–1957 годов / сост. В.М. Панеях. СПб., 2010. С. 342. Письмо датировано 1954 г.

вновь стал С.В. Бахрушин. Из-за болезни срок пребывания его в аспирантуре будет продлен до января 1947 г.²⁶

Видимо, именно в 1940-е гг. А.А. Зимин впервые начал критически осмысливать окружающую его действительность. Так, в его воспоминаниях упоминается созданная им в 1942 г. «Песнь освобожденного разума», им же самим уничтоженная (как не вполне ясно пояснил историк мотивы этого поступка, «годы были военные»²⁷). Судя по названию, в этой рукописи вполне могли быть «вольнлюбивые» суждения. Его личные записи, сделанные в 1945 – начале 1950-х гг., свидетельствуют о том, что историк разделял многие из идей русских религиозных философов рубежа XIX – XX вв., напрямую противоречащих основным постулатам марксистской философии²⁸. В более поздних записях, относящихся к середине – второй половине 1970-х гг., А.А. Зимин будет говорить о том, что большое влияние на него оказало чтение в военные годы О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, Ф. Ницше и славянофилов. Судя по маргиналиям на книгах из его личной библиотеки, А.А. Зимин ставил под сомнение некоторые из положений марксистской философии. Так, читая работу Е. Трубецкого «К характеристике учения К. Маркса и Ф. Энгельса» он отмечает то место, в котором автор критиковал присущий марксизму экономический детерминизм²⁹.

В формировании такого «оппозиционного» мировоззрения, по-видимому, сыграла большую роль его первая жена, Анна Васильевна Новская, бывшая большой поклонницей славянофилов. К сожалению, о ней практически ничего не известно, в первую очередь в силу закрытости для исследователей личного архива А.А. Зимина. С уверенностью, пожалуй, можно говорить лишь о том, что познакомились они в студенческие годы, будучи однокурсниками. Их сближению способствовал помимо прочего общий круг интересов – А.В. Новская занималась историей русского крестьянства, в центре ее исследовательского внимания стоял

²⁶ Научный архив ИРИ РАН. Ф. Институт истории. Отдел кадров. Индекс 350. 1. 3. 101. Личные дела сотрудников. Зимин А.А. Л. 6–14.

²⁷ Зимин А.А. Мой архив // Александр Александрович Зимин: библиографический указатель. М., 2000. С. 150.

²⁸ См.: Он же. Размышления [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3/> (дата последнего обращения – 14.05.2013). Так как историософские воззрения А.А. Зимина напрямую связаны с его этическими представлениями, мы поместили анализ этих источников в Гл. 3. §1 настоящей диссертации.

²⁹ Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин... С. 142; Он же. История и власть. С. 706–707.

период Киевской Руси. Жена всячески поддерживала и заботилась об испытывавшем большие проблемы со здоровьем муже. К сожалению, история их совместных отношений завершается очень трагично. А.В. Новской по состоянию здоровья была противопоказана беременность, однако А.А. Зимин настаивал на рождении «наследников». В результате в 1944 г. во время родов погибла и сама А.В. Новская, и двое их детей. А.А. Зимин до конца своей жизни будет испытывать чувство вины, называть себя «убийцей»³⁰.

Следует отметить, что необходимость приводить свои печатные труды в соответствие с идеологическими требованиям советской цензуры привела к возникновению у А.А. Зимина «двоемыслия», что порождало серьезный психологическим дискомфорт. А.М. Дубровский приводит следующий фрагмент из личных записей историка: «...Я тогда думал, что формула «кесарево кесарю, Богови Божие» помогает выйти из довольно сложной коллизии, в которой я находился. ...Пусть же служба и ее устои останутся без моей души, а я буду в них присутствовать «винтиком». Так создавалась философия двух миров... Творчество тем самым лишалось живительного источника вдохновения, превращаясь в сумму логических упражнений. Так почти двадцать лет в своем творчестве я усиленно тушил те искорки, которые еще тлели где-то в глубине души»³¹.

Кандидатская диссертация. С поступлением в аспирантуру меняется сфера научных изысканий историка. Вероятно, в связи с постепенным возвышением Б.Д. Грекова, основного научного оппонента С.В. Бахрушина, ему пришлось «отодвинуть на второй план» темы, связанные с Киевской Русью. Научный руководитель подсказывает ему новую, весьма актуальную тему, а именно – историю вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря. В этом проявился весьма точный «источниковедческий расчет» - от монастыря осталось весьма много хозяйственной документации, причем на тот момент обстоятельно не изученной (хотя по-

³⁰ На настоящий момент единственным источником сведений о личной жизни и первом браке А.А. Зимина для нас являются немногочисленные воспоминания его коллег и знакомых, см.: Шмидт С.О. Воспоминания об А.А. Зимине // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 24–25; Турок-Попова К.А. Человек и Слово // Там же. С. 588–589, 594–597; Хорошкевич А.Л. Феномен А.А. Зимина или подранок Октября // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4/> (дата последнего обращения - 14.05.2013).

³¹ Цит. по: Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин... С. 141.

пытки того уже предпринимались). Привлекало к теме и большая роль монастыря в социально-политической и культурной жизни Московской Руси.

А.А. Зимин блестяще справился со своей задачей. Его диссертация стала существенным вкладом в советскую историческую науку. А.А. Зимин обратился к теме истории феодальной вотчины под новым углом зрения. Его предшественники по отдельности, изолированно изучали хозяйственные, социально-экономические и культурно-политические аспекты существования вотчины. Историк же увидел их взаимосвязанность и взаимообусловленность, которую и считал необходимой раскрыть. Такая постановка вопроса предопределила гигантский объем работы, которую пришлось проделать молодому исследователю. В диссертации (часть, озаглавленная им «От автора») А.А. Зимин пояснил, что свое исследование он решил разделить на две части, одну из которой посвятить социально-экономическим аспектам существования монастырской вотчины, другую - хозяйственным³². К защите он подготовил лишь первую часть исследования, объем ее, за исключением многочисленных приложений, составил свыше 628 страниц³³. При этом историк довольно обстоятельно изложил план предполагаемого второго тома³⁴. В нем речь должна была идти о социальной структуре принадлежащих монастырю крестьян, особенностях форм их эксплуатации, структуре управления хозяйством и способах его ведения. Вполне возможно предположить, что второй том на момент защиты диссертации находился в разработке.

Для кандидатской диссертации А.А. Зимины характерен заметный источниковедческий уклон. Глава, посвященная разбору источников, заняла в ней свыше полутора сотен страниц³⁵, при этом историк заранее оговаривает, что в нее вошла лишь часть его источниковедческих изысканий, касавшихся наиболее значимых для него документов. Если он приходил к сходным с другими учеными выводам, А.А. Зимин ограничивался ссылками на их труды. Историк привлек к своему ис-

³² Зимин А.А. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства. М., 1947. Ч. 1. С. I–II, V–VI (рукопись).

³³ К сожалению, в сохранившемся экземпляре работы, хранящемся в виде микрофильма в отделе диссертаций РГБ, большая часть страниц расположены хаотически, установить номер последней страницы нам не удалось. В оглавлении указаны лишь номера первых страниц, «Заключение» начинается с 628 страницы.

³⁴ Зимин А.А. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства. С. V–VI.

³⁵ Там же. С. 28–201.

следованию максимально возможное количество источников, помимо актов и другой хозяйственной документации (вкладные книги, меновые книги, сотные грамоты, долговые книги) им были использованы агиографические произведения, летописи, публицистические сочинения. Фонд Иосифо-Волоколамского монастыря оказался рассредоточен между 6 архивохранилищами, поэтому ученому пришлось работать и за пределами Москвы (архив ЛОИИ, отдел рукописей ГПБ, Волоколамского монастыря). Скрупулезный анализ каждого из источников сочетался с их максимально возможным привлечением к исследованию. В дальнейшем это будет характерно для всех последующих работ А.А. Зимина.

Историю Иосифо-Волоколамского монастыря ученый исследовал в контексте формирования Русского централизованного государства. Из всего текста работы явствует, что Иосифо-Волоколамский монастырь для него – прекрасный пример, дающий возможность раскрыть закономерность сотрудничества великокняжеской власти и монастырей (механизм которого был им описан в первом параграфе первой главы³⁶).

Рассказ об основании монастыря А.А. Зимин предваряет весьма обстоятельным воссозданием истории Волоцкого княжества. Реконструируя фон, на котором протекала деятельность монастыря, историк обратился к изучению состава землевладельцев княжества. Изыскания эти привели его к весьма интересным выводам: среди них преобладали мелкие и средние вотчинники, причем многие из них получили землю от московского великого князя. Это, по мнению А.А. Зимина, предопределило их «лояльность» по отношению к центральной власти и повлияло на развитие монастыря³⁷.

Первоначально монастырь находился под патронатом удельного князя Бориса Васильевича Волоцкого и его старшего сына Ивана Рузского, предоставлявшего ему земли и денежные подарки³⁸. После смерти последнего ситуация резко меняется. Как полагает А.А. Зимин, Иосиф Санин, установивший благожелательные отношения с Иваном III, уговорил князя Ивана Борисовича перед его смер-

---

³⁶ Там же. С. 202–206.

³⁷ Там же. С. 240–246.

³⁸ Там же. С. 264–272.

тью завещать половину своих владений и город Рузу великому князю. На эти владения претендовал младший сын Бориса Васильевича Федор Борисович, ставший после смерти брата Волоцким князем. Не забывший своих обид, кроме того, испытывавший финансовые затруднения, он неоднократно грабил монастырь. В таких условиях Иосиф Санин в 1507 г. переводит свой монастырь под великокняжеский патронат³⁹. Будучи одаренным публицистом, что подчеркивал историк, Иосиф Санин развивает в своих произведениях теорию сильной воинствующей церкви, которая органически сочеталась у него с идеями о божественном происхождении царской власти и необходимости их сотрудничества. Вокруг него формируется влиятельное движение осифлян. Следует отметить, что А.А. Зимин оценивал деятельность осифлян в качестве прогрессивной, так как она способствовала централизации государства. Их противники, нестяжатели, характеризовались им как союзники бояр, следовательно - реакционная сила. В более позднем творчестве эти оценки сильно изменяться. В борьбе двух течений победу одержали осифляне, благодаря чему и оформляется союз великокняжеской власти и монастырей. Подавляющее большинство церковных постов после осуждения нестяжателей будут занимать осифляне или связанные с ними лица, падение влияния Иосифо-Волоколамского монастыря наступит лишь в 60–70-е гг. XVI в. Союз монастырей и сторонников сильной воинствующей церкви будет разорван с возникновением абсолютной монархии, не нуждавшейся в поддержке со стороны церкви и тяготившейся необходимостью компромиссов с нею⁴⁰.

А.А. Зимин, как всякий серьезный исследователь, не мог ограничиться простой констатацией факта подобного сотрудничества, он вскрыл его предпосылки, показал, что способствовало сближению монастырской корпорации с московским великим князем. Он изучил социальный состав вкладчиков монастыря, придя к выводу о преобладании среди них средних вотчинников. Одновременно он восстановил и историю формирования земельных владений монастыря, большинство из которых располагалось в пределах самого Волоцкого уезда. Изучил он и соци-

---

³⁹ Там же. С. 272–314.

⁴⁰ Там же. С. 484–588.

альный состав братии, концентрируя свое внимание при этом на наиболее влиятельных среди них лицах (игуменах, старцах). Все они, в том числе и Иосиф Санин, являлись выходцами из мелких землевладельцев. Основная же часть братии, по наблюдениям А.А. Зимина, происходила из числа крестьян и посадского населения⁴¹. Подобные рядовые мелкие и средние землевладельцы, как считалось на тот момент в исторической науке, были предрасположены к сотрудничеству с великокняжеской властью.

Помимо самого исследования А.А. Зимин составил и отдельный том «Приложений», по объему сопоставимый с ним (свыше 622 страниц). В него были помещены тексты задействованных в диссертации источников⁴², а также составленные в ходе исследования таблицы и графики. Все это свидетельствует о гигантском объеме проделанной историком работы.

«Инициация»: случай «идеальной» защиты кандидатской диссертации. Диссертационная культура, то есть совокупность социокультурных и научных практик, связанных с процессом защиты диссертации, еще не стала объектом пристального внимания со стороны историографов. Вопрос о ее исследовании сравнительно недавно был поставлен челябинскими историками Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной⁴³. Уже первые попытки очертить границы нового предмета изучения показали, сколь разнообразны аспекты избранной ими темы. В данной диссертации ракурс зрения исследователя несколько сужен. Процесс защиты диссертации

⁴¹ Там же. С. 314–484. С.М. Каштанов отметил, что «тезис А.А. Зимина о всеобщем характере монастырской корпорации был чрезвычайно важен с методологической точки зрения», так как «он шел вразрез с традиционным для советской историографии восприятием монастырей как феодалов-эксплуататоров» (Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря // *Линия судьбы: Сборник статей, очерков, эссе.* М., 2007. С. 127).

⁴² С.М. Каштанов, говоря о большой ценности составленных А.А. Зиминим приложений, заметил: «Уникальное значение приобрели копии А.А. Зимина 1945 г. с некоторых подлинных актов, хранившихся в Волоколамском музее и позднее утраченных. По одной из таких копий А.А. Зимин смог в 1956 г. опубликовать текст подлинной жалованной грамоты патриарха Иова (около 1601–1602 гг.) Иосифо-Волоколамского монастыря на церковь Успения Богородицы в Осташковской слободе Ржевского уезда» (Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин как исследователь... С. 120. Публикация была осуществлена в издании: *Акты феодального землевладения и хозяйства.* М., 1956. Ч. 2. С. 458–459.)

⁴³ См. напр.: Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // *Мир историка: историографический сборник.* Омск, 2010. Вып. 6. С. 9–21; Они же. Российская диссертационная культура XIX – начала XX вв. в восприятии современников: к вопросу о национальных традициях // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории.* М., 2011. Вып. 36. С. 221–247; Они же. Диссертационная культура в 1917 – начала 1940 годов: проблема преемственности и разрыва традиций // *История науки и образования. Материалы международной научной конференции.* Казань, 2012. С. 102–105.

трактуются нами как символический акт надления ученого «научным капиталом». Размер «приобретения» зависел от множества параметров, а именно: фигуры научного руководителя и оппонентов, их отзывов о диссертации, места защиты, «степени успешности» диспута (мнения членов совета, количество проголосовавших за и против). С этих позиций далее и будет рассматриваться процедура защиты кандидатской диссертации А.А. Зимина.

В личном фонде С.В. Бахрушина сохранился небольшой рукописный отзыв о работе своего ученика. Давая ей оценку, он писал: «Диссертация А.А. Зимина представляется мне ценным исследованием, превосходящим и по <нрзб> привлеченного свежего архивного материала, и по кругу поставленных вопросов, и по глубине их разработки обычные требования, предъявляемые к кандидатской диссертации»⁴⁴. Кроме того, он отмечает, что ученик вышел за рамки изначально указанного им, учителем, материала. Он все же счел нужным сделать два замечания: во-первых, А.А. Зимин, по его мнению, переоценил степень прогрессивности осифлян, равно как и реакционность нестяжателей; во-вторых, С.В. Бахрушин нашел неудачным применение диссертантом некоторых терминов (а именно «укрупнение» и «разукрупнение» монастырей)⁴⁵. Оба замечания, как это ясно видно, нельзя отнести к числу принципиальных, которые могли бы поколебать основные положения диссертации.

Защита состоялась 28 апреля 1947 г. в Ученом совете Института истории АН СССР. Весьма интересен выбор оппонентов – ими стали А.А. Новосельский⁴⁶ и Л.В. Черепнин⁴⁷. Оба они к тому времени уже были авторитетными учеными, а последний, несмотря на его шаткое положение в разгар кампании по борьбе с

⁴⁴ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 485. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 1об.

⁴⁶ О жизни и деятельности А.А. Новосельского см.: Преображенский А.А. К 100-летию А.А. Новосельского // Отечественная история. 1992. № 2. С. 96–106; Обухов А.Н. Н.Н. Новосельский как представитель дореволюционной школы исторической науки // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М., 2011. С. 90–92.

⁴⁷ О жизни и деятельности Л.В. Черепнина см.: Горский А.Д. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л.В. Черепнина (к 70-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 163–171; Медушевская О.М. Л.В. Черепнин и становление науки об источниках // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 53–58; Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим., 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 285–303.

космополитизмом, вскоре станет самым влиятельным среди специалистов по русской средневековой истории. На момент защиты А.А. Зимина они еще не занимали значимых административных постов, но вскоре после нее оба оппонента совершат серьезный карьерный взлет. А.А. Новосельский после смерти С.В. Бахрушина в 1950 г. будет назначен на открывшуюся вакансию заведующего сектором истории СССР периода феодализма ИИ АН СССР, в 1951 г. пойдет на повышение и превратится в заместителя директора, этот пост он будет занимать до 1953 г., когда его назначат заведующим сектором источниковедения и издания источников дооктябрьского периода. Л.В. Черепнин с 1951 г. и до своей смерти в 1977 г. занимал должность заведующего сектором истории СССР периода феодализма, причем с 1969 г. он одновременно возглавлял отдел истории докапиталистических формаций на территории СССР в том же Институте истории. Кроме того, Л.В. Черепнин был лауреатом многочисленных наград, а в 1972 г. стал академиком АН СССР. Конечно, в 1947 г. они еще не достигли таких высот, однако их личные отношения с А.А. Зимина были закреплены участием в защите его диссертации. Так, об установившихся дружеских взаимоотношениях с Л.В. Черепниным свидетельствуют письма к нему А.А. Зимина, отложившиеся в личном архивном фонде ученого⁴⁸. Иметь таких оппонентов на защите диссертации означает, в случае ее удачного исхода, перенять часть их научного капитала. Связь с ними не исчезла в дальнейшем, а, следовательно, любые успехи или неудачи этих ученых отражались на диссертанте.

Оба оппонента высоко оценили представленную на их рассмотрение работу. Стенограмма выступления А.А. Новосельского зафиксировала следующую его фразу: «Я сознательно, товарищи, кладу на стол труд т. Зимина, чтобы вы видели, какой это огромный по объему труд», но самое главное его достоинство он видел в том, что «... А.А. Зимину удалось передать новую и оригинальную постановку этой темы (истории движения осифлян – М.Б.)»⁴⁹. В целом все отмеченные им достоинства диссертации сводились к широкому охвату использованных источ-

⁴⁸ АРАН. Ф. 1791 (Черепнин Л.В.). Оп. 1. Д. 358. Л. 1-10 об.

⁴⁹ АРАН. Ф. 1577. (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 153. Л. 34.

ников, нестандартному подходу к теме и скрупулезности исследования (то же, что отметил и С.В. Бахрушин). При этом он не озвучил каких-либо принципиальных критических замечаний. Среди них он отметил не вполне корректное употребление диссертантом терминов «укрупнение» и «разукрупнение» монастырей (еще одна «точка пересечения» с отзывом С.В. Бахрушина), фразу «социальная структура» в названии одного из параграфов предложил заменить на «социальный состав»⁵⁰. Наиболее существенное среди них касалось составленной А.А. Зиминим таблицы, призванной показать динамику роста земельных владений монастыря. В таблице было отражено лишь количество сделок, заключенных монастырем. Однако рост числа сделок, заметил А.А. Новосельский, сам по себе еще не означает роста земельных владений, так как при подсчетах не учитывался объем отчуждаемой в соответствии с ними земли. Впрочем, оппонент сразу же предложил простой выход из положения – включить в состав таблицы лишь наиболее крупные сделки, что более наглядно смогло бы показать динамику земельных приращений. Кроме того, он указал на необходимость исключить из их числа меновые сделки, далеко не всегда приводившие к росту владений монастыря⁵¹. Однако выводы, сделанные диссертантом в соответствующей главе, он под сомнение не поставил.

Л.В. Черепнин начал свою речь с признания заслуг своего молодого коллеги: «Монография А.А. Зимина представляет собой очень серьезный и ценный вклад в русскую историческую науку»⁵². Как и А.А. Новосельский, в качестве главных достоинств диссертации он назвал большой объем вводимых ею в оборот источников и нестандартный подход к теме. Замечаний к работе у Л.В. Черепнина было больше, чем у первого оппонента. Неудачной он считал предложенную А.А. Зиминим классификацию источников в соответствии с микротемами исследования («источники по истории создания монастыря», «источники для характеристики социального состава монастыря» и так далее), считая более приемлемым их

---

⁵⁰ Там же. Л. 37–38об.

⁵¹ Там же. Л. 38об–40.

⁵² Там же. Л. 43.

распределение в соответствии с видовой принадлежностью⁵³. Далее, Л.В. Черепнин выказал сомнения в существовании упоминаемой А.А. Зиминым грамоты Ярослава Мудрого с золотой печатью на основание крепости Волока-на-Ламе⁵⁴. Излишне прямолинейно, согласно его мнению, описал соискатель степени союз монастырей и великокняжеской власти, недостаточно обстоятельно охарактеризовал влияние опричнины на развитие Иосифо-Волоколамского монастыря, а при характеристике нестяжателей не задействовал произведения такого их представителя, как Максим Грек⁵⁵. В целом же, как нетрудно заметить, и его замечания касались лишь отдельных положений работы, и не затрагивали ее ключевых тезисов.

Ответная речь А.А. Зимины была вполне примиряющей. Признав некоторые из замечаний критических отзывов оппонентов, он заявил: «Я не буду упрямо и настойчиво отстаивать каждую букву, каждое слово, высказанное в моей работе»⁵⁶. Замечания Л.В. Черепнина о классификации источников он посчитал непринципиальным, указав на то, что его классификация сконструирована исключительно исходя из нужд диссертации и никоим образом не отрицает общепринятую на тот момент в исторической науке видовую классификацию. Предложения А.А. Новосельского о необходимости некоторой «редакционной правки» в исследовании он признал вполне справедливыми. Однако часть критики в свой адрес А.А. Зимин счел нужным «отвести». Так, политика опричных репрессий, с его точки зрения, не затронула вкладчиков монастыря и представителей братии, поэтому в диссертации отсутствовало обстоятельное описание жизни монастыря в этот отрезок времени⁵⁷. Так как работа была посвящена изучению осифлян, то, пояснил А.А. Зимин, он отказался от детального изучения судеб и взглядов представителей нестяжателей, в том числе и Максима Грека⁵⁸. А.А. Зимин отметил, что в источниках не указан размер отчуждавшихся в соответствии с ними владений, по-

---

⁵³ Там же. Л. 45об.

⁵⁴ Там же. 47об–48.

⁵⁵ Там же. Л. 47об, 49, 50об–51.

⁵⁶ Там же. Л. 53.

⁵⁷ Там же. Л. 55.

⁵⁸ Там же. Л. 53об.

этому дальнейшая детализация и корректировка таблицы с числом монастырских сделок на основе предложенных критериев представляется невозможной⁵⁹.

В заключительной части своего ответного слова А.А. Зимин в полном соответствии со сложившейся традицией, выразил благодарность всем, кто помогал ему создать диссертацию. Первым, конечно же, шло имя его учителя С.В. Бахрушина, но затем, что выглядит на первый взгляд неожиданно, следовал Б.Д. Греков⁶⁰. В тексте самой диссертации помимо данных лиц А.А. Зимин выражал благодарность за помощь М.Н. Тихомирову, И.И. Смирнову, И.М. Кудрявцеву и, что характерно, тем, кто станет его оппонентами – А.А. Новосельскому и Л.В. Черепнину⁶¹.

Защита состоялась. «За» было подано 17 голосов, «против» и воздержавшихся не было⁶². Традиционно получение степени кандидата наук рассматривалось (и до сих пор рассматривается) как свидетельство прохождения обряда «инициации», превращения соискателя в полноценного члена научного сообщества. Впрочем, когда речь идет о таком талантливом исследователе, как А.А. Зимин, это выглядит большой условностью. Несмотря на свой «юный» (по меркам научного сообщества) возраст – 27 лет – по уровню своих профессиональных умений к моменту защиты он уже был сопоставим с серьезными зрелыми учеными⁶³.

Вероятно, диссертацию предполагалось издать в виде отдельной монографии. Во всяком случае, Л.В. Черепнин пожелал автору, «чтобы скорее его ценнейшая монография увидела свет, чтобы скорее она была напечатана»⁶⁴. К сожалению, она была издана лишь в 1977 г., через 30 лет после защиты⁶⁵. В одном из

⁵⁹ Там же. Л. 55.

⁶⁰ Как было сказано А.А. Зиминим, благодарность следует «... за его моральную и материальную поддержку» (Там же. Л. 57об.). В тексте он ошибочно был назван Б.В. Грековым.

⁶¹ Зимин А.А. Очерки по истории феодального землевладения... С. VII.

⁶² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 153. Л. 58.

⁶³ В частности, подтверждением тому могут служить следующие слова Л.В. Черепнина: «Автор зарекомендовал себя сложившимся солидным исследователем...» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 153. Л. 45).

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977.

своих писем А.А. Зимин напишет по поводу этой публикации: «Никакой радости от этого не испытываю – книга безнадежно устарела (1947 год!)»⁶⁶.

Выводы. П. Бурдые, говоря о накоплении «научного капитала», замечает, что этот процесс стартует еще до того, как ученый начинает свою профессиональную деятельность⁶⁷. Это положение в полной мере приложимо и к биографии А.А. Зимины. Происхождение из интеллигентской среды, семья с дворянскими корнями, вероятно, относительное финансовое благополучие являлись важными предпосылками, способствовавшими его становлению как профессионального историка. Образование он получил на историческом факультете МГУ, по сути, элитного вуза, научным руководителем его был такой влиятельный и авторитетный специалист, как С.В. Бахрушин – все это с самого начала делало А.А. Зимины носителем немалого объема «научного капитала». Но, конечно, в первую очередь его накоплению способствовали талант, упорство и громадная работоспособность молодого ученого, которые еще более рельефно выступают, если учесть немалые материальные, психологические трудности, испытываемые им в то время (эвакуация, болезнь, смерть жены, вынужденное «двоемыслие»). Созданная А.А. Зиминой кандидатская диссертация являлась весьма ценным исследованием, как по объему проделанной работы и охвату использованных источников, так и по новому подходу к изучаемой теме. Ее защита была «освещена» участием таких ученых, как Л.В. Черепнин и А.А. Новосельский. Положительные отзывы, данные ими, вновь означали существенное приращение его научного капитала. Сама защита оставляет впечатление некой формальности, исход которой был заранее предрешен. Его «стартовые позиции» были весьма благоприятны.

---

⁶⁶ Ивина Л.И. «Работаю, пока есть силы...»: А.А. Зимин в его письмах друзьям (из переписки А.А. Зимины с Л.И. Ивиной и А.Н. Цамутали) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв.: Сборник статей в честь 75-летия Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 152.

⁶⁷ Бурдые П. Поле науки // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М., 2007. С. 483.

§2. Научные стратегии А.А. Зимина в 1950 – начале 1960-х гг.: докторская диссертация и «Реформы Ивана Грозного»

Начало профессиональной карьеры и условия бытовой жизни ученого. Работа А.А. Зимина над кандидатской диссертацией протекала в довольно напряженных условиях. Однако после защиты его существование постепенно становится более комфортным. Работая над документами Иосифо-Волоколамского монастыря в рукописном отделе ГПБ им. Ленина (ныне РГБ), он познакомился с молодой сотрудницей Валентиной Григорьевной Лапшиной. Вскоре, в 1947 г., она стала его женой. От этого брака у него будет двое детей: сын Сергей и дочь Наталья. Впрочем, семейное счастье окажется зыбким: в детстве Сергей был трудным ребенком с плохим характером, по достижению совершеннолетия у него диагностировали психическое заболевание⁶⁸. Но все же – А.А. Зимин обзавелся детьми, которых он так желал. В 1947 г. начинается и его профессиональная карьера. В январе, после окончания срока аспирантуры, он был принят в качестве старшего научного референта на Отделение истории и философии АН СССР (заведующим Отделением на тот момент являлся Б.Д. Греков⁶⁹). Эту должность он занимал до декабря 1947 г., когда А.А. Зимин стал младшим научным сотрудником (с 1951 г. – старшим научным сотрудником) сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР (заведующим сектором в это время являлся С.В. Бахрушин). Сектор будет основным местом его работы вплоть до самой смерти. Кроме того, в марте 1947 г. А.А. Зимин по совместительству начал работать старшим преподавателем (с 1950 г. – доцент, с 1971 г. – профессор) кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского историко-архивного ин-

⁶⁸ Турок-Попова К.А. Человек и Слово // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 599; Формозов А.А. А.А. Зимин [эл. ресурс] // URL:<http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> (дата последнего обращения - 14.05.2013).

⁶⁹ О жизни и деятельности Б.Д. Грекова см.: Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

ститута (заведующим кафедры в 1947 г. был А.И. Андреев⁷⁰). Здесь он проработает до 1973 г.⁷¹. Таким образом, он приобрел профессиональную востребованность и финансовую самостоятельность. Необходимо учесть и тот факт, что оплата труда преподавателей и научных работников была сравнительно высока. В 1960 г. А.А. Зимин получил кооперативную квартиру⁷² и вместе с семьей переехал из коммунальной квартиры в отдельное жилье.

Первое столкновение с цензурой: проект диссертации о В.О. Ключевском. Несмотря на планы по созданию второго тома исследования о вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря, А.А. Зимин сильно меняет научные приоритеты. В 1946 г. Отделение истории приобрело у вдовы сына В.О. Ключевского личный архив великого русского историка.

Разобрать эти документы Б.Д. Греков поручил своему талантливому референту⁷³. А.А. Зимин увлекся работой. Вскоре у него возникает идея написания докторской диссертации о В.О. Ключевском. Возможно, в этом сыграл свою роль «оппозиционный» настрой молодого историка по отношению к советской действительности, его принадлежность к «бывшим», а может быть, и тот факт, что С.В. Бахрушин испытал на себе в молодые годы большое идейное влияние В.О. Ключевского.

⁷⁰ О жизни и деятельности А.И. Андреева см.: Яцунский В.К. Александр Игнатьевич Андреев. Краткий очерк жизни и деятельности // Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.:Л., 1960. С. 3–14; Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 3–14; Медушевская О.М. История науки как динамический процесс: К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. М., 2010. С. 329–343. О том, сколь тесны и дружественны были отношения А.А. Зимина и А.И. Андреева, свидетельствует сохранившаяся в фонде последнего переписка, см.: Простоволосова Л.Н. А.А. Зимин и А.И. Андреев: из биографической хроники (письма А.А. Зимина А.И. Андрееву) // Россия в X–XVIII вв... С. 33–35. Следует отметить, что кафедра вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ сыграла значительную роль в истории советской исторической науки, будучи одним из каналов сохранения и ретрансляции порожденных дореволюционной исторической наукой принципов источниковедческого анализа, связанных в первую очередь с именами А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Шахматова (см.: Леушин М.А. Документы ЦК ВКП(б) (КПСС) как источник по исторической науке в СССР, 1945–1985. Автореф... канд. ист. наук. М., 2000 (на основе изучения фондов партийной организации МГИАИ); Румянцев М.Ф., Казаков Р.Б. Научно-педагогическая школа Историко-архивного института: аспекты институционализации // Сообщество историков высшей школы России: научные практики и образовательная миссия. М., 2009. С. 40–43).

⁷¹ НА ИРИ РАН. Ф. Институт истории. Отдел кадров. Индекс 350. 1. 3. 101. Личные дела сотрудников. Зимин А.А. Л. 6–14.

⁷² Лурье Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей: Человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 199

⁷³ О гигантском объеме проделанной А.А. Зиминим работы свидетельствует опубликованная им несколько лет спустя статья с обзором личного фонда В.О. Ключевского: Зимин А.А. Архив В.О. Ключевского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1951. Вып. 12. С. 76–86.

О событиях, развернувшихся в дальнейшем, известно благодаря Р.А. Киреевой, коллеге А.А. Зимина, которой ученый отдал на хранение часть документов из своего личного архива⁷⁴.

Сначала А.А. Зимин составляет развернутую 16-страничную заявку на тему диссертации, в которой он перечислил все основные ее сюжеты без какой-либо конкретизации. Заявка обсуждалась и дорабатывалась, о чем свидетельствуют внесенные в нее от руки правки⁷⁵. Так, название диссертации, и, соответственно, ее смысловая нагрузка, претерпели изменение: от нейтрального «В.О. Ключевский (1841–1911)» до политически-нагруженного «Ключевский – буржуазный историк». Окончательный вариант вошел в план-проспект диссертации, составленный на основе вышеприведенной заявки, получившей название «Творческий путь В.О. Ключевского (1841–1911)», с уже четко разработанной структурой работы. План этот сохранился в личном фонде Александра Игнатьевича Андреева⁷⁶. Датирован он 19 сентября 1947 г.

Исследование А.А. Зимина претендовало на то, чтобы стать первой монографической работой о В.О. Ключевском. Анализу предполагалось подвергнуть не только вышедшие в свет, но и оставшиеся неопубликованными труды дореволюционного историка. К докторской диссертации А.А. Зимин планировал привлечь все известные на тот момент источники, в связи с чем он собирался совершить поездку в Ленинград для работы с находящимися там рукописями В.О. Ключевского. Помимо текстов учебных курсов, статей, монографий, речей, он рассматривал и критические отзывы, воспоминания, дневниковые записи, переписку. Характерно и то, что в плане, составленном А.А. Зиминим, собственно биография В.О. Ключевского, события его личной жизни, педагогическая деятельность и общественные воззрения, неразрывно связывались с его научной деятельностью, что для советской историографии того времени являлось шагом вперед.

⁷⁴ См.: Киреева Р.А. Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг.: первое вето в научной жизни А.А. Зимина // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 487–495.

⁷⁵ Там же. С. 488–489. В статье говорится о 165-страничной заявке, однако такое число страниц является результатом банальной опечатки, о чем сообщил нашей коллеге О.В. Богомазовой сам автор.

⁷⁶ См.: ПФА РАН. Ф. 934. (Андреев А.И.). Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 64–72.

Новаторской была и попытка реконструировать ход работы историка над своими трудами, в том числе и над «Курсом русской истории», для чего А.А. Зимин планировал использовать в своем исследовании его черновые наброски. Немало внимания уделялось взаимоотношениям В.О. Ключевского с современниками. Свою конечную цель А.А. Зимин видел в том, чтобы «вскрыть корни и развитие историко-философской концепции Ключевского, социально-политические взгляды последнего и выяснить то место, которое занимал этот выдающийся историк в русской историографии»⁷⁷.

Согласно плану, монография должна была быть издана к 1 сентября 1951 г., причем текст ее предполагалось завершить уже к 1 января 1951 г.⁷⁸ План этот был обсужден на кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, докторская диссертация внесена в план научно-исследовательской работы кафедры⁷⁹.

Одновременно с проектом диссертации А.А. Зимин готовит публикацию «Архив В.О. Ключевского», который предполагалось издать в 10 томах. К началу 1948 г. уже был подготовлен первый том. В целом план издания был поддержан и одобрен рядом авторитетных специалистов, в числе которых были и ученики В.О. Ключевского (С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин, А.И. Андреев и др.). Несмотря на это, том отправили на дополнительное рецензирование. Однако отзыв, данный А.Л. Сидоровым, был попросту «убийственным». Вступительная статья А.А. Зимина признавалась идеологически неверной, часть материалов снималась с публикации. Далее А.Л. Сидоров предлагал составить новую редакцию сборника, распределить публикуемые в нем материалы между специалистами, которые составят новые, идеологически выдержанные примечания к ним, написать новую вводную статью, от текста А.А. Зимина сохранялась лишь справка об архиве В.О. Ключевского. Этим отзывом А.А. Зимин фактически отстранялся от дальнейшей работы⁸⁰.

---

⁷⁷ Там же. Л. 71–72.

⁷⁸ Там же. Л. 71.

⁷⁹ Там же. Л. 76а.

⁸⁰ Киреева Р.А. Из истории... С. 491–492.

Социально-политическая обстановка в стране не способствовала написанию биографии В.О. Ключевского. Рецензия А.Л. Сидорова стала зримым свидетельством того, что биография В.О. Ключевского – тема опасная, находящаяся под особым вниманием идеологических работников. Симптоматично, что сам А.Л. Сидоров в 1949 г. станет заместителем директора Института истории АН СССР. В СССР разворачивается кампания по борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, в ходе которой объектами идеологической критики оказались как зарубежные, так и дореволюционные «буржуазные» историки⁸¹. А.А. Зимин был вынужден отказаться от своих намерений. Впоследствии он опубликует лишь одну статью, посвященную студенческим годам будущего великого историка⁸². В конце 1950-х гг. ученый примет активное участие в подготовке к публикации «Собрания сочинений» В.О. Ключевского, которое будет снабжено его обстоятельными комментариями⁸³.

«Второе вето»: история Киевской Руси. В МГИАИ среди прочих А.А. Зимин вел и семинарские занятия по истории СССР на первом курсе. По его словам «они состояли из чтения и комментирования Русской Правды и студенческих докладов во втором»⁸⁴. Педагогическая деятельность вновь возвращает его к разрабатываемой еще в студенческие годы теме. В личном фонде С.В. Бахрушина отложились датированные 1948 г. тезисы выступления А.А. Зимины, посвященные истории Краткой редакции Русской Правды⁸⁵. В 1952 г. он осуществит публика-

⁸¹ О социокультурной обстановке в научной среде в послевоенные годы см.: Сидорова Л.А. Историческая наука СССР в первые послевоенные годы // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 517–531; Дубровский А.М. Историк и власть... С. 490–569; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2006. С. 199–224; Они же. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20. С. 24–62; Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки. 2009–2010. Историографический вестник. М., 2012. С. 118–133; Он же. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // ИВ: Исторические исследования. 2013. № 2. С. 1–28; Он же. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьба историка С.А. Фейгиной // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 199–207; и др.

⁸² Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 178–196.

⁸³ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956–1959. Т. 1–6.

⁸⁴ Зимин А.А. Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Зимины, Л.Н. Простоволова. М., 2000. С. 75.

⁸⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 5. Д. 122. Л. 1–3.

цию текста Русской Правды, снабженную его комментариями⁸⁶. В 1954 г. он опубликует две статьи об истории составления Русской Правды⁸⁷. Однако представления А.А. Зимина, на которые немалое влияние оказали воззрения С.В. Бахрушина, существенно расходились с идеями о феодальной природе древнерусского общества. Это не замедлили отметить рецензенты сборника «Памятники русского права», обвинившие его составителей в отступлении от марксизма-ленинизма. А.А. Зимин был вынужден писать опровержение⁸⁸. Исторiku пришлось на время оставить эту тему исследований.

Источниковедческие штудии. 1950–1960-е гг. – время расцвета источниковедческих исследований. В частности, весьма активно разрабатывались проблемы такой специальной исторической дисциплины, как дипломатика. Свой вклад в ее развитие внес и А.А. Зимин. Здесь следует в первую очередь указать на две его статьи, посвященные проблемам датировки актовых источников⁸⁹. Принципы датировки, опробованные им на духовных и договорных грамотах князей, впоследствии были распространены А.А. Зиминим и на иные виды источников. Согласно исторiku, «...датировки недатированных актов должны основываться на фактах, хотя и мелких, но твердо установленных хронологически; гипотезы общего характера не могут быть положены в основу точных датировок»⁹⁰. Показателем достоверности того или иного факта для него была его фиксация в другом источнике. При этом в первую очередь А.А. Зимин стремился очертить временной отрезок, в рамках которого был составлен разбираемый документ. Далее историк сужает эти рамки, пока не приходит к какой-либо единой дате. Если таковой он не находил, то ограничивался указанием выявленного хронологического отрезка⁹¹.

⁸⁶ Памятники русского права / под. ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1. Памятники права Киевской Руси. С. 85–106, 201–205.

⁸⁷ Зимин А.А., Поляк А.Г. Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 111–122; Зимин А.А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // Труды МГИАИ. 1954. Т. VIII. С. 155–208.

⁸⁸ Он же. Письмо в редакцию журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 140–142.

⁸⁹ Он же. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XII–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 300–327; Он же. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Там же. М., 1958. Вып. VII. С. 275–324.

⁹⁰ Там же. С. 321.

⁹¹ Более обстоятельно об исследованиях А.А. Зимина по дипломатике см.: Панях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А. Зимина // Панях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005. С.

Говоря об источниковедческих штудиях А.А. Зимина 1950-х гг., нельзя не упомянуть его статью о проблемах реконструкции исторических источников⁹². В необходимости составления таковых он был уверен, так как «значительная часть повествовательных источников древней Руси дошла до нас не в подлинниках, а в позднейших списках»⁹³. В своих личных письмах к ленинградскому коллеге Я.С. Лурье он выражался еще более жестко: «Я считаю, что без реконструкции невозможно сколько-нибудь серьезное изучение памятников»⁹⁴. Проанализировав известные ему опыты таких реконструкций, А.А. Зимин выделил несколько принципов, на основе которых должна строиться работа по восстановлению текста утраченного источника. Так, прежде чем приступить к ней, исследователь должен обстоятельно проанализировать все сохранившиеся списки изучаемого памятника и связанные с ним материалы. Далее, опираясь на сравнительно-текстологическую методику Шахматова, ученый выясняет генеалогическую связь сохранившихся текстов. При этом, подчеркивал он, объективность реконструкции зависит не только от «полноты выявления рукописной традиции», но и от «тщательности источникового анализа». На основе составленной схемы взаимоотношений списков уже возможен «выбор текста-основы реконструкции и отбор вспомогательных списков, которые должны представлять все редакции, непосредственно восходящие к реконструируемому протографу»⁹⁵.

Далеко не все ученые разделяли эти идеи А.А. Зимина. Такой авторитетный литературовед, как Д.С. Лихачев, считал реконструкции излишне гипотетическими, и в своем творчестве отказывался от их составления⁹⁶.

Кроме того, 1950-е гг. стали пиком археографической деятельности А.А. Зимина. Обстоятельно деятельность историка по изданию источников в данной

74–80; Базанов М.А. Дипломатика в научном творчестве А.А. Зимина // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Т. 5. / Под ред. С.А. Баканова, Г.А. Гончарова. Челябинск, 2011. С. 104–113.

⁹² Зимин А.А. О приемах научной реконструкции исторических источников X–XVII в. // Исторический архив. 1956. № 6. С. 133–143.

⁹³ Там же. С. 133.

⁹⁴ Цит. по: Вовина-Лебедева В.Г. Переписка А.А. Зимина и Я.С. Лурье (1961 – 1963). С. 117.

⁹⁵ Зимин А.А. О приемах научной реконструкции... С. 143.

⁹⁶ См., напр.: Лихачев Д.С. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов // Исторический архив. 1957. № 6. С. 154–166.

диссертации рассматриваться не будет⁹⁷. Отметим лишь, что А.А. Зимин подчеркивал необходимость предварительного всестороннего изучения истории составления и бытования публикуемого текста. Деятельность историка по изданию источников не осталась незамеченной. В 1956 г. он стал членом Бюро Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР (главой Археографической комиссии был М.Н. Тихомиров). Выступая на первом заседании Археографической комиссии, А.А. Зимин в качестве первоочередных задач, стоящих перед нею, назовет разработку теоретических основ археографии и библиографическую деятельность (составление указателей и путеводителей по архивным фондам). Самой большой опасностью историк считал возможность превращения Археографической комиссии в бюрократический орган, «который только ведает проверкой планов, мелочным контролем исполнения тех или иных археографических заданий»⁹⁸.

Русское централизованное государство в раннем творчестве А.А. Зимина и «московцентрическая» традиция. В центре внимания А.А. Зимина оказались вопросы, связанные с политической историей середины XVI в. Впоследствии проблемы формирования и развития Русского централизованного государства⁹⁹ станут доминирующими во всем его творчестве.

Полагаем, что адекватно оценить место и роль творческого наследия А.А. Зимина в истории отечественной науки возможно лишь если рассматривать его в контексте развития всей русской исторической мысли, не ограничиваясь современными ему исследованиями. При этом необходимо решительно отказаться от зародившейся еще в 1920-е гг. традиции противопоставления советской и дореволюционной историографии, которая уже показала свою непродуктивность. Советская историография – лишь один из этапов единого процесса развития отечест-

⁹⁷ Достаточно обстоятельно она была проанализирована В.М. Панеяхом: Панеях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в творческом наследии А.А. Зимина. С. 59–70.

⁹⁸ АРАН. Ф. 1901. (Археографическая комиссия). Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

⁹⁹ О появлении термина Русское централизованное государство (РЦГ) см.: Хорошкевич А.Л. Опричина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 88–90.

венной науки, в котором продолжали существовать и развиваться многие из идейных конструктов, возникших ранее¹⁰⁰.

К числу таковых стоит отнести и «москвоцентризм». Термин этот первоначально возник и циркулировал в процессе неформального общения историков. Но с начала 1990-х гг. он появляется и в научных статьях¹⁰¹. При этом никто из их авторов четко не сформулировал, что он подразумевает под этим понятием¹⁰². В данной диссертации «москвоцентризм» трактуется в качестве «идеи-блока», включающей в себя как ряд методологических и концептуальных построений, так и оценочных суждений. Корни «москвоцентризма», на взгляд диссертанта, следует искать в идеях русских средневековых публицистов XV–XVI вв. Определить время, когда «москвоцентризм» был окончательно оформлен, достаточно сложно. Полагаем, большая часть концептуальных построений, его составлявших, была произведена исторической наукой середины XIX – начала XX вв., в первую очередь представителями так называемой «государственной школы» (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин). «Москвоцентрические» построения по-прежнему живут в отечественной исторической мысли. Это, на взгляд диссертанта, вполне естественно, так как они исходят из идейных основ русского исторического сознания.

Ядро «москвоцентризма» составили две идеи: во-первых, представление о прогрессивном характере и исторической предопределенности централизации Русского государства; во-вторых, взгляд на Москву и, соответственно, фигуру московского великого князя, как единственно возможный центр объединения русских земель. К ним примыкает множество связанных с ними идей. История России представляется в качестве борьбы сил централизации и децентрализации

¹⁰⁰ Идея эта получила широкое хождение в историографии. Самое яркое свое воплощение, на наш взгляд, она нашла в историографических исследованиях А.С. Усачева, см.: Усачев А.С. Образ царя в средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3(5). С. 94–103; Он же. Longue duree российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113; Он же. «Долгий XVI век» российской историографии // Там же. 2008. № 2. С. 104–115.

¹⁰¹ Каштанов С.М. К 80-летию А.А. Зимина // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 226; Муравьев В.А. Александр Александрович Зимин // Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000. С. 174.

¹⁰² Некоторое исключение здесь, пожалуй, составляет лишь С.М. Каштанов, в своей статье говоривший о некой «концепции», «которая сводится к признанию роста Москвы и образования централизованного государства абсолютным благом» (Каштанов С.М. К 80-летию А.А. Зимина. С. 226). Однако следует ли это определение отождествлять с «москвоцентризмом», остается неясным.

страны, причем к числу последних автоматически зачислялись любые противники великокняжеской власти. В качестве дезинтегрирующих сил традиционно рассматривались представители боярских и княжеских родов, верных защитников великокняжеской власти видели в дворянстве. Степень централизации Русского государства, равно как и уровень социально-экономического развития страны, исследователи осознанно и неосознанно стремились «завысить». Прогрессивный характер централизации позволял оправдать многие из деяний великого князя, если они ей способствовали. Помимо внутреннего врага признавалось и наличие врагов внешних, стремящихся ослабить и завоевать Россию, иногда действовавших совместно с врагами внутренними.

«Москвоцентризм» как явление истории исторической науки требует обстоятельного изучения, но задачи диссертации вынуждают ограничиться их краткой характеристикой.

Проблемы формирования Русского централизованного государства затрагивались А.А. Зиминим уже в его кандидатской диссертации. Более обстоятельно он вернулся к ним в своей статье «Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода» (1950)¹⁰³ и оставшемся неопубликованным докладе «Учение И.В. Сталина о Русском централизованном государстве»¹⁰⁴ (1950–1951 г., предположительно 1951 г.).

Обе работы начинались с теоретических размышлений о предмете исторической науки, которые в начале 1950-х гг. не могли не выродиться в идеологическую «присягу на верность». Со ссылкой на «Историю ВКП(б). Краткий курс» А.А. Зимин утверждал, что главным предметом изучения историка должна быть

¹⁰³ Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 69–76. Данная статья была частью крупной дискуссии о критериях периодизации истории СССР, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории». О ходе дискуссии и ее результатах см.: Дубровский А.М. Историк и власть... С. 599–628; Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 575–672.

¹⁰⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 377. (Бережков Н.Г.) К. 88. Ед. хр. 12. Л. 1–38. Датировка основана на следующих фактах: 1) в списке использованной литературы значится работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», впервые в виде отдельной брошюры опубликованная в 1950 г.; 2) упоминание о докладе А.А. Зимина с аналогичным названием можно встретить в характеристике из его личного дела, датированной 1951 г.; 3) в фонде Н.Г. Бережкова сохранилась записка А.А. Зимина, датированная 10 мая 1951 г., в которой речь идет о некоем тексте, по своему описанию похожему на обнаруженный нами доклад: «1. Прошу прощения за помарки; 2. Сноски и цитаты не связаны». (НИОР РГБ. Ф. 373. К. 88. Ед. хр. 8. Л. 1.). Других текстов, принадлежащих А.А. Зимину, нами в личном фонде Н.Г. Бережкова не выявлено.

«история развития средств производства» и, что логически вытекает из того, «история производителей материальных благ», «трудящихся масс»¹⁰⁵. Поэтому он соглашался с предложением в основу периодизации истории положить критерий развития общественных сил и отношений. Но при этом, считал А.А. Зимин, следует предложить четкий критерий, который позволил бы «отделить грани, разделяющие различные периоды в истории русского феодализма»¹⁰⁶. В качестве такового историк видел классовую борьбу, которая, в его понимании, не только испытывает на себе влияние производственных отношений, но и сама «воздействует на развитие исторического производства»¹⁰⁷.

Со ссылкой на И.В. Сталина А.А. Зимин в качестве главных причин объединения русских земель называет появление национальных рынков, культурных и экономических центров, роль катализатора процесса исполнил внешний фактор¹⁰⁸. При этом инициатором процесса собирания русских земель ученый считал исключительно Москву, отвергая утверждение К.В. Базилевича и В.В. Мавродина о первенстве в нем Твери¹⁰⁹. В своем докладе А.А. Зимин отверг привычные географические объяснения этого лидерства как ведущих его факторов. В качестве же главной его причины он назвал «развитие производительных сил, рост общественного разделения труда и усиления экономического общения между отдельными городами и русскими княжествами, особенно ярко проявлявшиеся в пределах Московского княжества»¹¹⁰.

Начало процесса оформления Русского централизованного государства А.А. Зимин отнес к XIV в., когда начинается объединение русских земель вокруг Москвы. Объединение было порождено и сопровождалось всплеском классовой борьбы, проявления которой, что важно отметить, историк видел не в открытых выступлениях социальных низов, а в широком реформационно-гуманистическом движении, носившем специфический характер городских ересей. Религиозный

¹⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 373. К. 88. Ед. хр. 12. Л. 1–2; История ВКП(б). Краткий курс. М., 1945. С. 116.

¹⁰⁶ Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации... С. 69.

¹⁰⁷ Там же. С. 70.

¹⁰⁸ НИОР РГБ. Ф. 373. К. 88. Ед. хр. 12. Л. 9–12.

¹⁰⁹ Там же. Л. 14; Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации... С. 72–73. Признание в качестве таковой Твери, с его точки зрения, являлось результатом ошибочного толкования одного из высказываний К. Маркса.

¹¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 373. К. 88. Ед. хр. 12. Л. 16.

характер отечественного реформационного движения ярко отличал его от аналогичного явления в Западной Европе¹¹¹.

Окончательное оформление Русского централизованного государства А.А. Зимин относит к концу XV в., причем он привязал его к вполне конкретному событию – принятию в 1497 г. Судебника Ивана III. Этот факт стоит отметить особо, так как он косвенно указывает на то, что А.А. Зимин уже в самом раннем периоде своего творчества не склонен был полностью отождествлять централизацию государства с объединением русских земель.

Образование Русского централизованного государства А.А. Зимин, в полном соответствии с идеологическими догмами и научными представлениями начала 1950-х гг., расценивает как явление прогрессивное, способствовавшее активному экономическому и культурному развитию русских земель: развивается ремесло, возникают мануфактуры, растут города, укрепляются экономические связи, в XVII в. складывается всероссийский рынок¹¹². Но, в то же время создание Русского централизованного государства способствовало усилению эксплуатации крестьян, что в первую очередь проявилось в увеличении барщинной запашки. Из усиления эксплуатации вновь вполне логически вытекал тезис об очередном витке классовой борьбы. Ее проявления были весьма многосторонними, от «простейших» побегов крестьян до восстаний¹¹³. Верной опорой царской власти было купечество, ремесленничество и, конечно же, дворянство. Боярство наоборот являлось силой реакционной, против которой были направлены многие из мероприятий царской власти, но окончательно его могущество в период существования Русского централизованного государства так и не было сломлено¹¹⁴.

Верхнюю грань существования Русского централизованного государства историк связывал с переходом к абсолютистской монархии и относил к концу XVII в.¹¹⁵

¹¹¹ Там же. Л. 22, 28; Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации... С. 73-74. Следует отметить, что идея о «русской Реформации» была новой и разделялась не всеми. Из числа сторонников А.А. Зимина следует назвать Я.С. Лурье и А.И. Клибанова.

¹¹² НИОР РГБ. Ф. 373. К. 88. Ед. хр. 12. Л. 24–26.

¹¹³ Там же. Л. 26–28.

¹¹⁴ Там же. Л. 39–40.

¹¹⁵ Там же. Л. 24.

Итак, конкретно-исторические представления А.А. Зимина о социально-политической истории России XIV – XVII вв. в целом соответствовали общепринятым на тот момент идеям и концепциям, равно как и идеологемам времени позднего сталинизма¹¹⁶. Новаторски выглядела его идея о широком размахе реформационного движения в России, однако в целом она не претендовала на то, чтобы кардинально изменить картину исторического развития страны. Теоретико-методологические пассажи в рассматриваемых текстах характеризуют А.А. Зимина как вполне ортодоксального приверженца марксизма-ленинизма. Однако иначе в столь «официальных» текстах он себя зарекомендовать и не мог, а его личные записи, о чем уже шла речь в предыдущем параграфе, свидетельствуют об обратном.

Второй научный руководитель: А.А. Зимин и М.Н. Тихомиров. К началу 1950-х гг. ученый уже окончательно определился со своими научными приоритетами. В 1953 г. он поступает в докторантуру Института истории АН СССР, где его научным консультантом стал академик М.Н. Тихомиров.

Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) в качестве держателя научного капитала явно превосходил, на взгляд диссертанта, С.В. Бахрушина, являвшегося, следует отметить, одним из его учителей¹¹⁷. Особенно это заметно при сопоставлении институционального капитала этих двух ученых. В 1946 г. М.Н. Тихомиров получает звание член-корреспондента, в 1953 г. – академика АН СССР (звание, на которое неоднократно претендовал, но так и не смог получить С.В. Бахрушин). С 1953 по 1957 г. ученый являлся академиком-секретарем Отделения истории, и одновременно – членом Президиума АН СССР. Кроме того, с 1956 г. и до своей смерти М.Н. Тихомиров занимал пост председателя Археографической комиссии, в которой, напомним, работал и А.А. Зимин. Несмотря на некоторые нюансы, в целом он, как и его учитель, принадлежал к старому поколению историков, что от-

¹¹⁶ При изложении содержания доклада мы опустили некоторые из его положений, напрямую заимствованных из трудов И.В. Сталина (например, подчеркивание принципиально иного, чем в странах Западной Европы, социально-экономического контекста создания централизованного государства в России, тезис о его многонациональном характере и некоторые другие).

¹¹⁷ Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 62–74.

разилось на его ценностных ориентациях и мировоззрении (наиболее яркое проявление того – его религиозность, внешне скрываемаемая от посторонних глаз, но вполне видимая для хорошо знавших академика людей). Диапазон научных интересов М.Н. Тихомирова, как и С.В. Бахрушина, был широк – от Киевской Руси до России XVII вв. Кроме того, для творчества академика был характерен большой источниковедческий уклон, что вновь сближает с ним А.А. Зими́на¹¹⁸. Поэтому выбор последним именно М.Н. Тихомирова в качестве своего научного консультанта при написании докторской диссертации выглядит вполне естественно.

Академик, как отмечали знакомые с ним люди, был человеком вспыльчивым, зачастую грубым и неуживчивым¹¹⁹. Однако у А.А. Зими́на завязались с ним весьма «теплые», благоприятные отношения. Так, самое раннее из сохранившихся в личном фонде М.Н. Тихомирова писем А.А. Зими́на датировано 18 августа 1948 г. В этой коротенькой записке молодой коллега просил своего будущего руководителя позволения навестить его в больнице, «чтобы поговорить на разные темы»¹²⁰. Подобная доброжелательность и уважение будут прослеживаться и в других письмах А.А. Зими́на, в том числе и тех, что он напишет после серьезной размолвки с М.Н. Тихомировым (о причинах и обстоятельствах ее речь пойдет в следующей главе)¹²¹.

М.Н. Тихомиров, по-видимому, также с большой симпатией относился к А.А. Зими́ну. В пользу того, например, говорит тот факт, что он устроил своего ученика в Бюро Археографической комиссии. Ему доверяли настолько, что в 1961 г., когда академик не смог из-за болезни присутствовать на заседании Ученого совета Института истории, отчитываться о проделанной комиссией за год работе было поручено именно А.А. Зими́ну¹²².

¹¹⁸ Более обстоятельно о жизни и творчестве М.Н. Тихомирова см.: Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987; Шмидт С.О. Михаил Николаевич Тихомиров // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 247–258.

¹¹⁹ Следующую характеристику, например, дал М.Н. Тихомирову состоявший с ним в дружеских отношениях Ю.А. Поляков: «Он не обладал ангельским характером... Бывал Михал Николаев (прозвище М.Н. Тихомирова – М.Б.) раздражителен, порой сварлив. Он мог завестись из-за пустяка, всерьез обидеться из-за мелочи. ...Он резко отчитывал аспирантов и младших коллег за упущения, недоделки, леность, неаккуратность. Далеко не всегда эти упреки были справедливы» (Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999. Кн. 1. С. 214).

¹²⁰ АРАН. Ф. 693 (Тихомиров М.Н.). Оп. 4. Д. 248. Л. 1.

¹²¹ Там же. Л. 6–13.

¹²² АРАН. Ф. 457 (Отделение исторических наук АН СССР). Оп. 1. Д. 384. Л. 1–22.

Докторская диссертация. Объектом изучения в докторской диссертации А.А. Зимина стала русская публицистика середины XVI в. Первоначально ее название было сформулировано как «Пересветов и его время» и, по-видимому, посвящалась она исключительно этому мыслителю. Однако в ходе работы над нею у А.А. Зимина возникли некоторые сомнения в целесообразности избранной им структуры диссертации, и он обратился за советом к такому крупному специалисту по истории древнерусской культуры, как Б.А. Романов¹²³. Однако главный недостаток планируемой работы Б.А. Романов усмотрел отнюдь не в этом. В письме к Е.Н. Кушевой он писал: «Историческая тема о Пересветове очень трудна и требует очень многочисленной «труппы» и «хоров». Если же ее свести к ковырянию в списках и редакциях, то она перестанет быть исторической. Пересветов-соло невозможен, неинтересен, скучен»¹²⁴. Вероятно, замечание Б.А. Романова сыграло свою роль в том, что А.А. Зимин скорректировал тему исследования, и диссертация увидела свет в 1958 г. уже под названием «И.С. Пересветов и его современники»¹²⁵.

По своей структуре монография четко распадается на две части, одна из которых была посвящена русской общественно-политической публицистике середины XVI в. в целом, вторая – творчеству Ивана Семеновича Пересветова. Сопоставлению взглядов Пересветова с его предшественниками, современниками и последующей политической мыслью посвящена отдельная глава второй части.

Диссертация явно «переросла» свою первоначальную тематику и из книги об одном из русских публицистов середины XVI в. превратилась в капитальное

¹²³ О жизни и творчестве Б.А. Романова см.: Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

¹²⁴ Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2010. С. 342.

¹²⁵ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. Монографию предваряли многочисленные публикации в периодических печатных изданиях, см.: Он же. О политической доктрина Иосифа Волоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. М.:Л., 1953. Т. IX. С. 159–177; Он же. «Беседа валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства // Труды Отдела древнерусской литературы. М.:Л., 1955. Т. XI. С. 198–208; Он же. И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1955. Т. III. С. 311–324; Он же. «Летописец начала царства» - памятник официальной политической идеологии середины XVI в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1956. Вып. 10. С. 78–88; Он же. Матвей Башкин – вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1956. Т. IV. С. 230–245; Он же. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Труды Отдела древнерусской литературы. М.:Л., 1956. Т. XIII. С. 160–173; Он же. Дело «еретика» Артемия // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. V. С. 213–232; Он же. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии // Труды Отдела древнерусской литературы. М.:Л., 1958. Т. XIV. С. 229–233.

исследование о русской средневековой политической мысли вообще. Как и для кандидатской диссертации ученого, для нее характерно сочетание широкого охвата рассматриваемых вопросов со скрупулезным, обстоятельным исследованием каждого изучаемого события, явный источниковедческий уклон¹²⁶.

Развитие общественно-политической мысли середины XVI в. видится А.А. Зимину динамичным, стремительным процессом. Новые социально-экономические и политические реалии («марксизм-ленинизм учит, что формы общественного сознания каждой исторической эпохи в конечном счете определяются условиями социально-экономической жизни общества»¹²⁷) вели к существенным переменам в политической мысли того времени. Ранее занимавшая центральное место иосифлянская публицистика вступила в полосу затяжного кризиса, превратившись в механическое воспроизведение идей основателей этого течения. Существовали, однако, и пути выхода из него, свидетельством чему было творчество Ермолая-Еразма, который в своих социальных проектах впервые поставил вопрос об облегчении положения простого крестьянства. Ермолай-Еразм остался одинок, в изображении А.А. Зимина он выглядит фигурой уникальной. Впрочем, несмотря на подобную стагнацию, считал историк, иосифляне оказали большое влияние на формирование политических воззрений Ивана IV.

В состоянии кризиса оказалось и течение нестяжателей. Часть из них пошло на сотрудничество с царской властью и в своих требованиях ограничивались лишь частичными реформами церковных порядков, другие все более «радикализировались» и выступали за полную ликвидацию церковной собственности на землю.

И тех, и других постепенно теснило набиравшее силу реформационно-гуманистическое движение. Самого яркого его представителя А.А. Зимин видел в Феодосии Косом. В его вероучении историк отмечал рационализм и даже некоторые элементы материалистического мировоззрения (идея о «самобытности» мира, отрицание души и загробной жизни). Представления Косого о государственной

---

¹²⁶ Источниковедческие главы занимают в монографии 76 страниц из 495, при этом мы не учитываем здесь отдельные источниковедческие пассажи внутри глав, посвященных конкретно-исторической проблематике.

¹²⁷ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. С. 5.

власти, считал А.А. Зимин, характеризуются полным отсутствием ее сакрализации, что позволило сблизить его с деятелями европейской Реформации. Косой, согласно историку, отвергал привычную феодальную иерархию. Конечно же, церковь вместе с государственной властью жестко преследовали любые признаки вольнодумства, в результате чего в еретики «записывали» не только представителей реформационного учения, но и людей со вполне ортодоксальными взглядами (например, нестяжателя старца Артемия¹²⁸).

На этом фоне и разворачивается творческая деятельность Ивана Пересветова. Происхождение из дворян, согласно А.А. Зимину, предопределило его политические взгляды. Иван Пересветов в своих сочинениях критиковал период боярского правления (косвенно, через изображение Византии), выступал сторонником сильной царской власти. Формально не отрицая знатность, он предлагал считать мерой ее верную службу царю. В его выступлении против холопства (И.С. Пересветов предлагал убрать их из армии) А.А. Зимин видел не только морально-этический протест, но и попытку подорвать экономические основы могущества боярства. Свое законченное воплощение эти взгляды, полагал историк, нашли в программе реформ, составленной Пересветовым, касавшихся всех основных сфер управления государством (суд, армия, сбор налогов)¹²⁹.

Пожалуй, самым спорным моментом в монографии А.А. Зимины стало его утверждение о близости Пересветова к русскому реформационному движению. Говоря об этом, историк акцентировал внимание на факте разделения и даже противопоставления в произведениях публициста понятий «вера» и «правда» («правду» А.А. Зимин, исходя из общего идейного контекста, интерпретирует как «идеальный политический строй», «могущественную централизованную монархию»¹³⁰), причем преимущество Пересветовым отдавалось последнему. А.А. Зимин отмечал и странное, с его точки зрения, равнодушие публициста к религиозным вопросам, отсутствие в его текстах упоминания основных церковных догм. Более того, историк критические замечания в адрес константинопольского патри-

¹²⁸ Там же. С. 31-91, 109-214.

¹²⁹ Там же. С. 300-405.

¹³⁰ Там же. С. 397.

арха интерпретировал как скрытую критику Русской православной церкви. Внимание публициста сконцентрировано на духовном состоянии человека, а не на соблюдении им формальных религиозных процедур, в чем ученый вновь усматривал близость мыслителя к реформационно-гуманистическому движению. История воспринимается Пересветовым как результат деятельности людей, промысел Божий у него проявляет себя лишь как наказание людей за совершенные проступки.

Следует отметить, что А.А. Зимин говорил о близости Пересветова к еретикам, не ставя между ними знака тождества. Главную же связующую нить между ними ученый видел в обмирщении сознания, его освобождении от религиозных догм (понимая последнее не как отход от религии вообще, но как отдаление именно от представлений Русской православной церкви).

Повышенную актуальность, вплоть до сегодняшнего дня, сохраняет принятое историком сравнение концепций государственного устройства Пересветова и Ивана Грозного. На момент написания монографии одним из общих мест в историографии стало признание их тождественности. Наиболее ярко свое воплощение оно нашло у И.И. Полосина, приписывавшего авторство челобитных непосредственно Ивану Грозному. Сравнивая творчество двух публицистов, А.А. Зимин отметил большое количество точек пересечения между ними, но основное внимание читателей он фокусирует на одном существенном расхождении между ними: у И.С. Пересветова правитель в своей деятельности должен руководствоваться соображениями «правды», в то время как Иван Грозный фактически высвобождает его от влияния каких-либо ограничителей, утверждая его полное своеволие. Едко историк отмечает, что Иван Грозный всех своих подданных именует холопами, а Иван Пересветов осуждает сам институт холопства. Таким образом, А.А. Зимин не только «разводит» двух публицистов, но даже противопоставляет их, что на тот момент – смелый вывод¹³¹.

Утверждение о близости Пересветова к реформационно-гуманистическому движению заставило А.А. Зими́на провести сравнение его творчества с европейскими мыслителями. Конечно же, историк нашел множество точек совпадения их

---

¹³¹ Там же. С. 425–428.

взглядов (апология сильной централизованной монархии, секуляризация сознания, симпатии к античным философам и т.п.). Творчество русского публициста оказалось вписано в широкий контекст развития как отечественной, так и европейской общественно-политической мысли.

«И.С. Пересветов и его современники» можно с полным основанием именовать одной из знаковых работ в изучении русской средневековой культуры. А.А. Зимин отошел от вульгарного марксистского подхода, напрямую связывавшего взгляды мыслителя с его принадлежностью к тому или иному общественному классу. Так, Ермолай-Еразм в изображении А.А. Зимины выглядит едва ли не одним из идейных предшественников социализма («Итак, основу материального благосостояния общества составляет труд крестьян... Никто еще до Ермолая-Еразма столь отчетливо не выразил мысль о значении трудящегося люда деревни для общества: не царь, не вельможи и дворяне, а русский крестьянин – творец основных материальных благ. Трудно уже в этом вступительном замечании не увидеть сочувствия Ермолая народным массам»)¹³². Феодал Пересветов близок к реформационно-гуманистическому движению, выступает в качестве одного из противников холопства. Политические воззрения Ивана Грозного и Ивана Семеновича Пересветова идентичны по своей классовой направленности, но некоторые их стороны позволили А.А. Зимину противопоставить этих двух мыслителей. Весьма показательна и склонность историка к фактографизму, большой источниковедческий уклон книги, скрупулезность, с которой он реконструировал исторические факты, то внимание, которое ученый уделял внутреннему миру человека, его «исследовательский педантизм», стремление наиболее полно и обстоятельно восстановить систему его представлений об окружающем мире. Все это, на взгляд диссертанта, дает право говорить об А.А. Зимине как продолжателе возникших еще до революции традиций изучения средневековой российской культуры, во многом

---

¹³² Там же. С. 134.

«подготовивших почву» для проникновения в российскую науку такого методологического вейния, как историческая антропология¹³³.

Защита докторской диссертации: трудный путь первопроходца. Защита докторской диссертации состоялась 28 мая 1959 г. в Ученом совете Института истории АН СССР. Весьма интересным выглядит выбор оппонентов. Безусловно, главной фигурой среди них являлся академик АН УССР Н.К. Гудзий¹³⁴, заведующий Сектором древнеукраинской литературы Института украинского языка, на тот момент самый авторитетный среди всех советских специалистов по древнерусской литературе. Вторым (в порядке выступления) оппонентом А.А. Зимина был археолог, специалист по древнерусскому зодчеству, искусствовед Н.Н. Воронин¹³⁵. В своих научных изысканиях Н.Н.Воронин, несмотря на то, что он по формальным критериям относится к первому советскому поколению историков, во многом ориентировался на методологические установки старой профессуры с их культурологическим ракурсом¹³⁶. Являясь специалистом по древнерусскому зодчеству, Н.Н. Воронин в своих трудах делал попытку реконструировать путь развития средневековой русской культуры в целом, что, вероятно, и было главным аргументом в пользу его приглашения в качестве оппонента. Третьим оппонентом стал Бернгард (Борис) Борисович Кафенгауз¹³⁷, научный сотрудник Института истории АН СССР, профессор исторического факультета МГУ. Основной

¹³³ К сожалению, нам остается констатировать, что сюжет этот в настоящее время слабо изучен историографами и реализуется лишь в статьях об отдельных русских дореволюционных и советских историках. См., напр.: Лихачев Д.С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.:Л., 1958. Т. XV. С. 486–495; Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII. Л., 1990. С. 249–280; Панеях В.М. «Люди и нравы» Бориса Александровича Романова: судьба книги // Панеях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 166–86; Тихонов В.В. Об одной тенденции развития отечественной историографии начала XX века (работы А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2010: РУДН. М., 2010. С. 328–335; и др.

¹³⁴ См.: Робинсон А.Н. К семидесятилетию Николая Калининвича Гудзия (очерк жизни и деятельности) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 325; Воспоминания о Николае Калининвиче Гудзии. М., 1968; Гусев В. Никола Калининвич Гудзий // Вопросы литературы. 1976. № 6. С. 161–176; Дмитриев Л.А. Н.К. Гудзий – исследователь «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. XLVI. С. 176–185.

¹³⁵ Вагнер Г.К. Николай Николаевич Воронин // Культура Древней Руси. М., 1964. С. 7–12; Он же. Николай Николаевич Воронин [некролог] // Советская археология. 1976. № 4. С. 254–256; Формозов А.А. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. 2004. № 2. С. 173–180.

¹³⁶ Из некролога Г.К. Вагнера: «За памятниками культуры Н.Н. Воронин всегда видел живых людей с их мировоззрением, творческими поисками, борьбой за справедливость и независимость» (Вагнер Г.К. Николай Николаевич Воронин [некролог]. С. 254.).

¹³⁷ См.: Преображенский А.А. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Кафенгауза // Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 146–160.

сферой научных интересов Б.Б. Кафенгауза была экономическая история России XVII-XVIII вв., однако это не исключало в его творчестве и некоторых экскурсов в более ранние эпохи (в частности, ряд его работ был посвящен Псковской судной грамоте). Еще более «далек» от темы докторской диссертации был четвертый оппонент - В.И. Шунков¹³⁸, крупный специалист по социально-экономической истории Сибири XVII–XVIII вв. Необходимо, впрочем, отметить, что В.И. Шунков был носителем немалого институционального «научного капитала»: в 1959 г. он занимал пост директора Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, являлся главным редактором журнала «Исторический архив». Как и у А.А. Зимина, его учителем был С.В. Бахрушин, что должно было сближать этих ученых.

В целом же остается сделать вывод: из четырех оппонентов А.А. Зимина лишь два имели непосредственное отношение к изучению средневековой русской культуры, при этом один из них был филологом (а не историком), другой – археологом, непосредственным изучением древнерусской литературы не занимавшийся. Это отнюдь не означало, что А.А. Зимин был совершенно одинок в своих научных изысканиях, однако подавляющее большинство специалистов в данной области по своей профессиональной принадлежности были филологами и литературоведами. Все это подчеркивает как значение выполненной А.А. Зиминим работы для развития советской исторической науки, так и трудности, с которыми ему, «первопроходцу», пришлось столкнуться¹³⁹.

Как и в случае с защитой его кандидатской диссертации, оппоненты начали свое выступление с признания высокой ценности рассматриваемой работы и больших личных заслуг диссертанта перед исторической наукой. Отмечался ее

¹³⁸ Индова Е.И. В.И. Шунков – историк-аграрник // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 350–353; Александров В.А. В.И. Шунков – историк Сибири // Там же. С. 354–355; Шмидт С.О. В.И. Шунков – источниковед и археограф // Там же. С. 356–361; Богдалин С.Б. Вопросы истории крестьянской Сибири в XVII–XVIII вв. в трудах В.И. Шункова (середина 20-х гг. – 1946 г.) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1985. № 14. Сер. Истории, филологии и философии. Вып. 3. С. 60–63; Преображенский А.А. Виктор Иванович Шунков // Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 268–272.

¹³⁹ На наш взгляд, подобная ситуация стала результатом многолетнего насильственного насаждения в исторической науке марксистской методологии, в рамках которой вопросам, связанным с духовной, культурной сферой жизни общества, придавалось второстепенное значение. Характерно, что активное заполнение этих лакун начнется именно после критики культа личности Сталина, и диссертация А.А. Зимина здесь – одна из составных частей этого процесса.

широкий тематический охват, большое число использованных источников и литературы¹⁴⁰, скрупулезность источниковедческих штудий¹⁴¹. В целом одобрена была и идея о существовании русского реформационно-гуманистического движения¹⁴². Не менее лестных характеристик удостоился и сам автор: говорили о его трудолюбии, подчеркивали многочисленность его научных трудов, высоко оценивали его археографическую деятельность, именовали крупным ученым и «настоящим энтузиастом науки»¹⁴³ (Н.Н. Воронин). Н.К. Гудзий и Н.Н. Воронин открыто называли процесс защиты докторской диссертации формальностью, «обязательным обрядом»¹⁴⁴.

В адрес книги, конечно, были сделаны и некоторые замечания. Наиболее существенные среди них принадлежали Н.К. Гудзию. Возражения академика вызвала попытка А.А. Зимина приписать авторство «Повести о Петре и Февронии» Ермолаю-Еразму и отказ от традиционной датировки ее XV в. Но после того, как оппонент привел контраргументы, Н.К. Гудзий сделал оговорку: «... я не считаю, однако, свои доводы неопровержимыми, так как совершенно бесспорных данных в их защиту привести нельзя...»¹⁴⁵. Большая часть критических замечаний академика оказалась порождена неверной интерпретацией тезиса историка о близости Пересветова к еретикам. Н.К. Гудзий воспринял это как утверждение о тождестве их взглядов, потратив немалое усилие на его опровержение¹⁴⁶. Н.Н. Воронин ограничился лишь тем, что предложил диссертанту расширить круг рассматриваемых источников и дать более развернутую характеристику некоторых из затронутых в книге персонажей¹⁴⁷. Сходным образом было выстроено и выступление Б.Б. Кафенгауза: не споря с А.А. Зиминим, он лишь несколько раз упрекнул его в не-

¹⁴⁰ Н.К. Гудзий: «... прекрасное знакомство с литературой вопроса не только на русском языке, но и ряде иностранных языков, знакомство, доведенное буквально до времени выхода книги в свет» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 433. Л. 24.)

¹⁴¹ Н.К. Гудзий: «... обращает на себя внимание широкая осведомленность автора в материале вплоть до мельчайших деталей» (Там же).

¹⁴² Н.К. Гудзий и Б.Б. Кафенгауз в своих выступлениях на этой идее историка специально не останавливались, Н.Н. Воронин лишь упомянул ее, пересказывая содержание диссертации, В.И. Шунков в отзыве написал: «автор правильно видит отличительные черты общественной мысли 40–50-х гг. XVI в. в новом этапе реформационного движения» (Там же. Л. 59), критики в адрес этой идеи А.А. Зимина никто не озвучил

¹⁴³ Там же. Л. 40.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. Л. 34.

¹⁴⁶ Там же. Л. 35–38.

¹⁴⁷ Там же. Л. 43–50.

достаточном внимании к экономическому аспекту воззрений средневековых публицистов¹⁴⁸. В.И. Шунков вообще воздержался от каких-либо критических высказываний¹⁴⁹.

В ответном слове А.А. Зимин с легкостью отвел большую часть немногочисленных критических замечаний, в основном повторяя уже зафиксированные в монографии аргументы. Отвечая Н.К. Гудзию, он подчеркнул, что в книге говорил лишь о близости Пересветова к еретикам, а не о еретическом характере его воззрений. В заключении речи он выразил благодарность как своему первому учителю С.В. Бахрушину, так и научному консультанту М.Н. Тихомирову¹⁵⁰.

На этом моменте официальная часть защиты диссертации могла бы быть закончена. В целом исход ее уже был ясен. Однако именно после ответной речи А.А. Зимины, в ходе свободных прений и была развернута острейшая полемика вокруг построений историка. С развернутой критикой А.А. Зимины выступили преподаватели Высшего заочного юридического института Ю.Ф. Сальников и С.А. Покровский¹⁵¹.

Как и официальные оппоненты, они оба свои выступления начали с признания заслуг А.А. Зимины перед исторической наукой¹⁵². Но все в дальнейшем высказанное ими фактически подводило слушателей к мысли о том, что А.А. Зимин отошел от принципов марксистской методологии истории. Наиболее открыто это отражено в выступлении Ю.Ф. Сальникова, отмечавшего в монографии А.А. Зи-

¹⁴⁸ Там же. Л. 51–58.

¹⁴⁹ Там же. Л. 58–60. В.И. Шунков лично не присутствовал на заседании, ограничившись предоставлением письменного отзыва.

¹⁵⁰ Там же. Л. 62–74.

¹⁵¹ Сведениями о Ю.Ф. Сальникове мы не располагаем. Из его выступления следует, что он являлся учеником С.А. Покровского. Имя С.А. Покровского неоднократно упоминается в историографических работах (См., напр.: Свердлов М.Б. Общественный строй... С. 241; 279–280; Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. С. 117–119, 132–133, 189, 193–195, 300, 303), но при этом нет ни одной биографии этого человека. Мы не располагаем даже некрологом, существует лишь небольшая биографическая статья в справочнике сотрудников Отдела рукописей РНБ, в которой отсутствует даже указание на дату смерти этого ученого (Киселева Г.Б. Покровский Серафим Александрович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1135/. Дата последнего обращения – 12. 03. 2012.). При этом необходимо отметить, что данный историк-правовед принимал активное участие в ряде значимых для исторической науки дискуссий, в том числе и по вопросу о социально-экономическом строе Киевской Руси.

¹⁵² С.А. Покровский весьма эмоционально заявил: «Так что в настоящее время задача Ученого совета заключается не в том, чтобы проголосовать за или против, ... а в том, чтобы зафиксировать де-факто сложившееся явление» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 433. Л. 85)

мина отход от принципа партийности¹⁵³. Согласно нему, «партийность, с одной стороны, исходит из открытого провозглашения нашей классовой позиции, как представителей пролетариата и, с другой – резкой (так в тексте – М.Б.) непримиримой критики представителей буржуазной идеологии»¹⁵⁴. Основные возражения Ю.Ф. Сальникова связаны с тем, что историк «не дал четкой характеристики классовой природы взглядов древнерусского писателя», а именно «не показаны, последовательно не раскрыты взгляды Пересветова, как феодального идеолога (мною сохранена пунктуация источника – М.Б.)»¹⁵⁵. Исследование общественной мысли, считал он, должно строиться на «определении объективной классовой цели воззрений мыслителя», «очищении ее (идеологии – М.Б.) от декларативных заявлений идеолога»¹⁵⁶. По мнению Ю.Ф. Сальникова, Пересветов – феодальный идеолог, «приверженец феодальной иерархии», который «любыми средствами стремиться доказать ее необходимость»¹⁵⁷. Требование учитывать при назначении на государственные посты верность и умения человека не отменяло критерий родовитости, а в «правде» он, в отличие от А.А. Зимины, видел лишь требование соблюдать установленных феодальным обществом обязанности.

С.А. Покровский напрямую теоретико-методологических основ работы А.А. Зимины предпочел не касаться, что, однако, не сделало его критику менее резкой. Главным объектом его недовольства стала концепция русского реформационно-гуманистического движения. По его словам «за последнее время имеет место некоторое увлечение отыскиванием гуманистического направления в литературе XVI в. Было ли такое гуманистическое направление? Было, но оно было представлено ярко и отчетливо такой фигурой, какой была фигура Феодосия Косого»¹⁵⁸. Гуманизм С.А. Покровский трактовал как идеологию нарождающегося класса буржуазии, в то время как в Пересветове он, равно как и Ю.Ф. Сальников,

¹⁵³ Необходимо отметить, что несмотря на все идеологические послабления, последовавшие вслед за XX съездом КПСС, принцип партийности продолжал оставаться одним из существенных черт конструируемого ученым сообществом образа советской исторической науки. См.: Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск., 2006. С. 143–155.

¹⁵⁴ АРАН. Ф. 1577 (Институт истории). Оп. 2. Д. 433. Л. 78.

¹⁵⁵ Там же. Л. 81.

¹⁵⁶ Там же. Л. 82.

¹⁵⁷ Там же. Л. 81.

¹⁵⁸ Там же. Л. 86.

видел исключительно дворянского идеолога. При этом упрек в «увлечении отыскиванием» был адресован не только А.А. Зимину, но и А.И. Клибанову, Л.Н. Пушкареву и даже Б.Д. Грекову¹⁵⁹. Из выступления С.А. Покровского, хотя не все им проговаривалось внятно¹⁶⁰, проистекал следующий вывод: А.А. Зимин и его единомышленники рассматривают развитие общественной мысли в отрыве от классовой структуры общества и игнорируют такой основополагающий принцип марксистской методологии, как определяющее влияние базиса на надстройку.

Обвинение в отступлении от марксизма было весьма серьезно, даже для 1959 г. Однако напрямую оно высказано не было. Почему? Скорее всего, главной причиной являлся тот факт, что формально книга А.А. Зимина укладывалась в марксистские представления об истории (о чем уже было сказано выше). А.А. Зимин лично уже в то время порвал с марксистским мировосприятием, но все необходимые «обряды» в его книге были соблюдены. Критика С.А. Покровского и его ученика была вызвана попыткой историка оторваться от вульгарной социологизированной трактовки процесса развития общественной мысли. Это столкновение вполне возможно рассматривать как своего рода «отголосок» разразившегося в 1920–1930-е гг. столкновения двух поколений отечественных историков: А.А. Зимин явно тяготел к научным и ценностным установкам ученых дореволюционного поколения, в то время как С.А. Покровский был представителем первого советского поколения¹⁶¹.

Далее слово в прениях взял А.И. Клибанов. Он, конечно же, выступил в защиту историка¹⁶². В диссертации А.И. Клибанов отметил два главных достоинства: во-первых, историк смог показать Пересветова самостоятельным публици-

¹⁵⁹ Там же. Л. 87, 89, 92. Б.Д. Греков неоднократно подвергался нападкам со стороны С.А. Покровского в 1940-е гг. (см.: Дубровский А.М. Историк и власть. С. 658).

¹⁶⁰ Следует отметить, что речь С.А. Покровского была невероятно сумбурна, многие из его замечаний сформулированы столь неясно, что остается непонятным, что же он имел в виду.

¹⁶¹ Что, надо сказать, хорошо видно не только из его биографии (родился в 1905 г., высшее образование получил в 1920-е гг.) и методологических установок, но и из самой манеры построения речи, ее сумбурности, обилия «просторечных» оборотов, повторов, большого числа лексических ошибок и т.п.

¹⁶² А.И. Клибанов был приятелем А.А. Зимина, разделял вместе с ним идею о реформационно-гуманистическом движении в средневековой России. О нем см.: Буганов В.И. Проблемы реформационных движений в общественно-политической мысли России в трудах А.И. Клибанова // Исторические записки. 1977. Т. 98. С. 257-275; Дмитриев М.В. История общественной мысли в исследованиях А.И. Клибанова // История СССР. 1990. № 6. С. 124–136.

стом, а не «спутником Ивана IV»¹⁶³; во-вторых, дал целостную характеристику всей общественно-политической мысли России середины XVI в. В адрес же С.А. Покровского и Ю.Ф. Сальникова А.И. Клибанов бросил упрек в их недостаточно обстоятельном знакомстве с источниками¹⁶⁴. Отвечая на прозвучавшее обвинение в переоценке степени «еретичества» Пересветова, А.И. Клибанов призвал отказаться от узкого, ортодоксально-религиозного понимания ереси. Применительно к XV – XVI вв., считал он, «ересь состояла в том, что люди, пришедшие из разных общественных слоев, ... позволили себе в первый раз отнестись к окружающим им не только церковным нормам, но и всем иным, критически. Ересь состояла в праве на критику, в праве дерзнуть, в праве иметь свое мнение»¹⁶⁵. Фактически А.И. Клибанов отождествлял вольнодумие и еретичество. В целом его выступление явно было рассчитано на то, чтобы «смягчить» удар, полученный А.А. Зиминим.

Ответная речь А.А. Зимина была сравнительно кратка. Часть тезисов Ю.Ф. Сальникова и С.А. Покровского он уже опроверг в своей монографии, поэтому счел возможным свои контраргументы отдельно не озвучивать, отослав всех желающих к тексту книги. Возражая против узкой социологизаторской трактовки гуманистического движения как исключительно порождения класса буржуазии, историк обратился к авторитету самого крупного советского медиевиста С.Д. Сказкина¹⁶⁶, отмечавшего, что гуманизм появляется в условиях зарождения буржуазного уклада, что делало возможным участие в гуманистическом движении передовых представителей дворянства (в качестве примера был назван польский публицист Анджей Фрич-Морджевский)¹⁶⁷.

Почему А.А. Зимин не выступил с развернутым ответом, по сути, прервав полемику? Конечно, этому можно найти вполне простые объяснения: А.А. Зимин

¹⁶³ Там же. Л. 94.

¹⁶⁴ «И мне кажется, что целый ряд недоразумений был бы снят, если бы выступавшие здесь товарищи, повторяю, проделали, подобно Александру Александровичу, хотя бы какую-то долю тех изысканий, которыми они пользовались благодаря усердию и стараниями самого Александра Александровича» (Л. 95). В данном случае А.И. Клибанов намекает на то, что выступавшие были знакомы с сочинениями Пересветова благодаря их изданию, осуществленному А.А. Зиминим.

¹⁶⁵ АРАН. Ф. 1577 (Институт истории). Оп. 2. Д. 433. Л. 96.

¹⁶⁶ См.: Гутнова Е.В. Сергей Данилович Сказкин // Портреты историков: Время и судьбы. М.: Иерусалим, 2000. Т. 2. Всеобщая история. С. 197–206.

¹⁶⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 433. Л. 98–102. В стенограмме был помещен как правленный, так и неправленный вариант ответной речи А.А. Зимина. Автор счел нужным несколько изменить стилистику своего выступления.

был утомлен физически и эмоционально, исход защиты был уже очевиден и в подобном развернутом ответе отсутствовала необходимость. Полагаем, есть и еще одно объяснение: исследователи «говорили на разных языках». С.А. Покровский и Ю.Ф. Сальников были склонны к отвлеченным теоретико-методологическим обобщениям, в то время как А.А. Зимин все свои построения основывал на тщательной проработке каждого исторического факта и свидетельства источника.

Итог защиты был понятен с самого начала. Из 33 членов комиссии 31 проголосовали за присуждение ученому степени доктора исторических наук, 1 – против, еще 1 бюллетень был признан недействительным.

Тактика «среднего пути»: на примере статьи о зарождении поместной системы. В том же 1959 г. у А.А. Зимина выходит из печати статья, посвященная проблеме происхождения поместной системы¹⁶⁸. К сожалению, из всех биографов А.А. Зимина лишь В.М. Панеях и В.Б. Кобрин обратили свое внимание на эту работу историка¹⁶⁹. Однако статья эта представляет собой большой интерес не только для характеристики концептуальных воззрений ученого, направления его дальнейших научных изысканий, но и самой творческой манеры историка, выстраиваемой им системы отношений с научной средой.

Предпосылки возникновения поместной системы А.А. Зимин считал нужным искать в XIV–XV вв., времени непосредственно предшествовавшего так называемой поместной реформе Ивана III. В качестве отправной точки своих размышлений историк избрал сопоставление с поместьем различных форм земельных владений того времени. Вывод, к которому он пришел, был для конца 1950-х гг. весьма нетривиален – боярская вотчина, традиционно рассматривавшаяся как неотчуждаемое наследственное владение, не обусловленное несением военной службы, в реальности таковым не являлось.

Это противоречило традиционному противопоставлению боярской вотчины и поместья. Более того, А.А. Зимин сделал парадоксальный (для науки того времени) вывод о том, что боярское землевладение, вместе с условным держанием

¹⁶⁸ Зимин А.А. Из истории поместного землевладения // Вопросы истории. 1959. № 11. С. 130–142.

¹⁶⁹ См.: Кобрин В.Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства. С. 264–265; Панеях В.М. Панорама истории России XV–XVI веков: К выходу в свет книги «Витязь на распутье». С. 102.

земли княжескими и боярскими слугами, являлось одним из источников, породивших поместную систему. Казалось бы, логическим следствием из того должен был бы стать отказ от утвердившегося в историографии тезиса о противоборстве боярства и дворянства. Однако выявив черты сходства двух типов землевладения, А.А. Зимин тут же считает нужным подчеркнуть их различия («... все указанные стеснения в праве распоряжения «боярской» землею у ряда держателей до реформы Ивана III не были точно определены, что и отличает это право держания земли от сложившейся позднее поместной системы»¹⁷⁰). И в конце статьи А.А. Зимин вновь возвращается к противопоставлению боярской вотчины и поместья, утверждая, что в условиях экономического подъема конца XV–XVI вв. быстрее всего к новым экономическим условиям приспособилось именно мелкое и среднее землевладение, сложившееся как поместное. Этими финальными замечаниями историк фактически прерывает единую логическую цепь рассуждений, оставляя в неприкосновенности одно из важных положений «москвоцентризма», прочно усвоенное советской исторической наукой.

А.А. Зимин, таким образом, в этой статье пытается нащупать весьма хрупкое равновесие между новыми обнаруженными им фактами и уже утвердившимися в науке концепциями. Факты не укладываются в общепринятые схемы, вступают в противоречие с ними. В то же время А.А. Зимин не проявляет стремления к выходу за рамки выстроенной его старшими коллегами и предшественниками объяснительной модели. Однако он не мог и игнорировать открывшиеся ему факты - это вступало в противоречие с собственно научными убеждениями историка. Выход видится ему в «среднем пути» - А.А. Зимин модернизирует устоявшиеся в науке концепции, «приваривая» к ним новые факты, уточняя детали, но при этом не затрагивая их основные положения. Идейные конструкты, «полученные на выходе», отличаются рыхлостью, неоднородностью, противоречивостью и, как результат, нестабильностью, что побуждало к их пересмотру.

---

¹⁷⁰ Зимин А.А. Из истории поместного землевладения. С. 137.

«Реформы Ивана Грозного». Тактика «среднего пути» характерна и для следующей монографии ученого, посвященной уже социально-политической истории России середины XVI в.¹⁷¹

Иван Грозный был одним из самых «популярных» персонажей советской исторической науки (что было обусловлено обстоятельствами политико-идеологического характера)¹⁷². Однако характеризуя время его правления, советские историки основное свое внимание уделяли событиям, связанным с опричниной. Реформы Избранной рады оказались «в тени» мероприятий второй половины его царствования. Объектом обстоятельного анализа эти преобразования оказались в 1940-1950-е гг., когда вышли из печати исследования С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова¹⁷³. Показательно, что оба ученых, сошедшихся во взгляде на опричнину как мероприятие, направленное на подрыв могущества княжеских и боярских родов, дали различные трактовки преобразований Избранной рады. Для С.В. Бахрушина (и солидаризировавшегося с ним Б.А. Романова¹⁷⁴) они являлись результатом компромисса между дворянством и боярством, вынужденной мерой, необходимой для консолидации сил феодалов в условиях обострения классовой борьбы. Противоречия между ними снять не удалось, чем и объясняется переход к политике опричнины. В отличие от него И.И. Смирнов реформы рассматривал как комплекс антибоярских мероприятий, своего рода «репетицию» опричнины. Оба исследователя видели главную цель как реформ, так и опричнины в централиза-

¹⁷¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960.

¹⁷² См.: Веселовский С.Б. Обзор мнений историков об Опричном дворе царя Иван // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 11–34; Свак Д. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI в. в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середине 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6. С. 85–110.

¹⁷³ Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942 (2-е изд. М., 1945); Он же. «Избранная рада» Ивана Грозного // Исторические записки. 1945. Кн. 15. С. 29–56; Он же. Самодержавие Ивана IV. М., 1946; Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944; Он же. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI века. М.: Л., 1958. О жизни и творчестве И.И. Смирнова см.: Валк С.Н. Иван Иванович Смирнов // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 146–188; Алексеев Ю. Г., Носов Н. Е. История феодальной России в трудах И. И. Смирнова. К 75-летию со дня рождения // История СССР. 1985. № 5. С. 117–131; Никонов С.А. Б.Д. Греков и И.И. Смирнов: к проблеме взаимоотношений учителя и ученика // Мавродинские чтения: Сб. статей. СПб., 2002. С. 118–124; Панеях В.М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // Панеях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 187–222.

¹⁷⁴ См.: Романов Б.А. К вопросу о земельной политике Избранной рады (ст. 85 Судебника 1550 г.) // Исторические записки. 1951. кн. 38. С. 252–269. Он же. О полном холопе и сельском попе в Судебнике 1550 г. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. С. 140–145.

ции государства, но С.В. Бахрушин считал процесс формирования Русского централизованного государства к середине XVI в. завершенным, говоря лишь о ликвидации остатков феодальной раздробленности, в то время как И.И. Смирнов его верхнюю грань относил к началу XVII в.

В «Реформах Ивана Грозного» А.А. Зимин продолжил развивать основные идеи С.В. Бахрушина. Русское государство именовалось им «централизованной монархией»¹⁷⁵, но при этом подчеркивалось наличие многочисленных пережитков феодальной раздробленности (каких именно автор не пояснял). Старт реформам, считал он, дало резкое обострение классовой борьбы, наиболее ярким воплощением которого виделось московское восстание 1547 г. Еще одной предпосылкой реформ стало ослабление боярской аристократии в результате ее размежевания на многочисленные группировки в ходе так называемого боярского правления. На этом фоне в 1549 г. к власти пришло «правительство компромисса» во главе с А.Ф. Адашевым. Деятельность Избранной рады он подразделил на два периода. В 1549–1553 гг. был созван первый Земский собор (1549 г.), ограничено местничество, начато формирование первого постоянного войска – стрельцов, на Стоглавом соборе Русской православной церкви (1551 г.) была предпринята попытка секуляризации церковных земель, постепенно ликвидировалась система кормлений и вводились органы местного самоуправления. В целом «реформы содействовали формированию централизованного аппарата власти и обеспечили крупные внешнеполитические успехи России», при этом Избранная рада стремилась «провести социально-политические преобразования, отвечающие пожеланиям дворянства и дальновидных кругов боярства»¹⁷⁶. Обратной стороной этих мероприятий стало усиление эксплуатации непосредственных производителей, что вело к еще большему подъему классовой борьбы. Главное проявление ее на этом этапе А.А. Зимин усматривал в расцвете реформационно-гуманистического движения общественной мысли. Обостряются и противоречия внутри самой Избранной рады, доказательством чего для него были события 1553 г., спор, развернувшийся вокруг

¹⁷⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 316.

¹⁷⁶ Там же. С. 478.

фигуры наследника престола. Второй период реформ (1553–1560 гг.) А.А. Зимин характеризовал тем, что «более отчетливо заметны попытки правительства удовлетворить интересы дворянства, причем на этот раз за счет ущемления прав феодальной аристократии, хотя еще на старой (компромиссной) основе». На этот этап падает завершение губной и земской реформы, оформление системы приказов, принятие Уложения о службе 1555/56 гг. Компромиссный характер реформ не позволил в их ходе удовлетворить основные требования дворянства (новые земельные владения и рабочие руки), что привело к падению правительства А.Ф. Адашева и дальнейшему переходу к опричнине.

Картина социально-политического развития страны, обрисованная в «Реформах Ивана Грозного», укладывается в рамки «москвоцентрического» видения российской истории. Но, как и в случае со статьей о происхождении поместной системы, А.А. Зимин делает ряд выводов, выходящие за рамки привычных историографических схем. Избранную раду, как и его учитель, он отождествляет с Ближней думой. Однако в составе ее, согласно изысканиям А.А. Зимина, входили представители знатных княжеских и боярских родов. Секуляризации церковного имущества желало как дворянство, так и боярство. Земская и губная реформа, полагал А.А. Зимин, в первую очередь отвечала интересам верхов посада и зажиточного крестьянства. Знаменитое испомещение тысячи детей боярских под Москвой, задуманное в 1550 г., согласно изысканиям ученого, осталось лишь проектом, так и не реализованным на практике. События 1553 г., ранее рассматривавшиеся как боярский мятеж или заговор, в изображении А.А. Зимина выглядят лишь толками в Боярской думе, причем в защиту линии на дальнейшую централизацию выступили среди прочих и представители старомосковского боярства. Уложение 1555/56 г. регламентировало службу как бояр-вотчинников, так и дворян-помещиков, а в результате всего комплекса военных реформ доля боярского ополчения в армии повысилась.

Та же двойственность и противоречивость обнаруживается и в описании А.А. Зиминим трансформации системы государственного управления. Несмотря на то, что он именуется Россию «централизованной монархией», государственный

аппарат в его изображении выглядит громоздкой, аморфной структурой, без четкого разделения полномочий между органами власти. Оформление приказной системы он, в отличие от своих предшественников, относит лишь к 1550 гг. При этом многие приказы сохраняли, согласно нему, черты территориального характера управления. Земская и губная реформа, направленная на ограничение слабо контролировавшегося центральной властью института наместничества, «осуществлялась не единовременно и не повсеместно»¹⁷⁷.

Концепция С.В. Бахрушина, изначально содержащая в себе некоторые противоречия, в книге его ученика, «наполнившись» новыми фактами и суждениями, начала «давать трещину». А.А. Зимин вплотную подошел к ее пересмотру.

Рецензии как «указатели пути». Весьма симптоматичны те замечания, что были озвучены в рецензиях на монографию. Самая обстоятельная из них была написана С.О. Шмидтом¹⁷⁸. Кратко излагая содержание «Реформ Ивана Грозного», рецензент подчеркивал наиболее интересные, по его мнению, выводы ученого. В число таковых, как правило, попадали именно те положения А.А. Зимины, которые расходились с привычным «москвоцентрическим» видением российского прошлого. Так, разделяя идею историка об ослаблении боярства в 1530–1540-е гг., он подчеркивает: «отдельные бояре поддерживали мероприятия центральной власти и дворянства в их борьбе против привилегий боярства в целом»¹⁷⁹. Разделял он и взгляд А.А. Зимины на события 1553 г. как разноголосицу, толках в Боярской думе, считал убедительным суждение о 1550-х гг. как времени сложения приказной системы, полагал обоснованными взгляды историка на реформу местного самоуправления. Не менее примечательны и сделанные им критические замечания. Так, С.О. Шмидт считал, что А.А. Зимин переоценивает роль классовой борьбы в преобразованиях Избранной рады, не обращая внимание на такие задачи, стоявшие перед правительством, как необходимость «устранить недовольство различ-

¹⁷⁷ Там же. С. 398.

¹⁷⁸ Шмидт С.О. Рец. на кн. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 // Вопросы истории. 1962. № 6. С. 132-139.

¹⁷⁹ Шмидт С.О. Рец. на кн. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 136.

ных групп феодалов (особенно дворянства) и завершить Казанскую войну»¹⁸⁰. Необоснованными он называет и выводы автора о неуклонном росте интенсивности классовой борьбы. Сведений о городских восстаниях 1550-х гг., отмечал рецензент, чрезвычайно мало, а обнаруженные А.А. Зиминим материалы о деятельности Разбойного приказа не позволяли в полной мере судить о размахе разбоев. Преувеличивал, по С.О. Шмидту, А.А. Зимин и влияние реформационного движения на политику Избранной рады. Под сомнение был поставлен и тезис о России середины XVI в. как «централизованной монархии». По словам С.О. Шмидта, «книга А.А. Зимина... лишний раз убеждает в том, что процесс строительства централизованного государства ко времени правления Ивана Грозного отнюдь еще не был завершен», «образование основной территории такого государства – лишь начальный его этап»¹⁸¹.

Вторым рецензентом стал молодой ученый (аспирант) В.Б. Кобрин¹⁸². Тот факт, что А.А. Зимин доверил ему рецензирование своего труда¹⁸³, свидетельствует о педагогическом таланте ученого, его умении увидеть в полной мере мощь творческого потенциала, заложенного в человеке.

Уже в самом начале своей рецензии В.Б. Кобрин, отмечая достоинства монографии, говорит о «научной осторожности» автора, который «не стремится подчинить схеме сложную историческую действительность» и «не боится заявить о невозможности решить тот или иной вопрос, если для этого мало источников или они тенденциозны»¹⁸⁴. Таким образом, противоречивость картины реформ, обрисованной А.А. Зиминим, оценивается В.Б. Кобриным именно как достоинство, а не недостаток его работы.

¹⁸⁰ Там же. С. 138.

¹⁸¹ С. 135.

¹⁸² О жизни и творчестве В.Б. Кобрин см.: Юрганов А.Л. Творческое наследие В.Б. Кобрин в контексте истории исторической науки // Отечественная история. 1993. № 1. С. 136–149; Он же. Путь исторической науки приоритеты изучения (по материалам архива В.Б. Кобрин) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения. С. 125–127; Смирнов И.В. Этика истории в публицистических и популярных работах В.Б. Кобрин // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В.Б. Кобрин. М., 1992. С. 20–22; Панях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В.Б. Кобрин // Панях В.М. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 113–124.

¹⁸³ О том, что между ними существовало устное соглашение, нам известно со слов Ю.Д. Рыкова.

¹⁸⁴ Кобрин В.Б. Рец. на кн. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 // История СССР. 1962. № 5. С. 185.

Но, пожалуй, самым непредсказуемым в рецензии стало возражение В.Б. Кобрин против употребления в работе термина «боярский сепаратизм». По его словам «в книге не расшифрован термин “боярство” и недоказано наличие у боярства сепаратистских устремлений, вероятно, правильнее и точнее говорить не о борьбе с боярским сепаратизмом, а о борьбе с пережитками феодальной раздробленности, удельной старины»¹⁸⁵. В одной этой фразе молодой историк поставил под сомнение существующие чуть более столетия историографические схемы и одновременно сформулировал основные мысли новой монографии А.А. Зимина, изданной четыре года спустя. Однако в 1960 г. эти слова, по-видимому, еще остались без должного внимания.

В том же 1960 г. будут опубликованы две работы, подрывавшие традиционные схемы противопоставления боярства и дворянства. Н.Е. Носов¹⁸⁶ на основании тщательного анализа списка бывших кормленщиков из Боярской книги 1556 г. пришел к выводу о том, что в число их помимо бояр входили и выходцы из дворянства. Изучение состава Государева двора, в свою очередь, позволило ему утверждать, что столичное дворянство было много ближе по своему социальному составу к боярству, чем к провинциальным детям боярским. Кроме того, уже упоминавшийся выше В.Б. Кобрин в 1960 г. защищает кандидатскую диссертацию, посвященную составу Опричного двора. Основные ее результаты были опубликованы в «Археографическом ежегоднике»¹⁸⁷. Реконструированный им список лиц подвел В.Б. Кобрин к утверждению о том, что Опричный двор был не менее аристократичен, чем Земский, и «разницу между опричниной и земщиной нельзя преувеличивать», «она не была настолько велика, чтобы мы были вправе

¹⁸⁵ Там же. С. 188.

¹⁸⁶ Носов Н.Е. Боярская книга 1556 г. (из истории происхождения четвертчиков) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960. С. 191–227. О жизни и творчестве Н.Е. Носова см.: Алексеев Ю.Г., Павлов А.П. Николай Евгеньевич Носов (1924–1984) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Сб. XXVI; Павлов А.П. Н.Е. Носов как исследователь проблем русской истории XVI в. // Государство и общество в России XV – начала XVI века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 33–44; Кром М.М. Творческое наследие Н.Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI века // Там же. С. 45–57.

¹⁸⁷ См.: Кобрин В.Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 16–91. В полном объеме диссертация ученого так и осталась неопубликованной, хотя уже после его смерти большая ее часть вошла в сборник его трудов, см.: Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика.: Избранные труды. М., 2008. С. 13–137.

их резко противопоставлять друг другу»¹⁸⁸. Впрочем, как и А.А. Зимин, В.Б. Кобрин от привычных идей об антибоярской направленности опричнины не отказался.

Выводы. После защиты кандидатской диссертации А.А. Зимин продолжает стремительно набирать «научный капитал», причем как символический, так и институциональный. А.А. Зимин следует при этом «стратегии преемственности», в целом продолжая воспроизводить научные представления своего учителя С.В. Бахрушина. Его творчество протекало в русле «москвоцентрической» традиции, уже давно существовавшей в отечественной исторической науке. Но в то же время историк в силу своих творческих убеждений не мог довольствоваться механическим повторением уже высказанных ранее мыслей. Поэтому он, оставаясь в рамках принятых в науке концепций, корректирует их, пытаясь соединить разнородные, зачастую противоречащие друг другу суждения и высказывания. Пожалуй, наиболее новаторской выглядит его докторская диссертация, в которой ученый отказался от жесткой привязки идей того или иного мыслителя к его классовой принадлежности, за что работа подверглась критике некоторой части научного сообщества. Более традиционной была его монография «Реформы Ивана Грозного», укладывавшаяся в «москвоцентрическое» видение отечественной истории. Однако и в ней историк дополнял концепцию своего учителя, породив при этом такое количество логических противоречий, что вплотную подошел к ее пересмотру. В свою очередь рецензии на данную книгу показывают, что научное сообщество в целом к таковой «ревизии» было готово.

---

¹⁸⁸ Там же. С. 132.

Глава 2. Перипетии творческой жизни историка начала 1960 – начала 1970-х

гг.

§1. «Слово о полку Игореве» в судьбе А.А. Зимина

Выборы в Академию наук: кандидат А.А. Зимин. 1962 г. был переломным моментом в биографии А.А. Зимина. С одной стороны, именно на этот год приходится пик академической карьеры историка, с другой стороны, именно в этом году сложились все условия для его дальнейшего жесткого конфликта с академической средой и даже высшими партийными кругами, исход которого был непредсказуем.

В апреле 1962 г. был объявлен конкурс на замещение должностей академиков и член-корреспондентов Академии наук СССР. По Отделению исторических наук открылось две вакансии: академик по специальности «История КПСС» и член-корреспондент по «Истории СССР». 17 мая того же года состоялось заседание Ученого совета Института истории АН СССР. Главным вопросом на повестке дня значилось выдвижение и обсуждение кандидатов на открывшиеся должности. Роль председателя выполнял заместитель директора ИИ АН СССР В.М. Хвостов.

Изначально заседание производило впечатление заранее «срежиссированного» действия. Зачитывались биографии и рекомендации предлагаемых кандидатов (в академики были выдвинуты Б.Н. Пономарев, Л.Ф. Ильичев, в член-корреспонденты – Л.В. Черепнин, Д.М. Кукин, А.Л. Сидоров). Все кандидатуры принимались единогласным голосованием¹.

Когда заседание уже могло считаться завершенным, В.М. Хвостов обратился к аудитории с вопросом, есть ли желающие выступить. Внезапно слово берет некий А.Ф. Смирнов: «От имени коллектива Сектора по написанию многотомной истории СССР я позволю себе предложить вниманию Ученого Совета кандидатуры доктора исторических наук А.В. Фадеева и А.А. Зимина». От обстоятельной

---

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 483. Л. 1–31.

характеристики названных им лиц он отказался, ссылаясь на то, что каждый из них являлся автором известных, «капитальных» научных монографий и, таким образом, уже зарекомендовали себя сами. Кроме того, указанные им ученые «являются основными работниками нашего Сектора, на которых возложена такая ответственная работа, как подготовка многотомной истории»². В целом вся речь А.Ф. Смирнова уместилась в рамки трех предложений. Присутствовавший на заседании А.В. Фадеев попросил снять его кандидатуру, но члены Совета не поддержали самоотвод. Желающих обсудить новые кандидатуры более не оказалось. А.В. Фадеев был принят единогласно при одном воздержавшемся, А.А. Зимин – при четырех воздержавшихся³.

Выдвижение А.А. Зимины, таким образом, выглядит курьезом, неожиданностью, изначально в планы организаторов заседания не входившей. Неизвестно, присутствовал ли на этом заседании сам А.А. Зимин. Остается очень много нерешенных вопросов, для ответа на которые мы не располагаем данными источников

Вероятно, не ожидал такого развития событий и сам А.А. Зимин. В своем письме к М.Н. Тихомирову, датированном 21 мая 1962 г., он пишет: «То, что произошло в четверг, для меня было громом среди ясного неба. Я конечно, сознаю, что совершенно недостоин этой большой чести, что есть очень много других серьезных ученых, которые уже давно должны были удостоиться признания – но что я могу сделать?!»⁴. В том же письме он сообщал, что свои отзывы о его научных трудах уже согласились дать такие фигуры, как член-корреспондент АН СССР А.В. Арциховский⁵ и академик Б.А. Рыбаков⁶. Вместе с отзывом М.Н. Тихомирова они сохранились в его личном деле.

---

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 32.

⁴ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 248. Л. 6.

⁵ О жизни и деятельности А.В. Арциховского см.: Янин В.Л. Историк, вооруженный лопатой: к 100-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР А.В. Арциховского // Вестник Российской Академии наук. 2002. Т. 71. № 12. С. 1093–1106; Щапова Ю.Л. А.В. Арциховский во главе кафедры археологии исторического факультета МГУ // Российская археология. 2002. № 4. С. 12–19.

⁶ О жизни и деятельности Б.А. Рыбакова см.: Дмитриев С.С., Макарова Т.И., Плетнева С.А. К восьмидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 223–227; Макарова Т.И. Памяти Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001) // Российская археология. 2002. № 3. С. 185–187.

М.Н. Тихомиров отзыв начал с признания многогранности творчества своего ученика: «Труды А.А. Зимина многочисленны и разнообразны по тематике. В основном тов. Зимин работает по истории России XIII–XVI века»⁷. Отметил он археографическую деятельность ученого, участие его в создании учебно-методической литературы для высших учебных заведений, организаторскую деятельность в составе академических учреждений, преподавание в МГИАИ («имеет уже несколько учеников, бывших его аспирантов, которые успешно защитили кандидатские диссертации»⁸). Из всего этого М.Н. Тихомиров делал вывод: «Александр Александрович Зимин – человек еще молодой, но уже много сделал для исторической науки. Его избрание в член-корреспонденты АН СССР отвечало бы задаче омоложения наших кадров»⁹.

А.В. Арциховский, начав с упоминания о многочисленности печатных работ историка, утверждал, что «для них характерны блестящая исследовательская методика, стройность аргументации, безупречное использование разнородных источников»¹⁰. Основной круг научных интересов ученого, весьма широко трактованный М.Н. Тихомировым, А.В. Арциховский сузил до изучения «развития Русского национального государства в XV–XVI вв.». В результате своих научных изысканий, считал А.В. Арциховский, он создал «цельную марксистскую концепцию истории начального этапа Русского централизованного государства, во всех своих звеньях опирающуюся на колоссальный фундамент критически проверенных фактов»¹¹. В финале вновь подчеркивалось, что несмотря на свою молодость А.А. Зимин достоин претендовать на пост член-корреспондента АН СССР.

Б.А. Рыбаков свой отзыв полностью выстроил вокруг научных трудов историка. Он был единственным, кто отметил изыскания А.А. Зимина по истории Киевской Руси, хотя, следует отметить, его собственные воззрения резко расходились со взглядами ученика и последователя С.В. Бахрушина. Впрочем, по словам

⁷ НА ИРИ РАН. Ф. Институт истории. Отдел кадров. Индекс 350. 1. 3. 101. Личные дела сотрудников. Зимин А.А. Л. 67.

⁸ Там же. Л. 68.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 69.

¹¹ Там же.

академика, «главной темой научной жизни А.А. Зимина является изучение истории России в XVI в.». Вновь отмечалось, что «точность и тщательность источниковедческого анализа сочетаются в работе А.А. Зимина с широтой построения и оригинальностью концепций»¹². Заключение содержит однотипное заявление о том, что А.А. Зимин молод, но несмотря на это уже имеет достаточно заслуг, чтобы претендовать на пост член-корреспондента АН СССР.

В целом А.А. Зимин в этих характеристиках представляется энергичным, чрезвычайно работоспособным ученым, имеющим большое число научных публикаций. Подчеркивался широкий охват его научных интересов, значимость концептуальных построений историка для развития исторической науки. Помимо собственно научной деятельности он активно занимается организационной работой и воспитанием нового поколения исследователей. Вероятно, авторы отзывов полагали, что «юный» (42 года) возраст кандидата может оказать отталкивающее впечатление, но этот факт они предложили трактовать в пользу А.А. Зимина – как лишнее подтверждение его работоспособности. Шансы А.А. Зимина занять этот пост были достаточно высоки. Впрочем, само по себе это не могло гарантировать избрание ученого – у него были весьма сильные соперники (уже упоминавшиеся Л.В. Черепнин, А.Л. Сидоров).

«Слово о полку Игореве»: традиционные представления и концепция А.А. Зимина. В том же 1962 г. в свет вышла коллективная монография «"Слово о полку Игореве" – памятник XII в.»¹³, ставшая толчком для собственных изысканий А.А. Зимина.

Традиционно (с начала XX в.) составление «Слова о полку Игореве» отечественные ученые относили к концу XII в. (обычно называли 1185 или 1187 гг.). Однако эта датировка утверждалась в науке с большим трудом. Практически сразу после публикации этого памятника представители «скептической школы» высказали сомнения в его подлинности. Ситуация изменилась после обнаружения «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Более поздние по своему про-

¹² Там же. Л. 73.

¹³ «Слово о полку Игореве» - памятник XII века / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1962.

исхождению, они имели большое число текстуальных совпадений со «Словом». Ученые интерпретировали это как свидетельство того, что «Слово» являлось источником, использованным при их написании, что и стало главным аргументом в пользу его древности. В советское время тезис о древнерусском происхождении поэмы окончательно утвердился. Это, однако, не означало, что все ученые признали вышеупомянутую датировку. Весьма скептически к ней относились Р.Ю. Виппер, М.И. Успенский, В.В. Виноградов, однако никто из них в печати свои сомнения не озвучил¹⁴.

Во второй половине 1930 – начале 1940-х гг. со своей версией датировки выступил французский славист А. Мазон¹⁵. Он «перевернул» общепринятую схему, выдвинув идею о вторичности «Слова» по отношению к «Задонщине». Версия А. Мазона с некоторым опозданием подверглась резкой критике. Выход в 1962 г. вышеуказанного сборника являлся финалом «антимазоновской кампании».

А.А. Зимин ознакомился со сборником. С критикой А. Мазона он согласился, однако обоснование традиционной датировки счел малоосновательным. В частном порядке он начинает самостоятельное изучение этого литературного памятника.

Выводы, к которым А.А. Зимин пришел, оказались нетривиальны для советской исторической науки. Как и для А. Мазона, центральной проблемой в его рассуждениях стали генеалогические связи «Задонщины» и «Слова». Все известные списки «Задонщины» историк вслед за чешским славистом Я. Фрчком¹⁶ разделил на две редакции – Краткую и Пространную. Их тщательное сопоставление по многим параметрам привело ученого к мысли о первичности Краткой и вторичности Пространной редакции. Первая редакция, по А.А. Зимину, была записана¹⁷ в 70–е гг. XV в., появление Пространной он отнес к 20–30-м гг. XVI в.

¹⁴Пожалуй, наиболее обстоятельный обзор скептических точек зрения о времени происхождения «Слова о полку Игореве» принадлежит самому же А.А. Зимину, см.: Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 386–431.

¹⁵К сожалению, нам известна лишь одна статья на русском языке, посвященная творчеству этого ученого, см.: Будаев Э.В., Филатова К.Л., Чудинов А.П. У истоков лингвистической советологии: Андре Мазон о языке русской революции // Политическая лингвистика. 2009. № 2(28). С. 146–147.

¹⁶Данилов В.В. Чешский славист Ян Фрчек // Труды Отдела древнерусской литературы. М.:Л., 1956. Т. XII. С. 642–644.

¹⁷Вслед за филологом А.И. Никифоровым историк принял версию об устном происхождении Краткой Задонщины, что уже само по себе означало ее первичность по отношению к Пространной редакции. О жизни и творчестве А.И.

После этого А.А. Зимин сопоставил «Слово» с обеими редакциями этой воинской повести. Его анализ показал, что более всего текстологических совпадений наблюдается с Пространной «Задонщиной». В то же время эти совпадения, сближавшие «Слово» именно с Пространной редакцией, были незначительны, совпадали с индивидуальными чтениями списков. Следовательно, рассуждал историк, их появление нельзя объяснить вторичным обращением к «Слову» при переработке изначального варианта «Задонщины». Единственным объяснением тому могло быть лишь признание Пространной «Задонщины» одним из источников для составления «Слова», следовательно, «древнерусская» поэма возникла не ранее начала XVI в.

Помимо того А.А. Зимин критически разобрал большую часть существовавших аргументов в пользу древности «Слова». Так, многие считали странные переходы в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря результатом влияния «Слова». А.А. Зимин показал, что это – всего лишь следствие компилятивного характера самой летописи, текстологическое их сопоставление показало, что общие места у них отсутствуют. Более того, почти весь набор фактических сведений о Руси XII в. в «Слове» либо взят из Ипатьевской летописи (за исключением некоторых заимствований, по А.А. Зимину восходящих к Кеннигсбергской летописи), либо является результатом их переосмысления, как правило, неудачного. Ориентализмы «Слова», показал историк, имели хождение и в сравнительно позднее время (XVI – XVIII вв.), часть перешла в поэму из «Задонщины», некоторые просто не представляется возможности датировать. Тмутараканский камень и приписку к Псковскому апостолу 1304 г. ученый рассматривал как искусно сделанные подделки.

Более гипотетичными были его рассуждения по поводу автора и времени составления «Слова». Никоновская и Кенигсбергская летопись (по А.А. Зимину, они являлись материалами для составления подделки) вышли в свет 1767 г. Это позволило ему датировать поэму 1767–1800 г. (последняя дата – год ее публика-

ции). «Перебор» людей, так или иначе причастных к обнаружению поэмы, привел его к фигуре архимандрита Иоиля Быковского. Изначально, согласно А.А. Зимину, произведение было создано как стилизация, однако Иоиль отказался от ее публикации. После смерти Иоиля Быковского А.И. Мусин-Пушкин, ставший владельцем рукописи, предпринял ряд подлогов, призванных подтвердить ее подлинность, и обнародовал «Слово» как памятник древнерусской литературы¹⁸.

По-видимому, историк осознавал малообоснованность своих построений об авторе и времени написания произведения, открыто именуя их рабочей гипотезой. В то же время сохранившиеся источники личного происхождения указывают на то, что историк искренне верил в правоту собственных соображений. Так, после предпринятой им поездки в Киев он показывал своим знакомым обнаруженный им в одном из архивных дел локон волос, уверяя всех, что он принадлежал Иоиллю Быковскому. Окружающим казалось, что в самом наличии локона ученый видел подтверждение своей правоты¹⁹.

«Источниковедение системы систем». С процессом работы над этой монографией А.А. Зимин в воспоминаниях связывал серьезные изменения в своих источниковедческих, а, по сути, и теоретико-методологических установках. Именно в «Слове о полку Игореве», считал историк, он перешел от «источниковедения системы фактов» к «источниковедению системы систем»²⁰.

Для того, чтобы уяснить сущность этого перехода, следует обратиться к одной из вышедших в 1969 г. статей, в которой А.А. Зимин наиболее полно раскрывает свое понимание теоретических основ источниковедения²¹. Согласно историку, отечественное источниковедение в ходе своего развития выработало три основных подхода к источникам. Так, ученые XVIII – начала XIX вв. в фокус сво-

¹⁸ Зимин А.А. Слово о полку Игореве. (Источники. Время создания. Автор). М., 1964. Ч. 1–3. В библиотеки эта книга не поступала, практически весь тираж был уничтожен. Нами были использованы экземпляры, сохранившиеся в архиве РАН (см.: АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 233, 234, 235.)

¹⁹ См., напр.: Поляков Ю.А. Дискуссия не судилище // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 607–608.

²⁰ Зимин А.А. Обретение свободы // Родина. 1990. №8. С. 89. Как нам представляется, ученый в силу связанных с книгой сильнейших эмоциональных переживаний несколько преувеличил ее значение в вызревании идеи «источниковедения системы систем», см.: Базанов М.А. Дипломатика в научном творчестве А.А. Зимина // Труды кафедры Новейшей истории России Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. Т. 5. С. 104–113.

²¹ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения древней Руси // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 427–449.

его внимания помещали один источник, который ими «рассматривался по возможности всесторонне». Основным критерием оценки его достоверности источника стал «рационалистический метод», фактически, соображения здравого смысла. Подобный подход А.А. Зимин именовал «источниковедением факта».

Перелом в развитии источниковедения историк связывал с работами А.А. Шахматова²², впервые заявившего о необходимости изучения не отдельных источниковых фактов, но их системы. В результате «объяснение конкретного факта зависело не от него самого, а от того, в какую систему он входил. Так, если большинство фактов объяснялось убедительно одной какой-нибудь гипотезой, то и в истолковании остальных фактов Шахматов опирается именно на эту гипотезу». Основным способом критики источников стал логико-смысловой анализ текста. Данный подход А.А. Зимин именовал «источниковедением системы фактов»²³.

По мнению ученого оба подхода имели два серьезных методологических изъяна. Во-первых, они не учитывали различие между сознанием исследователя и образом мышления создателя источника, модернизируя его. Во-вторых, они не могли устранить субъективизм исследователя, строящего гипотезы исходя из своего понимания того или иного текста источника.

Выход был найден советскими учеными. «Согласно новому подходу», конечно же «основанному на марксистском понимании исторического процесса, они (источники – М.Б.) сами по себе являются фактами истории, и их появление обусловлено социальными, политическими, идеологическими условиями эпохи»²⁴. Источник изначально создается с целью воздействовать на окружающую действительность (в данном утверждении А.А. Зимин явно шел вслед за неокантианцем А.С. Лаппо-Данилевским, хотя и не манифестировал открыто эту связь по вполне

²² К «источниковедению системы фактов» А.А. Зимин относил и работу А.С. Лаппо-Данилевского по дипломатике. Однако последнего историк упрекал в преувеличенном внимании к форме документа, превратившуюся у него в некую вневременную реальность.

²³ Там же. С. 429, 432. В этой связи остается лишь констатировать вслед за В.Г. Вовиной-Лебедевой, что идейное наследие А.А. Шахматова чрезвычайно неоднородно было усвоено советскими учеными. Историки восприняли его сравнительно-исторический метод изучения летописных сводов, пройдя мимо того факта, что многие из своих доводов А.А. Шахматов делал исключительно из анализа одного отдельно взятого текста, не прибегая при этом к иным источникам. См. напр.: Вовина-Лебедева В.Г. К истории больших школ: школа М.Д. Приселкова // Исторические записки. 2010. Т. 13(131) С. 409–451.

²⁴ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения... С. 435.

понятным соображениям идеологического плана). Из этого следовал вывод о синтетическом характере источника, так как «он является результатом взаимодействия различных аспектов деятельности и воззрений человека»²⁵. А уже из этого вытекал тезис о необходимости многоаспектного анализа источника. Так появляется «источниковедение системы систем», построенного на изучении максимально возможного числа источников с привлечением максимально возможного набора исследовательских методик.

Концепция «источниковедения системы систем» А.А. Зимина весьма многое говорит не только о его источниковедческих представлениях, но и самих теоретико-методологических основах творчества историка. Ключевым для него стал принцип системности, доведенный до своего логического завершения. В этих методологических поисках он не был одинок, в 1960-е гг. многие из его коллег, в частности сотрудники Сектора методологии истории ИИ АН СССР, обращались к системному подходу. Однако вскоре эти поиски были свернуты по инициативе партийного руководства, так как грозили выходом за пределы марксистской методологии²⁶. Примечателен тот факт, что говоря о синкретичности источника, А.А. Зимин так и не сказал, влияние какой из сфер жизни общества на его формирование он считает решающим. Фактор классовой борьбы, таким образом, не играл, по историку, главенствующую роль при создании источника. О явном родстве некоторых из выдвинутых им идей с построениями неокантианца А.С. Лаппо-Данилевского уже было сказано выше. Весьма характерен и тот факт, что современные историографы неоднократно подчеркивают схожесть теоретико-методологических воззрений А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Шахматова, чьим продолжателем манифестировал себя А.А. Зимин²⁷.

²⁵ Там же. С. 436.

²⁶ См.: Юдельсон А. Методологические поиски советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время историографической оттепели // *Образы историографии: Сб. статей*. М., 2001. С. 147–172. О судьбе Сектора методологии истории ИИ АН СССР см.: Неретина С. История с методологией, или Конец истории // *Аутсайдер. Человек вопроса. Век XX и мир*. 1996. № 1. С. 120–161.

²⁷ Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // *Советская историография*. М., 1996. С. 47; Она же. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С. 114–115, 120, 179; Ляховицкий Е.А. О методике изучения летописного текста в работах А.А. Шахматова // *Университетский историк. Альманах*. СПб., 2010. Вып. 7. С. 448–455; Добровольский Д.А. В чем состоял «метод Шахматова» // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века: Материалы международной конференции*. М., 2011. С. 116–118.

В столь завершенном виде свои источниковедческие воззрения А.А. Зимин обнаружит спустя пять лет после выхода в свет дискуссии о «Слове». Однако на уровне применяемых в книге методик вполне возможно говорить о реализации в ней «источниковедения системы систем». Так, например, привычный логически-смысловой анализ текста в текстологических сопоставлениях дополнился жанровым и стилистическим их разбором. «Слово» было исследовано А.А. Зиминим с самых различных сторон и точек зрения, были подключены приемы исследования текстологии, филологии, литературоведения, лингвистики, использованы данные этнографии, произведен поиск анахронизмов, задействовали даже приемы статистического исследования.

Скандал в Пушкинском доме и его последствия: предыстория обсуждения монографии. Л.Н. Пушкарев утверждает, что уже осенью 1962 г. А.А. Зимин ознакомил его и В.Т. Пашуто²⁸ со своими идеями о первичности Пространной «Задонщины», что, безусловно, было основой всех последующих построений историка²⁹. Однако неясно, существовали ли на тот момент иные элементы его концепции. В озвученном нами выше варианте концепция А.А. Зимина «созрела» к середине января 1963 г.³⁰

Первоначально историк не стремился к публичному обнаружению своих изысканий, ознакомив с ними лишь весьма узкий круг своих знакомых (уже упоминавшиеся В.И. Малышев, В.Т. Пашуто, Л.Н. Пушкарев, вероятно, С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич³¹). В письме к В.И. Малышеву, относящемся к середине 1963 г., он пишет: «... работы еще лет на пять. Решать надо солидно и наповал»³². Однако вскоре его позиция серьезно меняется. В середине февраля того же года

²⁸ О В.Т. Пашуто см.: Мельникова Е.А. Владимир Терентьевич Пашуто (1918–1983) // *Историки России: послевоенное поколение*. М., 2000. С. 177–184; Новосельцев А.П. Владимир Терентьевич Пашуто // *Портреты историков: Время и судьбы*. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 393–402.

²⁹ Пушкарев Л.Н. Рец. на: Зимин А.А. «Слово о полку Игореве». СПб., 2006 // *Вопросы истории*. 2007. № 11. С. 164.

³⁰ Именно так Л.В. Соколова датирует письмо А.А. Зимина к В.И. Малышеву, в котором в целом, согласно ней, были изложены основные положения книги (см.: Соколова Л.В. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» // *История спора о подлинности «Слова о полку Игореве» / вступ. Ст., подг. Текста и коммент. Л.В. Соколова*. СПб., 2010. С. 17.). К сожалению, у нас нет возможности ознакомиться с самим текстом письма для того, чтобы убедиться в истинности суждения Л.В. Соколовой.

³¹ См.: Базанов М.А. *Предыстория обсуждения «Слова о полку Игореве»: опыт реконструкции событий* // *Мир историка: историографический сборник / под. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова*. Вып. 7. Омск., 2011. С. 305–306.

³² Цит. по: Соколова Л.В. К истории спора... С. 17.

А.А. Зимин в личном письме к Д.С. Лихачеву просит поставить на ближайшее заседание Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР свой доклад «К изучению “Слова о полку Игореве”», при этом не раскрывая его основных тезисов³³.

Объясняя мотивы своего открытого выступления, А.А. Зимин в мемуарах напишет: «Надоела брехня!»³⁴. Безусловно, существование в условиях постоянного цензурирования научных трудов, в том числе вынужденная самоцензура, попытки встроить свои построения в рамки уже утвердившихся историографических построений должны были вызвать у такого эмоционального человека, как А.А. Зимин, нервное напряжение, которое, в свою очередь, вело его к «взрыву». Однако не стоит и «героизировать» ученого, представляя его в качестве своего рода «диссидента», высказавшего свое мнение без надежды на понимание. А.А. Зимин, судя по его письмам, искренне рассчитывал на то, что его построения будут восприняты хотя бы частью научного сообщества³⁵. Надежды были не безосновательны. Социокультурная атмосфера «оттепели»³⁶ способствовала начинаниям ученого. По-видимому, свою роль сыграло и выдвижение А.А. Зими́на кандидатом в член-корреспонденты АН СССР. Вполне вероятно, что признание научного сообщества внушало историку необходимую уверенность в себе.

³³ К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (из переписки академика Д.С. Лихачева) // Русская литература. 1994. № 1. С. 233. На наш взгляд, следовало бы поставить под сомнение неосведомленность Д.С. Лихачева об основных выводах доклада А.А. Зими́на. В некоторых из эпистолярных источников сохранились намеки на то, что руководитель Сектора если и точно не знал, то мог приблизительно догадываться о содержании будущего выступления историка (см.: Базанов М.А. Предыстория обсуждения... С. 306–307). Впрочем, у нас в настоящий момент нет надежных источниковых свидетельств, подтверждающих данное предположение.

³⁴ Зимин А.А. Обретение свободы // Родина. 1990. № 8. С. 88.

³⁵ Например, в своем письме к Д.С. Лихачеву от 21 августа 1963 г. он написал: «Меня очень тронуло Ваше обращение ко мне, как к “ересиарху”. ... Дорогой Дмитрий Сергеевич! Ваше положение как последнего подвижника правоверия много сложнее. Ведь “Слово о полку Игореве” не объект веры, а предмет науки. А так как я глубоко убежден, что Вы замечательный ученый, то мне остается надеяться на Вашу добрую волю и здравый разум: ведь вопрос о “Слове о полку Игореве”, скажу Вам откровенно, но по секрету, по-моему решен, и решен окончательно» (К истории спора... // Русская литература. 1994. № 2. С. 259.) О том же свидетельствуют и его строчки из письма В.И. Малышеву, относимого Л.В. Соколовой к декабрю 1962 г.: «Сейчас заканчиваю тему “Слово-Задонщина-Сказание”. Конечный вывод Вам, надеюсь, ясен – он совершенно не двусочлен. Просто приходится “диву” даваться упорству консерваторов!» (цит. По: Соколова Л.В. К истории спора... С. 17).

³⁶ О феномене «оттепели» см.: Паперный В.З. Культура Два. М., 1997; Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 79–83; Она же. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М., 2001; Кондаков И.В., Брусиловская Л.Б. Ночь «Третьего Рима»: кризис цивилизационной идентичности России XX века // Вестник УдГУ. Сер. Искусствоведение и культурология. 2006. № 12. С. 39–58; Тюпа В.И. Кризис советской идентичности в 1960-е годы // Социокультурный феномен шестидесятилетия / под ред. В.И. Тюпа, О.В. Федулina. М., 2008. С. 17–27. О влиянии «оттепели» на историческую науку см.: Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: Опыт середины 50-60-х гг. // Россия в XX веке: Судьба исторической науки. М., 1996. С. 705–710; Она же. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997.

Наиболее рациональной линией поведения для А.А. Зими́на на тот момент выглядела бы выжидающая позиция. Так, согласно воспоминаниям А.Л. Хорошкевич, она и С.М. Каштанов просили А.А. Зими́на повременить с обнародованием своих изысканий до избрания его в АН СССР³⁷ Напротив, историк внезапно развивает весьма активную деятельность.

От обстоятельного рассмотрения закрытого заседания Отделения истории АН СССР с обсуждением книги А.А. Зими́на, как и его предыстории, диссертант вынужден отказаться, дабы не увеличивать объема диссертации. В литературе уже существуют работы, в которых весьма скрупулезно восстановлены события, связанные с дискуссией о «Слове о полку Игореве», в том числе и наша статья³⁸, что освобождает диссертанта от необходимости воспроизводить все свои изыскания. Остановимся лишь на отдельных, наиболее важных, с нашей точки зрения, моментах дискуссии.

Впервые публично свои построения А.А. Зимин озвучил 27 февраля 1963 г. на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. В целом реакция научного сообщества была весьма сдержанной. В прениях после доклада приняло участие восемь человек. Поддержку А.А. Зимину высказали лишь трое из них (С.Н. Азбелев, Я.С. Лурье, Г.Н. Моисеева), при этом ни один из них не выказал полного согласия с построениями ученого. С критикой выступили Л.А. Дмитриев, О.В. Творогов, Д.Н. Альшиц, Л.С. Ковтун, И.П. Еремин. На заседании отсутствовали такие сотрудники Сектора, как Д.С. Лихачев и В.П. Адрианова-Перетц, которые в данной ситуации также присоединились бы к критикам историка. Все выступавшие, как правило, касались лишь отдельных замечаний, не предпринимая попыток опровергнуть основной массив аргументации ученого. А.А. Зимин расценил это как свидетельство убедительности своих идей. Однако следует учесть, что построения ученого были чрезвычайно сложны, и восприни-

³⁷ См.: Хорошкевич А.Л. Феномен Зими́на или подранок Октября [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4/> (последнее обращение - 14.05.2013)

³⁸ См.: Формозов А.А. А.А. Зимин. Слово о полку Игореве [вступ. статья]. С. 96–102; Соколова Л.В. К истории спора... С. 11–126; Базанов М.А. Предыстория обсуждения... С. 301–329.

мать их на слух (заранее тезисы своего доклада по вполне ясным причинам А.А. Зимин не предоставил) было трудно³⁹.

Выступление дало старт борьбе за обнародование научных изысканий историка. По прибытии в Москву А.А. Зимин поставил перед начальством вопрос о публикации своей работы. Руководство Института истории АН СССР ответило на это лишь предложением обнародовать тезисы выступления объемом в три страницы в журнале «Вопросы истории» вместе с опровергающей их обстоятельной статьей М.Н. Тихомирова. А.А. Зимин отказался от этого предложения, увидев в этом попытку «похоронить» свое исследование. Одновременно в Ленинграде под негласным «вето» на публикацию руководителя Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР Д.С. Лихачева оказался отчет о заседании, на котором выступал историк⁴⁰.

Однако механизм дискуссии оказался запущен. В среде отечественной и, что очень важно, зарубежной научной общественности начали распространяться слухи об исследовании А.А. Зими́на. К Д.С. Лихачеву поступали многочисленные письма от коллег из ГДР, Великобритании, Швейцарии с просьбами осветить ситуацию с изучением «Слова о полку Игореве» в СССР⁴¹. Кроме того, в сентябре того же года в Софии планировалось провести международный съезд славистов, где иностранными учеными мог быть поднят вопрос о ненапечатанной работе А.А. Зими́на. В то же время ее обнародование не только ставило под удар научный капитал большинства советских специалистов по древнерусской истории и литературе, но и, в соответствии с представлениями того времени, негативным образом отражалось на культурно-национальном престиже СССР.

³⁹ О ходе и результатах этого заседания мы имеем возможность судить на основании составленного Л.А. Дмитриевым отчета. См.: Дмитриев Л.А. Отчет о заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 27 февраля 1963 г. // История спора о подлинности... С. 129–142. (первая публикация: Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. LVI. С. 412–420.). Однако необходимо отметить, что помимо самого Л.А. Дмитриева в его написании участвовали и иные лица (в том числе и Д.С. Лихачев). Кроме того, отчет неоднократно переделывался. По нашим соображениям, существовало как минимум четыре его варианта, возможно, были составлены еще две его редакции (см.: Базанов М.А. Предыстория обсуждения... С. 316–320). Дошедший до нас текст является его четвертой редакцией.

⁴⁰ См.: Зими́на В.Г. К читателю // Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 3–4; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. LVI. С. 394.

⁴¹ К истории спора... // Русская литература. 1994. № 2. С. 234, 236–247.

Принимать решение в одностороннем порядке ученые не могли. Выход был предложен высшим партийным руководством, а именно заместителем начальника Идеологического отдела ЦК КПСС И.И. Удальцовым. Последний, стоит отметить, являлся старым университетским приятелем А.А. Зими́на, что, возможно, отразилось на его позиции. Согласно письму А.Н. Робинсона, 9 мая 1963 г. он, в ходе совещания с учеными по поводу утверждения состава советской делегации на V международный съезд славистов, озвучил свое распоряжение провести небольшое закрытое совещание специалистов, для чего предлагал отпечатать исследование историка тиражом в 10-20 экземпляров. Исходя из его результатов, естественно, в дальнейшем бы решался вопрос об обнародовании книги. При этом И.И. Удальцов в разговоре подчеркнул, что «автор (А.А. Зимин – М.Б.) честный и принципиальный ученый, который увлекся темой, не отдавая себе отчета о последствиях»⁴².

Позиция партийной верхушки, таким образом, также не являлась однозначной. Прежде чем принять собственное решение, они пожелали обратиться за своего рода консультацией к специалистам. Д.С. Лихачев же возвращается к идее об обнародовании отчета о скандальном заседании⁴³.

Все дальнейшие события так или иначе связаны с подготовкой к обсуждению работы А.А. Зими́на. План проведения этого обсуждения отнюдь не был задан изначально. В целом существовало два основных его сценария. Первый, на котором настаивало руководство АН СССР, предполагал закрытое обсуждение с привлечением узкого числа специалистов. Научная общественность, в первую очередь А.А. Зимин и его главный оппонент Д.С. Лихачев желали видеть его открытым с привлечением широкого круга ученых. В результате консультаций был выработан компромиссный вариант – закрытое обсуждение с весьма обстоятельно пополненным списком участников. Для А.А. Зими́на он стал наихудшим из возможных – из 100 человек ему было разрешено пригласить лишь 20. Список согласовывался с такими учеными, как Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков. Первый в своих письмах открыто критиковал изначально закладывавшийся в них принцип «рав-

---

⁴² Там же. С. 248.

⁴³ Спор о подлинности... С. 389.

новесия сторон», а рекомендуемые им специалисты почти все придерживались традиционной датировки «Слова». Судя по составу выступавших в ходе обсуждения, рекомендации Д.С. Лихачева были приняты во внимание.

Когда в начале июля 1963 г. А.А. Зимин сдал рукопись своей работы, было принято решение до проведения обсуждения публично не поднимать вопрос о происхождении «Слова». В связи с этим пришлось отказаться от обнародования уже утвержденного отчета о заседании Сектора 27 февраля 1963 г., а из плана редподготовки РИСО АН СССР была изъята коллективная монография, посвященная обоснованию традиционной датировки поэмы. В феврале 1964 г. Д.С. Лихачев, руководствуясь своими соображениями о необходимости публичной полемики со скептиками, смог убедить руководство АН СССР в необходимости издания работ историка в составе сборника с опровергающими ее статьями. Однако очень скоро, вероятнее всего, под нажимом Идеологического отдела, от этого плана отказались⁴⁴.

Главными оппонентами историка стали Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков. О действиях второго нам мало что известно, первый, судя по опубликованным эпистолярным источникам⁴⁵, координировал деятельность ленинградских и московских специалистов-литературоведов, принимал самое активное участие в формулировке организационных основ обсуждения (например, именно он предложил лишить А.А. Зими́на вступительного слова, давал Б.А. Рыбакову советы о порядке выступления оппонентов историка на дискуссии и т.д.). Резко отрицательно отнесся к работе историка М.Н. Тихомиров. Сохранилась его небольшая дневниковая запись на оборотной стороне листа из перекидного календаря (лист от 4 марта 1963 г.), в котором зафиксирована следующая реакция академика: «Что это (заявление А.А. Зими́на о позднем происхождении «Слова» - М.Б.) лицемерное нахальство или сумасшествие? Из дальнейшего становится ясно, что то и другое соединилось в одном лице»⁴⁶. Л.Н. Пушкарев со слов А.А. Зими́на в своих воспоми-

⁴⁴ Базанов М.А. Предыстория обсуждения... С. 315–328.

⁴⁵ См.: К истории спора... // Русская литература. 1994. № 2. С. 219–220, 222–228.

⁴⁶ АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 10. Л. 1.

нениях пишет, что М.Н. Тихомиров назвал рукопись историка «плевком в икону Богородицы»⁴⁷.

Однако большинство знакомых А.А. Зимина, не согласившихся с научными построениями ученого, отнюдь не стремились порвать с ним личные взаимоотношения. Так выглядела позиция Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто, Л.Н. Пушкарева, Л.А. Дмитриева. Я.С. Лурье, скорее всего, не разделял идеи историка, однако считал его текстологические построения обстоятельно аргументированными и представляющими большой научный интерес.

Были и те, кто поддержал А.А. Зимина. Так, с большой долей скепсиса к «Слову» относился академик В.В. Виноградов⁴⁸. В одной из своих статей, вышедших уже после дискуссии, он датирует поэму XII–XVI вв.⁴⁹. В.В. Виноградов неоднократно принимал А.А. Зимина дома, консультировал его по интересующим вопросам. Вероятно, выступление В.В. Виноградова могло бы серьезно изменить расстановку сил, но он предпочел от участия в обсуждении уклониться. Разделяли скептический взгляд на «Слово» А.И. Клибанов, В.Б. Кобрин, С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич, В.И. Малышев, А.Н. Насонов.

Большинство же крупных ученых, «доминирующие» оказалась на стороне оппонентов А.А. Зимина, в то время как сторонники его, по большей части, являлись сравнительно молодыми, еще не набравшими «веса» в научной среде исследователями. В этом нет ничего странного – построения А.А. Зимина били по накопленному «доминирующими» научному капиталу, поэтому они были вынуждены защищаться, в то время как «молодежь», еще не накопившая его в должной мере, была более открыта новым идеям.

⁴⁷ Пушкарев Л.Н. А.А. Зимин (из воспоминаний) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения. С. 111. Несмотря на это «опальный» историк слал ему письма и телеграммы с поздравлениями к праздникам (См.: АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 248. Л. 9–12). По-видимому, на рубеже 1963–1964 гг. произошло их примирение (См.: Соколова Л.В. К истории дискуссии... С. 107).

⁴⁸ О жизни и творчестве В.В. Виноградова см.: Бельчиков Ю.А. Крупнейший филолог XX столетия: К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова // Русистика сегодня. 1994. № 3. С. 14–33; Кулешов В.И. Виктор Владимирович Виноградов // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 8. С. 150–157; Алпатов В. Академик Виноградов. Ученый и эпоха // Наш современник. 1998. № 11/12. С. 213–223.

⁴⁹ Виноградов В.В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3.

Закрытое обсуждение монографии: ход и итоги. Обсуждение неоднократно откладывалось в силу разного рода непредвиденных обстоятельств. Оно состоялось уже после съезда славистов, 4–6 мая 1964 г. В общей сложности было проведено пять заседаний (4 мая, утром 5 мая, вечером 5 мая, утром 6 мая, вечером 6 мая). Всего в обсуждении приняло участие 32 человека (они либо выступили лично, либо ограничились предоставлением письменных отзывов). Среди них такие крупные фигуры, как Н.К. Гудзий, Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, Я.С. Лурье, Л.А. Дмитриев, А.Л. Монгайт, О.В. Творогов, собственно сам А.А. Зимин. Одно это уже свидетельствует о том, что данное обсуждение являлось знаковым событием в развитии отечественной науки. В дальнейшем оно еще потребует скрупулезного, обстоятельного анализа историографов и науковедов.

Открывая первое заседание, Е.М. Жуков следующим образом пояснил цель закрытого собрания: «... мы ограничиваем задачу данного совещания рецензированием этой рукописи (монографии А.А. Зими́на – М.Б.)»⁵⁰. Такая постановка цели стала причиной того, что обсуждение книги было начато в отсутствие автора. Незадолго до начала заседания А.А. Зимин, вероятно, желая лучше подготовиться к дискуссии, сказался больным и попросил отложить его начало. С данной просьбой он обратился к Е.М. Жукову, В.В. Виноградову, Д.С. Лихачеву⁵¹ и Н.М. Дружинину⁵². Последний при открытии первого заседания предпринял попытку поставить на голосование вопрос о переносе обсуждения на неопределенный срок (до выздоровления А.А. Зими́на), правда, с условием того, что трибуна для выступления будет предоставлена иногородним специалистам. На это последовал ответ Е.М. Жукова: «Дело в том, что мы не участвуем в каком-либо выборном ор-

⁵⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 1а; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зими́на «Слово о полку Игореве» в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 г.: В 5 томах // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов. СПб., 2010. С. 148. В дальнейшем мы будем приводить ссылки как на первоисточник, так и на его публикацию. Следует отметить, что публикация стенограммы, осуществленная Л.В. Соколовой, страдает изъянами в оформлении научно-справочного аппарата. Воспроизведя стенограмму по ее правленому варианту, Л.В. Соколова сочла нужным лишь в «отдельных случаях» указать, «как был изменен или дополнен автором текст выступления при вычитке и правке стенограммы» (С. 146). При этом остается неясным, на основании каких критериев игнорируется правка, произведенная в выступлениях одних, и наоборот – тщательно отмечается правка, введенная другими. Как нам представляется, это придает публикации излишнюю тенденциозность, неприемлемую с точки зрения научной этики.

⁵¹ К истории... // Русская литература. 1994. № 3. С. 230.

⁵² АРАН. Ф. 1604 (Дружинин Н.М.). Оп. 4. Д. 432. Л. 3.

гане, а выполняем поручение вице-президента (АН СССР, на тот момент общественные науки курировал П.Н. Федосеев – М.Б.). Поэтому голосовать здесь нечего»⁵³. Собрание, таким образом, носило лишь консультативные функции и никаких решений о судьбе монографии А.А. Зимин принимать не имело право. Поняв безрезультативность своей уловки, А.А. Зимин явился на следующее заседание⁵⁴.

Несмотря на то, что окончательное решение об обнародовании исследования историка оставалось за руководством АН СССР (в реальности его будут принимать на уровне ЦК КПСС), участники обсуждения весьма активно выражали свое мнение по поводу публикации монографии историка.

Против публикации исследования напрямую не высказался ни один из участников дискуссии. Лишь из общего контекста выступлений можно сделать вывод, что против обнародования «Слова о полку Игореве» были настроены лишь Б.В. Сапунов и В.И. Стеллецкий.⁵⁵

Все остальные, затронувшие в своей речи вопрос об издании книги, были сторонниками публикации. Однако важно отметить, что весьма существенно рознилась мотивация, обоснование ее необходимости. Так, симпатизировавшие А.А. Зимину ученые указывали на большую научную ценность книги, считали, что ее обнародование поднимет широкомасштабную дискуссию, чем стимулирует появление новых исследований древнерусской литературы. Таковую позицию

⁵³ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 1г; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 151.

⁵⁴ См. выступление Б.А. Рыбакова: «Я очень рад. Что мне придется выступать сегодня, когда Александр Александрович выздоровел и я смогу сказать ему прямо в лицо то, что вчера пришлось бы говорить в его отсутствие» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 7. Л. 3а; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 251).

⁵⁵ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 123–125; АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 16. Л. 22–24; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 239–240, 399–401.

разделяли: С.Н. Азбелев⁵⁶, Я.С. Лурье⁵⁷, А.И. Клибанов⁵⁸, В.Б. Вилинбахов⁵⁹, В.Б. Кобрин⁶⁰, А.Т. Николаева⁶¹, А.Л. Монгайт⁶², В.Л. Янин⁶³.

Среди выступавших за публикацию монографии были и те, кто отрицал всякую ее научную ценность, видели в ней лишь цепь просчетов и ошибок. Наиболее лаконично их позицию сформулировал А.В. Арциховский: «... книга плохая, но печатать ее нужно»⁶⁴. Публикация работы мыслилась ими как единственный способ пресечь распространяющиеся слухи о построениях А.А. Зимины, возможность публично опровергнуть концепцию историка и восстановить подорванный авторитете советской науки⁶⁵.

Возникало явное противоречие. Для того, чтобы монография была опубликована, она должна была получить положительную оценку специалистов, которые, в свою очередь, желали видеть ее опубликованной лишь в качестве «мишени для битья», самой «слабостью» книги доказывающей необходимость ее обнародования. Судя по выступлениям А.Н. Робинсона и А.Л. Монгайта, ученые прекрасно осознавали вставшую перед ними проблему⁶⁶. Было озвучено несколько вариан-

⁵⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 34–37; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 330–332.

⁵⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 79–80, 95–96; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 367–368.

⁵⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 109–111; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 375–376.

⁵⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 16. Л. 4–5; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 399.

⁶⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 16. Л. 41; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 412.

⁶¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 46; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 465.

⁶² АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 32–34; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 485–486.

⁶³ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 43; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 492.

⁶⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 136; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 248.

⁶⁵ Наиболее обстоятельно эти соображения оказались раскрыты в выступлении Д.С. Лихачева, см.: АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 78–81; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 204–211. Характерна следующая фраза, произнесенная будущим академиком (на момент выступления – член-корреспондентом АН СССР): «... автор ее (рецензируемой книги, А.А. Зимин – М.Б.) вполне заслуживает того, чтобы все вопиющие недостатки его работы были выставлены на всеобщее обозрение» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 80–81; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 211).

⁶⁶ А.Н. Робинсон: «... с такой рецензией, разумеется, издательство Академии наук книгу печатать не станет» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 49.; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 359). А.Л. Монгайт: «... книгу Зимины, если говорить об этом серьезно, можно издавать лишь при том условии, что мы найдем в ней не только недостатки, но и достоинства» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 33; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 485).

тов выхода из создавшегося положения. Самый простой (внешне) состоял в том, что автор должен доработать и отредактировать свой труд с учетом сделанных ему замечаний (выступление А.П. Евгеньевой)⁶⁷. На практике это означало бы полностью отказаться от своих основных положений. Иной вариант был озвучен Д.С. Лихачевым: «Издание сочинений А.А. Зимины должно быть изданием автора, т.е. без марки Института истории АН СССР, пусть автор за него и отвечает»⁶⁸. Конечно, воплощение в жизнь такого варианта так же представляется маловероятным⁶⁹. Пожалуй, самым реалистичным предложением стала вновь реанимированная идея сборника, где исследование историка располагалось бы в окружении опровергающих его статей (А.Н. Робинсон⁷⁰, Л.А. Дмитриев⁷¹, Я.С. Лурье⁷²). Однако все указанные предложения не устраняли вышеуказанное противоречие, а лишь несколько смягчали его.

В целом дискуссия носила деидеологизированный характер. Некоторым исключением из правил прозвучали выступления Б.В. Сапунова и В.И. Стеллецкого, о чем уже говорилось выше. Большинство участников обсуждения их не поддержало. В подавляющем числе выступлений отсутствовали отсылки к трудам классиков марксизма-ленинизма. Смелым было заявление В.Б. Вилинбахова о том, что К. Маркс «никогда не был специалистом в области древнерусской истории, никогда себя таким специалистом не считал и не выдавал себя за такового», поэтому при решении вопроса о происхождении «Слова» «опираться... на авторитет Маркса лучше не стоит»⁷³. Однако этот выпад остался исключением из правил.

⁶⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 16. Л. 16; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 73–74.

⁶⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 81; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 211.

⁶⁹ С.Н. Азбелев, выступая на следующий день, ехидно заметил: «У нас, как известно, не существует частных типографий» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 37; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 332.) Видимо, именно в качестве своего рода ответа на это заявление Д.С. Лихачев вписал в свой текст после процитированной нами фразы: «У нас такие издания есть» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 81; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 211.)

⁷⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 50; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 339–340.

⁷¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 76; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 357.

⁷² АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 11. Л. 95–96; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 367–368.

⁷³ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 16. Л. 7; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 390. Видимо, именно эти слова побудили Е.М. Жукова в своей заключительной речи произнести: «Но исследо-

Одна из самых примечательных черт дискуссии – открытость любого из ее участников критике. Представители «доминирующих», носители большого запаса «научного капитала» вполне легко могли оказаться объектом критики своих менее авторитетных коллег. Это общее настроение ярче всего выразил в финале своего выступления А.Л. Монгайт: «Наука держится не на авторитете, и ученый волен подвергать сомнению любое утверждение, исправлять любые ошибки»⁷⁴. Установки «оттепели» на индивидуализм и активную жизненную позицию оказали большое влияние на ход обсуждения. К сожалению, оборотной стороной этого стало большое количество личных выпадов, а зачастую и откровенных оскорблений, прозвучавших в ходе заседания⁷⁵.

Участники обсуждения находились в нервном, «взвинченном» эмоциональном состоянии. Так, в неправомерно стенограмме сохранились следующие слова, с которых начал свое выступление Н.К. Гудзий: «Я очень сожалею, что среди нас не присутствует А.А. Зимин, не присутствует по болезни. Но я должен сказать, что и те, кто знакомился с его трудом, кто изучал его книгу, сами в значительной степени не только утомлены, но и подорвали свои силы. Я это могу сказать о себе. Мне те дефекты, сквозь которые приходилось пробиваться, читая книгу Александра Александровича, очень много стоят. Я также мог бы не явиться сегодня, потому что чувствую себя физически очень неважно. Думаю, что не я один мог бы пожаловаться на такое состояние но и многие другие, которым пришлось оторваться от своих обычных дел и заняться очень трудной работой изучением книги»⁷⁶. Сказывался и длительный процесс подготовки к обсуждению, в ходе кото-

---

вать «Слово» нужно не по Мазону, а по Марксу» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 161; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зиминой «Слово о полку Игореве»... С. 576).

⁷⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 34; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зиминой «Слово о полку Игореве»... С. 486.

⁷⁵ Так, даже Д.С. Лихачев, до начала обсуждения говоривший о необходимости «задать тон» «без грубостей» (К истории... // Русская литература. 1994. № 3. С. 227), в своей речи не обошелся без резких высказываний в адрес А.А. Зиминой. Чего стоит, например, такое его высказывание: «Весь текстологический анализ А.А. Зиминой – это нанайская борьба с самим собой» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 33-34; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зиминой «Слово о полку Игореве»... С. 175.). Не менее эмоциональным было и выступление самого А.А. Зиминой, решившего увещивать своих оппонентов: «Вероятно, Дмитрия Сергеевича (Лихачева – М.Б.) подвел гнев, который всегда дурной советник. ... Ах, Дмитрий Сергеевич, Дмитрий Сергеевич!» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 184; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зиминой «Слово о полку Игореве»... С. 522–523). Подобные высказывания присутствовали в речах почти всех участников обсуждения.

⁷⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 4. Л. 11. При правке стенограммы он скорректировал свое высказывание следующим образом: «Я очень сожалею, что среди нас не присутствует А.А. Зимин, не присутствует по болезни. Но я

рого неоднократно переносилась дата его начала. Наконец, «подливал масла в огонь» жесткий пропускной режим. Так, профессора С.И. Каткова, получившего приглашение, пытались задержать сотрудники Института истории, и он был вынужден обратиться к Е.М. Жукову за разрешением участвовать в дискуссии⁷⁷. В.Д. Кузьмина подготовила свой доклад вместе с Л.В. Крестининой, однако выступать была вынуждена одна, так как ее соавтора не пропустили в зал⁷⁸.

Центральным, безусловно, было выступление Д.С. Лихачева. От остальных оно отличалось как своей продолжительностью (два с половиной часа⁷⁹), так и охватом поставленных вопросов. Фактически Д.С. Лихачев предпринял попытку проанализировать и опровергнуть всю систему аргументации А.А. Зимины. Остальные подвергали критике лишь отдельные построения ученого.

На фоне 32 выступавших внушительно выделялись сотрудники Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР и связанные с ними лица, фактически возглавляемые Д.С. Лихачевым: Л.А. Дмитриев, О.В. Творогов, Ф.Я. Прийма, В.П. Адрианова-Перетц (передала свой письменный отзыв), Я.С. Лурье (единственный сотрудник Сектора, выступивший в защиту А.А. Зимины). Из Ленинграда приехал А.Н. Котляренко, работавший вузовским преподавателем, и А.П. Евгеньева, работавшая в Словарном секторе ЛО ИЯ АН СССР, что не мешало ей поддерживать тесные контакты с Сектором древнерусской литературы. Не менее представительны выглядят и группа сотрудников Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР: Н.К. Гудзий, В.Д. Кузьмина, И.Н. Голенищев-Кутузов, А.Н. Робинсон, О.А. Державина. Некоторые из них заранее согласовывали с Д.С. Лихачевым свои тексты выступлений (в личном архиве последнего со-

---

должен сказать, что те, кто знакомился с его рудом, кто изучал его книгу, сами очень утомлены, потратив много сил на то, чтобы одолеть громоздкую работу Александра Александровича с массой идущих и не идущих к делу ссылок, цитат, параллелей» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 2; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 154.).

⁷⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 1ж–1з; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 152–153.

⁷⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 4; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 270.

⁷⁹ См. слова А.Л. Монгайта: «... прежде всего в необходимости издания книги А.А. Зимины меня убеждает, 2,5 часовая речь Д.С. Лихачева...» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 33; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимины «Слово о полку Игореве»... С. 485).

хранились соответствующие письма Н.К. Гудзия и В.Д. Кузьминой)⁸⁰. От Института истории и Института археологии СССР выступали: А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, В.А. Кучкин, А.И. Клибанов, А.Л. Монгайт (последние двое - на стороне А.А. Зимина). Полагаем, что приведенные факты свидетельствуют высоком организационном единстве оппонентов А.А. Зимина, с большой степенью вероятности можно предположить активное использование «административного ресурса».

В защиту А.А. Зимина выступили лишь восемь человек, но напрямую с мнением историка не согласился ни один из них. Предпочитали говорить об «убедительности» и «обоснованности» аргументов ученого. Некоторым исключением прозвучали слова В.Б. Кобрин: «Знакомясь с работой А.А. Зимина о “Слове о полку Игореве”, я далеко не сразу и, прямо скажу, с сильной неохотой убеждался в правоте автора, подчиняясь логике его аргументации, системе его доказательств... Но постепенно я вынужден был внутренне сдавать одну позицию за другой»⁸¹.

В «географическом» плане «сторонники» А.А. Зимина представляли из себя весьма разнородную группу: С.Н. Азбелев работал в Секторе устного народного творчества ИРЛИ АН СССР; Я.С. Лурье, как отмечалось, являлся сотрудником Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР; А.И. Клибанов – коллега историка по ИИ АН СССР; В.Б. Вилинбахов – младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР; В.Б. Кобрин был занят в Рукописном отделе ГБЛ им. В.И. Ленина (ныне – РГБ); А.Т. Николаева преподавала в МГИАИ (незадолго до дискуссии она занимала должность заведующего кафедры вспомогательных исторических дисциплин); А.Л. Монгайт работал в Институте археологии АН СССР; В.Л. Янин занимал должность профессора исторического факультета МГУ. С большой долей вероятности можно предположить, что организационно они не представляли из себя того же единства, что оппоненты историка.

⁸⁰См.: К истории спора... // Русская литература. 1994. № 3. С. 216, 219–220, 224–225, 228–229

⁸¹АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 16. Л. 33; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 406.

Самым главным упреком в адрес А.А. Зимина стало обвинение в субъективизме, сознательном игнорировании не укладывающихся в его концепцию фактов. В частности, Б.А. Рыбаков говорил о «порочном круге» в рассуждениях ученого, когда каждое высказанное им положение принимается в качестве доказанной истины и в дальнейшем на его основе строится новое предположение⁸². Безусловно, подобные обвинения резко расходились с ранее звучавшими оценками его творчества. Из трех ученых, давших положительные характеристики историку для выборов в Академию наук, двое участвовали в обсуждении на стороне его оппонентов, еще один (М.Н. Тихомиров) отказался присутствовать на нем, но при этом составил резкий письменный отзыв на монографию⁸³.

Что же, в таком случае, маститые ученые принимали за субъективность и тенденциозность? Многие из их высказываний показывают, что они сами исходили из априорных посылок о древности «Слова», то есть обвинения в субъективизме и тенденциозности в равной степени можно было бы адресовать и им. Так, Д.С. Лихачев, весьма много внимания уделивший выявлению методологических «огрехов» в тексте исследования, свое выступление начал с фразы: «А.А. Зимин и не мог написать в данном случае сильной работы, так как основной его тезис о “Слове” ложен и можно обосновать его только путем больших натяжек и тенденциозных искажений»⁸⁴. Сходные пассажи можно найти и в выступлениях иных оппонентов А.А. Зимина⁸⁵. По всей вероятности, многие из них, как и Д.С. Лихачев, исходили из представления о некоей объективной истине, которая в работе

⁸² АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 7. Л. 3д; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 253.

⁸³ Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 416

⁸⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 16; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 163. Данный тезис Д.С. Лихачев вновь повторил, уже в заключение своей речи (см. АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 79; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 210).

⁸⁵ Например, следующая фраза Б.А. Рыбакова: «... отсутствие влияния “Задонщины” XIV–XVI вв. на летопись XII в. А.А. Зимин считает доказательством того, что и “Слово о полку Игореве” не влияло на летопись XII в. Такое мистическое построение возможно только в том случае, если предполагать у исторического процесса “обратный ход”, допустимый лишь в фантастических романах» (АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 7. Л. 3ф–3х; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 263). В данном случае речь идет об утверждении историка о том, что составление летописного рассказа на основе «Слова» должно было породить текстуальные совпадения летописи и «Задонщины» (согласно традиционной схеме также составленной на основе «Слова»). Налицо абсолютное непонимание сути аргументации А.А. Зимина. Интерес для нас представляет фраза об «обратном ходе», говорящая о том, что Б.А. Рыбаков изначально исходит из предпосылки о первичности «Слова» по сравнению с «Задонщиной», что противоречит исходным постулатам историка. При этом Б.А. Рыбаков, воспроизводя свою фразу, пытается «проникнуть» в логику мышления А.А. Зимина, но сам при этом оказывается не в состоянии отойти от свойственных ему априорных посылок.

ученого не обосновывается, а развертывается, подтверждается новыми аргументами. Дедукция здесь явно преобладает над индукцией (заметим, в явной противоположности манере научных рассуждений А.А. Зимина).

Полагаем, свою роль сыграло и то, что А.А. Зимин, в соответствии со своими источниковедческими представлениями придавал определяющую роль не отдельному факту (который, как продемонстрирует дискуссия, вполне можно оспорить), а системе фактов. Отсюда и упрек Д.С. Лихачева: «Качество аргументов подменено их количеством»⁸⁶. В самом выстраивании подобной системы оппоненты историка видели наличие субъективизма, что, конечно, не было безосновательно. В целом же участники дискуссии (в том числе и сам А.А. Зимин) явно исходили из позитивистского тезиса о существовании некой объективной, единственно верной истины, не допускавшей возможность иной трактовки факта. Это и предопределило столь ожесточенный характер научного конфликта⁸⁷.

В целом же научная полемика разворачивалась вокруг отдельных положений А.А. Зимина, зачастую касалась вопросов интерпретации того или иного сведения источников. К сожалению, диссертант вынужден отказаться от детального анализа высказанных участниками соображений. Это потребовало бы написания отдельного исследования и не может быть реализовано в рамках данной кандидатской диссертации.

Обсуждение завершилось заключительным словом председателя Е.М. Жукова⁸⁸, взявшего на себя подведение итогов. Подчеркнув, что решение о публикации книги будет приниматься «наверху», он все же заявил: «... в Отделении истории (АН СССР – М.Б.) такое ощущение, что мы потратили много времени и энергии без большой пользы. ... имел место неоправданный расход наших средств и

⁸⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 3. Л. 46; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве»... С. 186.

⁸⁷ Позднее А.А. Зимин все же признал, что в отдельных случаях (например, нехватка источников) ученые не могут дать единого ответа на поставленную источниковедческую проблему. В таких случаях «гораздо правильнее будет... признать факт многозначности решений, чем выбирать одно из них» (Зимин А.А. Трудные вопросы методики... С. 439).

⁸⁸ Стоит отметить, что формально являясь председателем на дискуссии, он присутствовал лишь на первом и последнем заседании, все остальное время его заменял В.И. Шунков.

времени...»⁸⁹. После этих слов он произнес речь об ответственности советских ученых перед народом. Одна из последних его фраз звучала следующим образом: «Каждый из нас, чем бы он не занимался, является частицей нашего общего научного фронта, каждый из нас отвечает за всю историческую науку. Дело не только в Зимине, а в каждом из нас»⁹⁰. На этой ноте заседание было окончено.

После обсуждения: продолжение борьбы за публикацию и «карьерная стагнация» А.А. Зимина. Однако вопрос о публикации исследования А.А. Зимина еще не был решен окончательно. 20 июня 1964 г. вице-президент АН СССР, член ЦК КПСС П.Н. Федосеев направил в Идеологический отдел ЦК КПСС письмо с отчетом об итогах обсуждения книги А.А. Зимина⁹¹. Весьма тенденциозно изложив ход заседания и сделав вывод о нецелесообразности публикации монографии, П.Н. Федосеев высказал противоречащее основной «линии» своих рассуждений предложение – направить существующие экземпляры книги вместе с ротапринтированным изданием стенограммы обсуждения на правах рукописи в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР (ныне ИНИОН РАН). Объяснялось это как пожеланиями участников обсуждения, так и тем, что материалы дискуссии представляют большой научный интерес. Такая мера сделала бы открытым доступ к монографии научной общественности (пусть и в ограниченном размере). К записке П.Н. Федосеева был приложен подробный отчет о ходе обсуждения, который планировалось опубликовать в журнале «Вопросы истории»⁹².

17 июля 1964 г. Идеологический отдел направил в ЦК КПСС с просьбой о согласовании. После краткого экстракта из послания П.Н. Федосеева шли предложения сотрудников отдела. Книгу А.А. Зимина вместе со всеми экземплярами стенограммы было решено поместить на специальное хранение в архив АН СССР, ограничив доступ к ней особым разрешением Президиума АН СССР. В связи с

⁸⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 157-158; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игоре»... С. 574.

⁹⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 3(1964). Д. 19. Л. 160; Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игоре»... С. 575.

⁹¹ РГАНИ. Ф. 5(Аппарат ЦК КПСС). Оп. 55. Д. 62. Л. 44–59. Более обстоятельный анализ данного документа см.: Базанов М.А. Идеологический отдел ЦК КПСС и монография А.А. Зимина «Слова о полку Игоре» // История и историки. 2011 – 2012. Историографический вестник. М., 2013. С. 198–205.

⁹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 62. Л. 60–111. Принято считать, что данный текст был составлен В.А. Кучкиным и О.В. Твороговым (см.: Зимин А.А. Слово о полку Игоре. СПб., 2006. С. 12).

этим следовало отредактировать отчет, убрав из него все упоминания о монографии историка. Предложения прошли согласование, о чем свидетельствуют подписи членов ЦК КПСС, сделанные на полях, по-видимому, в их числе была и подпись М.А. Суслова. Кроме того, на полях от руки была сделана надпись: «Надо тщательно отредактировать публикуемые материалы»⁹³.

Все распоряжения Идеологического отдела в дальнейшем будут реализованы⁹⁴, что означало фактический запрет на публикацию монографии.

А.А. Зимин весьма резко и эмоционально реагировал на произошедшее. Один из его близких друзей Я.С. Лурье отмечал, что еще долгое время после дискуссии одним из главных критериев порядочности того или иного человека для историка будет его отношение к «Слову о полку Игореве». Конечно, постепенно эмоциональное напряжение будет уходить, и эта позиция станет смягчаться. Вероятно, со «Словом о полку Игореве» связан и его конфликт с С.О. Шмидтом⁹⁵ и одним из самых талантливых своих учеников А.Л. Станиславским⁹⁶. В своих неудачах он открыто обвинял Д.С. Лихачева. Так, например, в одном из своих писем к Н.М. Дружинину, датированном 31 августа 1964 г., ученый написал: «... мне мучительно стыдно за Д.С. (Лихачева – М.Б.) и ряд его коллег да и за всю эту беспрецедентную “процедуру”, которая ляжет на них несмываемым пятном»⁹⁷.

Однако сплошными негативными эмоциями его впечатления от дискуссии не исчерпывались. Так, в своих мемуарах А.А. Зимин именовал обсуждение «звездным мигом, определившим весь жизненный путь в дальнейшем. Только после “Слова”... я почувствовал живительный воздух свободы»⁹⁸. Историк полагал, что именно после этой работы он приобрел самостоятельность в научных изысканиях, перестал следовать за старыми, устоявшимися схемами.

⁹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 62. Л. 43.

⁹⁴ Переработанный текст отчета см.: Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121–140.

⁹⁵ См.: Шмидт С.О. Воспоминания об А.А. Зимине // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 26. А.А. Зимин в дальнейшем весьма резко отзывался об источниковедческих построениях С.О. Шмидта, см.: Зимин А.А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 187–211.

⁹⁶ См.: Беленький И.Л. «Быть нолею для себя...» (заметки об А.Л. Станиславском) // Александр Лазаревич Станиславский: Библиографический указатель / сост. Л.Н. Простоволосова. М., 1999. С. 14.

⁹⁷ АРАН. Ф. 1604 (Дружинин Н.М.). Оп. 4. Д. 432. Л. 4.

⁹⁸ Зимин А.А. Обретение свободы. С. 89.

На академическую карьеру, накопление ученым институционального научного капитала дискуссия вокруг «Слова» повлияла однозначно отрицательно. Конечно же, после этого события о его избрании в Академию наук не могло идти речи⁹⁹. По настоянию М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина сняли с поста заместителя Археографической комиссии, а затем вывели из состава Бюро комиссии. Некоторое время спустя он лишился и своих мест в Ученых советах Института истории СССР и Института археологии АН СССР¹⁰⁰. Конечно, каждому из этих фактов можно найти объяснение вне обращения к дискуссии о «Слове», но остается констатировать: цепь «карьерных провалов» последовала именно после скандала с книгой ученого.

Характерен следующий факт. Самым крупным карьерным успехом ученого стало вручение ему ученого звания профессора в 1971 г. К этому званию его представили уже на заседании Ученого Совета МГИАИ 27 мая 1969 г. В ходе представления кандидатуры ученого заведующему кафедры вспомогательных исторических дисциплин Е.А. Луцкому был задан вопрос: «Вам известно, что Александр Александрович тратит много времени на кафедре по вопросу новой трактовки “Слова о полку Игореве”?»¹⁰¹ В данном случае речь шла о том, что историк озвучивал свои построения в рамках ведущегося им спецкурса «Источники по истории русской общественной мысли XII–XVIII веков»¹⁰². Когда Е.А. Луцкий ответил, что А.А. Зимин имеет полное право на выражение своего мнения, последовало еще два вопроса: «Кафедра это мнение поддерживает?» и «Как Академия наук относится к данному вопросу?»¹⁰³.

А.А. Зимин не оставил своей борьбы за публикацию монографии. В уже приводившемся выше письме к Н.М. Дружинину историк писал: «К сентябрю (1964 г. – М.Б.) работа будет закончена (осталась доработка, перепечатка и т. п.). В ней стало вместо 660 стр. – 900 стр.»¹⁰⁴. 5 января 1965 г. А.А. Зимин письменно

⁹⁹ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. С. 378.

¹⁰⁰ См.: Основные даты жизни и деятельности // Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель / сост. Р.В. Гульчинский. М., 2000. С. 56–59.

¹⁰¹ ЦАГМ. Ф. Р-535 (Московский историко-архивный институт). Оп. 1. Д. 2261. Л. 67.

¹⁰² Зимин А.А. Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 103–104.

¹⁰³ ЦАГМ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 2261. Л. 68.

¹⁰⁴ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 432. Л. 10.

известил Е.М. Жукова о том, что он составил новый вариант монографии. Ответа не последовало¹⁰⁵. Историк вплоть до конца своей жизни продолжает дорабатывать текст своего исследования с учетом высказанных ему замечаний и пожеланий. Конечный его вариант будет издан в 2006 г.¹⁰⁶ Объем книги вырос по сравнению с первым изданием приблизительно в два раза. «С помощью доброжелателей»¹⁰⁷ при жизни он издал в виде статей, связанных со «Словом», около трети своих изысканий¹⁰⁸. Среди них была и работа, представляющая реферат всей книги в целом. Однако о публикации полного текста монографии в советское время речи не шло.

Несмотря на это часть выводов ученого была впоследствии принята советскими учеными, в том числе и оппонентами А.А. Зимины. Кроме того, вслед за А.А. Зиминым свои альтернативные версии датировки «Слова» стали высказывать и другие отечественные специалисты¹⁰⁹. Впрочем, общепризнанной до настоящего времени продолжает оставаться традиционная версия о возникновении этого памятника в конце XII в.¹¹⁰

Выводы. В первой половине 1960-х гг. А.А. Зимин накопил достаточно «научного капитала» для вхождения в число «доминирующих». Своего рода закреп-

¹⁰⁵ Формозов А.А. А.А. Зимин. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) [вступительная статья]. С. 101.

¹⁰⁶ Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

¹⁰⁷ Он же. Обретение свободы. С. 89.

¹⁰⁸ Он же. Две редакции Задонщины // Труды МГИАИ. М., 1966. Т. 24. Вып. 2. С. 17–54; Он же. К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // Ученые записки НИИ Языка, литературы, истории при Совете Министров Чувашской АССР (далее – УЗ НИИ ЯЛИ при СМ Чувашской АССР). Чебоксары., 1966. Вып. 31. С. 138–151; Он же. Приписка к Псковскому апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве» // Русская литература. 1966. № 2. С. 60–74; Он же. Когда было написано «Слово»? // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 135–152; Он же. Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1. С. 84–104; Он же. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43–64; Он же. «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // Исторические связи в славянском фольклоре. Материалы и исследования. Русский фольклор. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 212–224; Он же. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 41–58; Он же. Текстология Пространной Задонщины // УЗ НИИ ЯЛИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 91–111; Он же. Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 233–249.

¹⁰⁹ Мавродин В.В. К Марку о Киевской Руси // Вестник ЛГУ. 1968. Сер. истории, яз. и лит.-ры. Вып. 8. № 2. С. 8–9; Гумилев Л.Н. Монголы XII в. и «Слово о полку Игореве» // Доклады и сообщения Отделения этнографии. М., 1966. Вып. 2. Л., 1966. С. 55–80; Он же. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 305–345; Он же. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82; Он же. Нужна ли география гуманитариям? // Славяно-русская этнография: (Сб. статей). Л., 1973. С. 92–100; Демкова Н.С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. 1973. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 72–77; Яценко Б.И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. XXXI. С. 116–122.

¹¹⁰ См.: Горский А.А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992; Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004 (2-е изд. М., 2007; 3-е изд. М., 2008).

лением такого нового положения, инициацией ученого могла стать процедура избрания его на должность член-корреспондента АН СССР (выдвижение его кандидатуры произошло в 1962 г.). Однако именно в этот момент А.А. Зимин резко меняет свою прежнюю стратегию отношений с научной средой. В момент наивысшего признания своих заслуг он выдвигает свою альтернативную версию возникновения «Слова о полку Игореве», отрицающую прежние наработки советских ученых. Построения А.А. Зимины ставили под удар «научный капитал» подавляющего большинства научного сообщества. Дело осложнялось идеологизированностью вопроса – «Слово о полку Игореве» рассматривалось в качестве национального культурного достояния, и работа историка выглядела антипатриотическим выпадом. Общая либерализация политической атмосферы все же позволила провести научную дискуссию о книге) в ходе которой подавляющее большинство научного сообщества выводы историка отторгло), но публикация полного текста исследования оказалась (в первую очередь благодаря отрицательному отзыву ведущих специалистов) запрещена. Для А.А. Зимины ситуация, сложившаяся вокруг его работы, стала своего рода «пограничным состоянием» (термин К. Ясперса), в ходе которого он существенно пересматривает свои представления о формах взаимодействия с окружающей его социальной средой, от «стратегии преемственности» он начинает переходить к «стратегии подрыва», не боясь отвергать устоявшиеся в науке схемы и мнения.

§ 2. Этап творческих переосмыслений: концепции истории Московской и Киевской Руси

Опричина: исследовательские традиции и их переосмысление в 1940 – 1960-е гг. И так, события 1963–1964 гг. существенно подорвали институциональ-

ную составляющую накопленного А.А. Зиминим «научного капитала». Однако произошло ли в дальнейшем падение его символической составляющей?

Фактически одновременно со «Словом» А.А. Зимин работал над своей монографией, посвященной второй половине царствования Ивана Грозного. В воспоминаниях он писал о том, что работа эта была создана за кратчайший срок, «вероятное, в полгода»¹¹¹. Скорее всего, это утверждение является своего рода аббревиатурой памяти, невольным сопоставлением новой книги со «Словом о полку Игореве». Уже в предисловии к «Реформам Ивана Грозного» историк заявлял о своем намерении в дальнейшем продолжить изучение социально-политической истории России середины XVI в.¹¹² В отзыве А.В. Арциховского, предназначенном для выборов в Академию наук, «Опричнина Ивана Грозного» уже фигурирует среди работ ученого (в качестве рукописи)¹¹³. Упоминает о книге как находящейся в состоянии печати в одной из своих статей 1963 г. ученик ученого С.М. Каштанов¹¹⁴. Часть монографии увидела свет в виде статей за несколько лет до ее публикации¹¹⁵. Следовательно, подготовка книги была не столь спешной, как ее изображал в своих мемуарах историк.

Изучение опричнины ко времени написания монографии имело давнюю и прочную историографическую традицию. Начиная с середины XIX в. в трудах таких историков, как К.Д. Кавелин¹¹⁶ и С.М. Соловьев¹¹⁷, утверждается представление об опричнине как комплексе мероприятий, направленных против боярства как децентрализующей страну силы. Подобный взгляд был окончательно закреплен

¹¹¹ Цит. по: Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин... С. 144.

¹¹² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 6.

¹¹³ НА ИРИ РАН. Ф. Института истории. Отдел кадров. Индекс №350. 1. 3, 101. Личные дела сотрудников. Зимин А.А. Л. 69.

¹¹⁴ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 97.

¹¹⁵ Зимин А.А. Преобразования центрального государственного аппарата в годы опричнины // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 4. С. 117-133; Он же. Земельная политика в годы опричнины (1565–1572) // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 60-79; Он же. Земский собор 1566г. // Исторические записки. Т. 71. 1962. С. 196-235; Он же. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // Труды Отдела древнерусской литературы. М.;Л., 1962. Т. XVIII С. 305-308; Он же. Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1962. Т. XI. С. 269–292.

¹¹⁶ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1988. С. 11–67.

¹¹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн 3.

на рубеже XIX – XX вв. в исследованиях С.Ф. Платонова¹¹⁸. Его концепция оказалась усвоена советской историографией в 1930-1940-е гг., несмотря на некоторые попытки ее скорректировать¹¹⁹. Самым ярким свидетельством того стало переиздание в 1937 г. магистерской диссертации С.Ф. Платонова, несмотря на то, что автор ее был репрессирован по так называемому «Академическому делу», умер в ссылке и удостоился реабилитации лишь в 1967 г. В том же ключе, что и он, интерпретировали опричнину С.В. Бахрушин¹²⁰ и И.И. Смирнов¹²¹. Таковая трактовка оказалась закреплена и волей партийного руководства (как известно, Иван Грозный был одним из любимых исторических персонажей И.В. Сталина)¹²².

Однако уже в 1940-е гг. появляются и первые критические замечания в адрес этой концепции. Так, непосредственно перед Великой Отечественной войной занялся изучением персонального состава опричнины Г.Н. Бибилов¹²³. Анализ привел его к выводу о том, что «в среду опричников вошли представители нетитулованной боярской знати... Очень значительное количество опричников вышло из верхушечного слоя князей»¹²⁴. В начале 1940-х гг. над своим крупным исследованием об опричнине начинает работать С.Б. Веселовский¹²⁵. Согласно историку, в землях, взятых в опричнину (за исключением Ярославского уезда) отсутствовало крупное боярское и княжеское землевладение. Фактически этим он нанес сокрушающий удар по концепции С.Ф. Платонова. Не представлялось ему возможным и говорить об антибоярской направленности репрессий, так как проведенный им анализ Синодика опальных Ивана Грозного показал, что мелкого служилого люда, дворян пострадало много больше, чем бояр. Часть своего исследо-

¹¹⁸ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899 (5-е изд. М., 1995); Он же. Иван Грозный. Пг., 1923.

¹¹⁹ См. напр.: Будовниц И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. 1947. Т. 21. С. 217–330; Веселовский С.Б. Обзор мнений историков об Опричном дворе царя Ивана // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 11–37; Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середине 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6. С. 85–100; и др.

¹²⁰ Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942 (2-е изд. М., 1945).

¹²¹ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944.

¹²² См., напр.: Юрганов А.Л. Русское национальное государство... С. 487–520.

¹²³ Бибилов Г.Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Сборник статей по истории России XVI–XVII вв. М., 1941. С. 5–28.

¹²⁴ Там же. С. 26, 28.

¹²⁵ О жизни и творчестве С.Б. Веселовского см.: Смирнов И. Приобретение навеки // Знание-сила. 1987. № 9. С. 50–57; Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. Степан Борисович Веселовский. М., 1989; Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 125–146.

вания С.Б. Веселовский смог опубликовать при жизни¹²⁶. Однако последующая идеологическая травля (связанная не только с его взглядами на опричнину, но и методологическими воззрениям) заставила С.Б. Веселовского отказаться от обнародования своего исследования. Видимо, свой творческий замысел он так и не довел до конца¹²⁷.

Пересмотр прежних оценок стал возможен только во времена «оттепели». 14–15 мая 1956 г. в Институте истории со своим докладом «О культе личности в некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)» выступил С.М. Дубровский¹²⁸. Впоследствии доклад будет опубликован в журнале «Вопросы истории»¹²⁹. Большая часть выступления С.М. Дубровского была посвящена критическим замечаниям в адрес работ Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова. Главным упреком, который он высказал своим предшественникам, стало обвинение в непомерном, с его точки зрения, преувеличении роли личности Ивана Грозного, тенденциозное изображение его как героя. Антибоярскую направленность опричнины он отрицал (но в то же время говорил об ослаблении в ее ходе боярства), считая ее «особой формой насилия помещиков-крепостников над крестьянами»¹³⁰.

Как в устной беседе сообщила диссертанту присутствовавшая на заседании М.Е. Бычкова (на тот момент она была студенткой третьего курса), эмоциональная атмосфера на заседании была весьма напряженной. Докладчика даже попытались побить. Многие из участников усмотрели в выступлении С.М. Дубровского явные аналогии между средневековым правителем и И.В. Сталиным. Да и чрезвычайно резкий тон критики в адрес маститых ученых не мог не вызвать ответной реакции.

¹²⁶ Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.:Л., 1940. Сб. 3. С. 243–366; Он же. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 95–116; Он же. Первые преобразования центральной власти при Иване Грозном // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 57–69.

¹²⁷ См.: Афферики Д. Образ Ивана Грозного в трудах С.Б. Веселовского // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII вв... М., 1990. Вып. 1. С. 25–26; Ульянов Н.И. Тень Грозного // Знание-сила. 2001. № 12. С. 77–85; Дубровский А.М. Историк и власть... С. 760–778.

¹²⁸ Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 195–203

¹²⁹ Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 121–129.

¹³⁰ Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного. С. 195.

А.А. Зимин в развернувшейся дискуссии занял «консервативную» позицию. С.М. Дубровский, с его точки зрения, сам страдал тем же недостатком, что и критикуемые им – преувеличение роли личности в истории, с той лишь разницей, что докладчик выискивал негативные ее стороны. Признав, что методы ведения опричной политики были «варварскими», историк призвал не смешивать их с «ее объективно прогрессивным содержанием». «Главной задачей» опричнины, считал А.А. Зимин, «было сокрушение феодальной аристократии, борьба с пережитками политической раздробленности»¹³¹. К сожалению, не представляется возможным пояснить, что А.А. Зимин подразумевал под «феодальной аристократией» и «остатками политической раздробленности» в данном случае. Возможно, это внесло бы коррективы в привычную схему его концептуальной эволюции.

Несмотря на все явные недостатки доклада С.М. Дубровского (автор его, следует сказать, не был специалистом по русской средневековой истории), он стал своего рода первым шагом к пересмотру привычных представлений об опричнине. Вслед за его публикацией последовала статья В.Н. Шевякова, развивавшего основные положения данного доклада¹³². После этого наступает некоторый перерыв в разработке темы, в первой половине 1960-х гг. прерванный целой серией работ. В 1960 г. была защищена кандидатская диссертация В.Б. Кобринина, о которой уже упоминалось в предыдущей главе. К теме судьбы местного самоуправления во второй половине правления Ивана Грозного обратился Н.Е. Носов. Результатом его разработок станет монография, увидевшая свет в 1969 г.¹³³, однако уже к началу 1960-х гг. он уже отказался от противопоставления боярства и дворянства. Самое большое влияние на изучение опричных мероприятий оказала публикация исследования С.Б. Веселовского, осуществленная в 1963 г.¹³⁴

На этом фоне осталась почти незамеченной статья ученика А.А. Зимина С.М. Каштанова, написанная на основе анализа актового материала¹³⁵. Большая ее

¹³¹ Там же. С. 200.

¹³² Шевяков В.Н. К вопросу об опричнине Ивана IV // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 71–77.

¹³³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России (Изыскания о земской реформе Ивана Грозного). Л., 1969.

¹³⁴ Веселовский С.Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963.

¹³⁵ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного. С. 96–117.

часть посвящена роли опричнины в развитии крепостничества в России. Однако наряду с этим автор выдвинул и предположение о том, что одной из мишеней опричных мероприятий была ликвидация удельной системы. Именно эта идея С.М. Каштанова, расположившаяся где-то «на периферии» статьи, и стала своего рода отправной точкой для построений А.А. Зимина (о чем он сам открыто написал в воспоминаниях¹³⁶).

«Опричина Ивана Грозного» и новая концепция истории России XV – середины XVII вв. В «Опричнине Ивана Грозного» А.А. Зимин окончательно отошел от идеи противостояния боярства и дворянства. Что характерно, историк не подверг напрямую этот тезис критике, скептические замечания в его адрес разбросаны по всей книге и связаны с теми или иными конкретно-историческими построениями ученого¹³⁷. А.А. Зимин одним из первых поставил вопрос о том, насколько точно была реализована программа преобразований, намеченных в указе об опричнине. На основе анализа писцовых книг он пришел к весьма неожиданному выводу – следов массовых выселений из опричных уездов им не было выявлено. Как правило, полагал историк, землевладельцы, имевшие там свои поместья и вотчины, просто принимались в опричную организацию. Выявленные им случаи выселения историк связывал с иными политическими обстоятельствами. В земских землях случаев конфискации земель было отмечено много больше, чем в опричных. Опричный корпус получал свои владения в основном из фонда черных и дворцовых земель¹³⁸.

В ошибочности идеи об антибоярской направленности опричнины убеждал и анализ преобразований центрального государственного аппарата. После разделения страны на опричнину и земщину все повседневное управление и суд в последней перешло в руки Боярской думы, а, следовательно, роль княжеских и боярских родов в управлении страной лишь возросло. Численность прослойки князей в Думе за опричные годы практически не изменилась (в 1564 г. 57% всех дум-

¹³⁶ См.: Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин... С. 144.

¹³⁷ Отметим, что большая часть новой монографии была выстроена уже по хронологическому принципу, в то время как «И.С. Пересветов и его современники» был основан на тематическом принципе, а в «Реформах Ивана Грозного» автор делал попытку совместить оба критерия структурирования текста.

¹³⁸ Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 314–316, 340–341.

цев были князьями, в 1572 г. их было 52%)¹³⁹. Крупнейшие княжеско-боярские роды, такие как Милославские, Воротынские, Бельские, Шуйские, Глинские, Одоевские, Романовы-Юрьевы, заметил ученый, в ходе опричного террора практически не пострадали¹⁴⁰.

Таким образом, концепция С.Ф. Платонова А.А. Зиминым была опровергнута. Разрушив эту версию, историк вновь поставил вопрос о сути и движущих силах опричных мероприятий. Ответ С.Б. Веселовского, сводившего все к конфликту царя и Государева двора, в основе которого лежало властолюбие монарха, историк принять не мог, видя в нем преувеличение роли личности в истории. Поэтому, отталкиваясь от высказанной С.М. Каштановым мысли, он создал собственную концепцию.

А.А. Зимин весьма основательно пересмотрел свои представления о ходе становления Русского централизованного государства. В «Опричнине Ивана Грозного» проводилась мысль о незавершенности процесса формирования централизованного государства в России середины XVI в. Для того, чтобы процесс оказался завершен, необходимо было покончить с «политической раздробленностью» страны. Историк концентрирует внимание читателей на существовании в России политических институтов, неподконтрольных царской власти, в немалой степени являвшихся ее потенциальными врагами.

В первую очередь речь у него шла об удельной системе. Старицкий удел, в его представлении, был могущественным «феодальным центром», князь Владимир Андреевич Старицкий обладал гигантскими экономическими ресурсами, командовал собственной армией. Кроме того, он был близким родственником царя, в 1553 г. именно ему предлагали трон в обход сына Ивана Грозного. Первый, превентивный удар по нему был нанесен еще до введения опричнины, когда Иван Грозный сменил состав двора князя, стремясь этим обеспечить контроль за его действиями. Анализ персонального состава тех, кто подвергся опалам непосредственно после введения опричнины, подвел А.А. Зимины к выводу о том, что ре-

---

¹³⁹ Там же. С. 365–366.

¹⁴⁰ Там же. С. 370.

прессии эти были направлены либо против сторонников Избранной рады, либо лиц, связанных с Владимиром Старицким. В 1556 г. царь отнял его удел, взамен предоставив новые земли. Борьба была завершена в 1569 г., когда князя казнили по ложному обвинению¹⁴¹.

Вторым таким институтом стала Русская православная церковь, являвшаяся крупным коллективным феодалом. Занявший митрополичий стол Филипп осмелился выступить против опричной политики царя. Разразившийся конфликт был решен в пользу последнего. Филипп был отстранен от патриаршего престола и сослан в монастырь. После этого церковь попала под контроль царской власти¹⁴².

Третьим направлением удара стали северные города – Новгород и Псков. Помимо сохранявшейся в этих местах автономии причиной карательного похода на них были также их связи со Старицким уделом, церковью, обострение внешне-политической ситуации и потенциально возможный переход их на сторону врага. После разгрома Новгорода с остатками удельных вольностей было покончено раз и навсегда¹⁴³.

И в то же время А.А. Зимин отмечает, что в самой структуре опричнины было заложено противоречие – централизация страны и разгром удельной системы достигались посредством создания еще одного удела. С одной стороны, это усиливало мощь царя, с другой стороны, управление в земщине отошло в руки Боярской думы, заведения весьма аристократичного. Как предполагает А.А. Зимин, всплеск террора в 1570 г., в том числе и знаменитые казни на Поганой луже в Москве, были вызваны именно стремлением установить контроль за земским аппаратом управления, ставшим излишне независимым. В конечном счете это противоречие и привело к отмене опричнины в 1572 г.¹⁴⁴

В целом, отмечал А.А. Зимин, опричнина была явлением прогрессивным, содействовавшим централизации государства, но в то же время «выбранные Иваном IV формы и методы усиления самодержавия превращали власть монарха в

---

¹⁴¹ Там же. С. 279–293.

¹⁴² Там же. С. 239–259.

¹⁴³ Там же. С. 293–303.

¹⁴⁴ Там же. С. 360–388.

самовластие деспота»¹⁴⁵. Кроме того, несмотря на успехи в борьбе с удельной децентрализацией («те остатки удельной обособленности, которые имелись ко времени ликвидации опричнины, не представляли никакой опасности для самодержавной власти»¹⁴⁶), окончательное оформление Русского централизованного государства он относит к более позднему времени.

Одновременно с монографией вышла в свет статья А.А. Зимина, ярко свидетельствующая о том, что историк фактически предложил новую интерпретацию истории России конца XV – начала XVII вв. Если в монографии историк лишь изредка бросал критические замечания в адрес идеи о противоборстве боярства и дворянства, то в статье он подвергает критическому разбору саму эту концепцию. Так, он отвергал идею о большей рентабельности поместья по сравнению с вотчинной, показав, что хозяйственный строй этих двух типов земельных владений ничем не отличался. Представления Б.Д. Грекова о разорении боярства (в противовес приспособившемуся к новым экономическим условиям дворянству) он называл источниковедчески необоснованными. Отмечает А.А. Зимин и тот факт, что в центральных районах России многие служилые люди владели как вотчинами, так и поместьями. Отсюда следовал вывод: «Невозможно усмотреть децентрализаторские тенденции, стремление восстановить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства»¹⁴⁷.

Появление централизованного государства А.А. Зимин четко связывал с установлением абсолютной монархии в XVII в. Если в «Опричнине Ивана Грозного» историк еще употребляет термин «Русское централизованное государство», то в данной статье он говорит уже о «едином Русском государстве»¹⁴⁸. Весь период конца XV–XVI вв. он рассматривает как время вызревания необходимых для установления абсолютной монархии в России условий, что проявлялось в «борьбе с политической децентрализацией и силами, которыми она поддерживалась» и

¹⁴⁵ Там же. С. 361.

¹⁴⁶ Там же. С. 362.

¹⁴⁷ Он же. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 23.

¹⁴⁸ Там же. С. 31.

«строительстве нового, централизованного аппарата власти»¹⁴⁹. Если в монографии противоборство центральной власти с силами децентрализации рассматривалось исключительно на примере событий середины XVI в., то в статье А.А. Зимин начинал свое повествование непосредственно с конца XV в. Так, при Иване III был принят ряд мер по усилению контроля над Новгородом, неоднократно пересматривались договорные отношения с удельными князьями, их владения великий князь планомерно присоединял к своим. К концу XV - началу XVI вв. произошел значительный конфликт великого князя и церкви, в центре которого стоял вопрос о секуляризации церковных земель. Это противостояние сил централизации и децентрализации, с точки зрения А.А. Зимина, в дальнейшем продолжалось все время правления Василия III. С одной стороны, в его правление в состав Русского государства были включены последние оставшиеся независимыми русские земли, с другой стороны, многие из них смогли сохранить немалую степень автономии (Псков, Смоленск)¹⁵⁰.

Насколько самостоятельны, оригинальны были концептуальные построения А.А. Зимина? В диссертации уже было показано, что большинство идей, составивших основной костяк новой концепции ученого, уже высказывались его коллегами до выхода книги в свет. Безусловно, А.А. Зимин следовал за историографическими тенденциями своего времени. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что почти все из перечисленных мыслей у предшественников историка остались лишь догадками, редкими «прозрениями» на «периферии» их научных представлений. Именно А.А. Зимин сфокусировал на них первостепенное внимание, довел до логического завершения, поставил в центр своей идейной конструкции. Кроме того, не следует односторонне оценивать взаимодействие ученого с окружающей его средой: А.А. Зимин не просто следовал за существующими историографическими тенденциями, он сам, будучи обладателем немалого «научного капитала», эти тенденции создавал. Доказательством тому могут

---

¹⁴⁹ Там же. С. 18.

¹⁵⁰ Впоследствии А.А. Зимин напишет монографию о правлении Василия III, см.: Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

служить и «прозрения» самого А.А. Зимина. Концептуальный поворот историка оказался подготовлен всем его предыдущим творческим путем.

Отказ от марксизма?: вопрос о теоретико-методологических воззрениях ученого. В историографии высказывалось мнение, согласно которому с «Опричиной Ивана Грозного» связана не только концептуальная, но и методологическая трансформация системы научных взглядов А.А. Зимина. Рассмотрим данную точку зрения.

Еще в 1922 г. в своей первой историографической работе будущий академик М.В. Нечкина отмечала: «... у многих и многих историков теория одно, а практика исторического исследования – другое. Ниже мы увидим, что если какой-нибудь историк заявляет себя последователем хотя бы теории экономического материализма, то это еще не значит, что ему удастся целиком приложить эту теорию к своему историческому исследованию; мы встретим зачастую резкие отступления от этой теории или тесную зависимость исследования от противоположной теории. Чаще всего это происходит незамеченным для самого автора»¹⁵¹. К сожалению, эта чрезвычайно простая мысль на длительное время осталась вне поля зрения историографов. Историки исторической науки, как правило, исходили из тезиса о единстве теоретико-методологических основ исследования и его конкретно-исторических построений, не выискивая в них противоречий. Однако подобная позиция базируется на мысли о том, что исследователь: во-первых, обладает высоким уровнем рефлексии и весьма скрупулезно выверяет и приводит каждое свое положение в соответствие с декларируемыми им теоретико-методологическими принципами; во-вторых, свободен в выборе теоретико-методологических, методических и концептуальных оснований своей работы. Второго советские ученые были лишены. О том, что А.А. Зимин лично не разделял марксистские историософские положения, ярко свидетельствуют его личные записи. Возможно ли, в таком случае, лишь на основании употребляемой им в научных работах терминологии

---

¹⁵¹ Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) (Фрагменты книги. Предисловие И.Л. Беленького) // Россия и современный мир. 2005. № 2. С. 200–201.

гии и цитат из «классиков» делать вывод о том, что они были основаны на марксистской методологии? Диссертант подобную точку зрения не разделяет.

Первым исследователем, поставившим вопрос о методологических убеждениях А.А. Зимины, был Д.М. Володихин¹⁵². Отказавшись от априорной посылки о включенности всех советских историков в рамки марксистской методологии, он выдвинул тезис о превращении в ряде исследований марксизма в набор цитат, не играющего какой-либо эвристической роли. В результате, делает вывод Д.М. Володихин, «... в период до распада СССР и КПСС имел место марксо-позитивизм, т.е. позитивизм – окрашенный в марксистские оценки, но далекий по своей сути от марксистской философско-методологической парадигмы исследовательский стиль. Он существовал совершенно официально, и его не хлестали розгами...»¹⁵³.

Исходя из этих посылок, Д.М. Володихин и приступает к анализу творчества А.А. Зимины. С его точки зрения, ранние работы историка («И.С. Пересветов и его современники», «Реформы Ивана Грозного») написаны с позиций марксистской методологии. В 1964 г. наступает окончательный перелом, связанный с его работой над «Словом». В «Опричнине Ивана Грозного» марксизм превращается в «елочные игрушки», историк переходит на позиции позитивизма¹⁵⁴.

Вполне адекватной представляется идея о существовании в рамках советской исторической науки «марксо-позитивизма». Во многом способствовала тому близость двух этих методологий. Как совершенно верно отметил Р.Г. Пихоя, «марксизм содержал в себе несколько положений, которые, каждое в отдельности, не противоречили ряду положений прежней историографии (подразумевается российская историческая наука на рубеже XIX–XX вв. – М.Б.)»¹⁵⁵. Поэтому нет и ничего удивительного в том, что многие из выработанных до Октябрьской революции концептуальных моделей, изначально базировавшихся на иной, отличной от марксизма, методологии, в дальнейшем были с успехом освоены советской ис-

¹⁵² Володихин Д.М. Очерк методологии А.А. Зимины // Вестник Университета Российской академии образования. 1996. № 1. С. 30–47.

¹⁵³ Там же. С. 34.

¹⁵⁴ Там же. С. 38–41.

¹⁵⁵ Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20-30-е гг. XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 34.

ториографией. Полагаем, что в этом же заключается и «секрет» сравнительно удачной адаптации историков старшего поколения к новой, советской системе.

Помимо уже приводившихся в диссертации фактов, в пользу данной версии говорит и отношение А.А. Зимина к цитатам из «классиков», отразившееся в его предсмертных мемуарах. Если многие из числа представителей послевоенного поколения активно осваивали их творчество, то А.А. Зимин относился к ним как к своего рода формальной обязанности, и даже как к способу защиты своих произведений. Так, в его мемуарах можно обнаружить следующие слова: «В статьях и рецензиях крестился “Кратким курсом” и упоминал творения Великого Кормчего. Цитаты были верным защитным оружием»¹⁵⁶.

По Д.М. Володихину, работы, написанные историком до «Опричнины Ивана Грозного», были проникнуты марксистским пониманием истории. Однако в свете сведений о философских симпатиях ученого данный тезис вызывает у нас сомнения. Неясно, почему Д.М. Володихин осуществляет «процедуру снятия “елочных игрушек”» лишь с текстов, написанных после середины 1960-х гг.

В своей докторской диссертации А.А. Зимин связывал развитие общественно-политической мысли с социально-экономической обстановкой в стране. В этом, безусловно, можно увидеть отражение идеи о зависимости надстройки от базиса. Однако такой подход не противоречил и позитивистской трактовке исторического процесса. Кроме того, А.А. Зимин отошел от прямой социологизаторской трактовки классовой природы политических представлений публицистов, за что был обвинен частью научной общественности в нарушение принципа партийности.

Та же неопределенность обнаруживается и при анализе «Реформ Ивана Грозного». В ней нет ничего, что противоречило бы позитивистской методологии, в рамках которой и был впервые поднят вопрос о роли классовой борьбы в истории¹⁵⁷. Социально-экономическая тематика и ее влияние на развитие государства

¹⁵⁶ Цит. по: Дубровский А.М. Автобиографические рукописи А.А. Зимина. С. 7.

¹⁵⁷ К Маркс: «... мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового,

весьма активно разрабатывалась в трудах историков рубежа XIX–XX вв. (например, тем же С.Ф. Платоновым). Поэтому «Реформы Ивана Грозного», равно как и «И.С. Пересветов и его современники» вполне укладывается как в марксистские, так и позитивистские воззрения.

Тезис же Д.М. Володихина об отказе от марксистского взгляда на историю в «Опричнине Ивана Грозного» представляется вполне обоснованным. Если марксизм исходил из определяющей роли в истории развития производительных сил и классовой борьбы, то в изображении А.А. Зимина таким центральным, определяющим стержнем исторического процесса стало противоборство политических институтов. В основе этой борьбы А.А. Зимин, впрочем, видит экономическую подоплеку (постепенное формирование единого всероссийского рынка), но обстоятельно данный вопрос не рассматривает. Тема классовой борьбы присутствует в книге, но если в «Реформах Ивана Грозного» ее анализ и описание были рассеяны по всему тексту монографии, то в «Опричнине Ивана Грозного» все, с нею связанное, оказалось выделено в отдельную главу. Не менее важно и другое: в «Реформах...» историк акцентировал внимание читателей на том, что классовая борьба породила все происходившие в стране преобразования, в «Опричнине...» же он выстраивает «обратную перспективу» - здесь классовая борьба порождается политическим преобразованием, одним из следствий которых стало усиление эксплуатации непосредственного производителя. Привычная схема словно переворачивается, надстройка и базис меняются местами.

Таким образом, не представляется возможным с уверенностью говорить о кардинальной смене методологических воззрений ученого. До «Опричнины...» работы А.А. Зимина вписываются как в марксистскую, так и позитивистскую картину исторического процесса. «Опричнина...» уже строится на позитивистской методологии. Поэтому наиболее адекватно отражают эволюцию научных воззре-

---

состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 424–425).

ний А.А. Зими́на С.М. Каштанов¹⁵⁸ и В.А. Муравьев¹⁵⁹. Трансформацию его научных воззрений, с их точки зрения, следует связывать с отношением ученого к «москвоцентризму». В предыдущей главе было продемонстрировано, что в своих первых крупных работах А.А. Зимин явно тяготел к этому концепту. «Опричнина...» стала шагом в сторону. Так, он отказался от присущей «москвоцентризму» идеи противоборства боярства и дворянства, заменив ее противостоянием царской власти и сил удельной децентрализации. Были существенно скорректированы представления о темпах процесса централизации, что нашло свое отражение в трансформации терминологического аппарата ученого (вместо Русского централизованного государства – единое Русское государство). Наконец, сместились оценочные категории – в целом продолжая признавать за процессом централизации государства его прогрессивное значение, А.А. Зимин поставил под сомнение прогрессивность методов, посредством которых она достигалась. Таким образом, историк, не затрагивая центральных, коренных положений «москвоцентризма», существенно скорректировал ряд зависимых от них концептов.

Парадоксы восприятия монографии историческим сообществом. Как показывают рецензии и иные письменные отклики, новая монография была воспринята неоднозначно, хотя в целом ей и давали положительные оценки.

Наиболее позитивно о книге отозвались уже упоминавшийся С.М. Дубровский¹⁶⁰ и Г.Д. Бурдей¹⁶¹. Оба автора рассматривают «Опричнину...» как часть, естественное продолжение проходящего в историографии процесса переосмысления событий эпохи правления Ивана Грозного. Оба автора сопоставляют монографию А.А. Зими́на с исследованиями С.Б. Веселовского. Вероятно, сами того не осознавая, они в своих отзывах выстраивали картину преемственности дореволюционной и советской исторической науки: ученый, оставшийся на старых методологических позициях (С.Б. Веселовский), вводит в использование конкретно-

¹⁵⁸ Каштанов С.М. О методологии А.А. Зими́на и его концепции опрични́ны // Историк во времени... С. 97–99; Он же. К 80-летию А.А. Зими́на // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 226–227.

¹⁵⁹ Муравьев В.А. Александр Александрович Зимин // Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000. С. 166–175; Он же. А.А. Зимин – историк в контексте эпохи // Историк во времени... С. 91–97.

¹⁶⁰ Дубровский С.М. Еще раз о «великом государе»: новые труды об опричнине // Знамя. 1965. № 1. С. 211–216.

¹⁶¹ Бурдей Г.Д. Опричнина в новой исторической литературе // Преподавание истории в школе. 1964. № 6. С. 27–34.

исторические построения, советский историк (А.А. Зимин) строит на их основе «верные» выводы концептуального характера.

Рецензия В.Б. Кобрин¹⁶² также полна позитивных характеристик. Главную заслугу историка В.Б. Кобрин, как и вышеназванные рецензенты, видел в создании новой концепции опричнины, основанной на марксистско-ленинских принципах. Рецензент отметил и повышенное внимание историка к генеалогическим разысканиям, что на тот момент было безусловным новаторством¹⁶³. Критические замечания касались лишь отдельных конкретно-исторических выводов историка. Конечный вывод В.Б. Кобрин звучал следующим образом: «... рецензент согласен с концепцией опричнины, изложенной в новой книге А.А. Зимины. Что касается дальнейшего исследования опричнины, то тщательный анализ истории феодального землевладения и иммунитета в те годы, конкретные работы по истории опричной политики в отдельных уездах – таковы, на взгляд рецензента, пути изучения этого явления»¹⁶⁴. Иначе говоря, В.Б. Кобрин считал общую картину опричной политики уже обрисованной, отводя всем остальным ученым роль ее комментаторов, заполняющих схему новыми фактами и вносящих отдельные коррективы.

Более критичен отзыв, написанный любимым учеником А.А. Зимины С.М. Каштановым¹⁶⁵. Согласившись с учителем в видении «главных объектов политической борьбы в годы опричнины», он, однако, считал, что этим ее цели далеко не исчерпывались. По С.М. Каштанову «новым, специфическим моментом в опричнине было создание привилегированной части господствующего класса». В целом же опричнину рецензент пытался представить как «несуразную репетицию абсолютизма», что проявлялось как в попытке оформить «нарождающийся класс крепостников нового типа», так и в тенденции «применять колониальные методы

¹⁶² Кобрин В.Б. Рец. на кн. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964 // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 153–157.

¹⁶³ Целесообразность существования генеалогии в советской исторической науке неоднократно ставилась под сомнение. Многие видели в ней аристократическую забаву, совершенно чуждую новой науке, опирающейся на принципы классового анализа. К счастью, дореволюционные традиции не были брошены благодаря стараниям С.Б. Веселовского, а после его смерти А.А. Зимин и В.Б. Кобрин смогли «реанимировать» эту отрасль исследований (чему способствовала и смена идеологического климата в стране).

¹⁶⁴ Там же. С. 157.

¹⁶⁵ Каштанов С.М. Книга о русском войске XVI века // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 87–90.

эксплуатации непривилегированных территорий»¹⁶⁶. Трудно сказать, что именно имел в виду С.М. Каштанов. Возможно предположить, что рецензент в завуалированной форме говорил о зарождении в XVI в. предбуржуазных отношений, тесно связанных с политикой опричнины¹⁶⁷. Однако, что бы конкретно не подразумевал С.М. Каштанов, суть его претензий в адрес учителя вполне ясна – А.А. Зимин игнорирует социально-экономическое содержание опричнины, стремясь отнести ее причины исключительно к политической сфере жизни общества.

Полностью отторг все соображения А.А. Зимины молодой ленинградский историк Р.Г. Скрынников¹⁶⁸. В своих рассуждениях он изначально исходил из мысли о боярско-княжеской среде как противнике централизации государства (при этом, следует сказать, данная идея им не обосновывается, а принимается в качестве аксиомы). Характерно следующее его высказывание: «В концепции А.А. Зимины остаются невыясненными многие вопросы и, в частности, почему носителями традиций феодальной раздробленности в середине XVI в. выступает не княжеско-боярская знать, а московская церковь и одна из земель, в которой местное боярство было экспроприровано еще в XVI в.? Почему из всех удельных князей только один Старицкий выступал как проводник удельной раздробленности и децентрализации в период опричнины? Наконец, как вся прочая боярская знать... стала в XVI в. поборницей московской централизации?»¹⁶⁹. Р.Г. Скрынников словно пытался найти у своего старшего коллеги то, что в его построениях попросту отсутствовало – объяснение опричнины обстоятельствами социальной борьбы той эпохи. Вопросы носили риторический характер. Р.Г. Скрынников демонстрировал отсутствие в концепции А.А. Зимины столь необходимого, с его точки зрения, объяснения происходивших в XVI в. Событий посредством социальных кон-

¹⁶⁶ Там же. С. 88-89.

¹⁶⁷ Отсюда и последовавшие вслед за приведенной фразой замечания в адрес С.М. Дубровского: «Рецензент (С.М. Дубровский – М.Б.) отождествляет самодержавие с абсолютизмом... Абсолютизм является, как известно, специфической политической формой, возникшей в условиях разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений. В России XVI века мы видим лишь предпосылки этого процесса» (Там же. С. 89).

¹⁶⁸ См.: Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 152–174.

¹⁶⁹ Там же. С. 153–154.

фликтов эпохи. Как это было показано выше, этого в концепции историка не было.

Из этой разницы подходов выросли все его дальнейшие контраргументы. В своей статье он привел многочисленные примеры того, что царская власть в годы опричнины продолжала раздавать крупные земельные владения князьям, на основании чего делался вывод: «ни Грозный, ни его опричная дума не выступали противниками крупного удельнокняжеского землевладения»¹⁷⁰. При этом, как отметил С.М. Каштанов¹⁷¹, Р.Г. Скрынников в качестве равных по статусу рассматривал возникшее в годы боярского правления обширное и во многом автономное Старицкое княжество наряду с созданными царем и полностью зависимыми от его воли новообразованиями.

Логично предположить, что выход в свет этой статьи Р.Г. Скрынникова должен был бы породить дискуссию двух ученых на страницах научной печати. Однако таковая не состоялась. А.А. Зимин от спора уклонился, хотя Р.Г. Скрынников в своих последующих монографиях будет высказывать критические замечания в его адрес. Вероятно, это был шаг осознанный и продуманный – открытая полемика могла обнаружить, что в основе выстроенной А.А. Зиминим концепции лежат позитивистские представления о многофакторном характере исторического процесса.

Монография об опричнине, таким образом, была в целом принята научным сообществом. Выходом этой книги в свет историк вновь набрал пошатнувшийся «научный капитал». Возможно, это сыграло свою роль в том, что А.А. Зимин еще долгое время удерживал «завоеванные высоты», хотя о дальнейшем его карьерном продвижении говорить не приходится. И в то же время некоторые из сделанных рецензентами в его адрес замечаний свидетельствуют о том, что существовала опасность «обнажения», раскрытия не-марксистских основ его концепции.

В дальнейшем построения А.А. Зимина будут успешно восприняты советской исторической наукой. Наиболее ярким их последователем и транслятором

¹⁷⁰ Там же. С. 173.

¹⁷¹ Каштанов С.М. Книга о русском войске XVI века. С. 88.

был В.Б. Кобрин. Свидетельством усвоения концепции А.А. Зимина может служить ее воспроизведение в учебной литературе¹⁷². Альтернативную ей версию событий той эпохи выстроит Р.Г. Скрынников. Согласно последнему, изначально опричнина была направлена именно против княжеско-боярской аристократии, игравшей слишком большую роль в управлении государством. При этом он признал отсутствие прямой связи репрессий и насильственных переселений с последующей конфискацией владений того или иного лица в опричнину (то есть о возвращении к концепции С.Ф. Платонова в его рудах речи не шло). Выступление служилых людей на Соборе 1566 г., считал Р.Г. Скрынников, показало, что Иван Грозный утрачивает контроль над страной, что и заставило его перейти к массовым репрессиям, коснувшимся уже всех социальных слоев и групп населения¹⁷³.

Переосмысление прежних концептуальных версий событий опричной эпохи начался в конце 1980. Так, Д.Н. Альшиц предложил видеть в опричнине инструмент ликвидации зачатков сословного представительства¹⁷⁴. А.Л. Хорошкевич, В.Н. Шаров, вслед за ними Д.М. Володихин связывали опричнину с внешнеполитическими обстоятельствами, видели в ней в первую очередь военную реформу, попытку создать боеспособную армейскую организацию¹⁷⁵. А.Л. Юрганов обратился к социокультурному контексту бытования опричнины. Ее главную движущую пружину он обнаружил в эсхатологических ожиданиях эпохи и намерении царя очистить страну от скверны¹⁷⁶. Формально большинство из них не отрицали идей А.А. Зимина и вполне сочетались с ними, дополняли его концептуальную версию. А.Л. Хорошкевич открыто об этом говорила. Однако эти дополнения носили столь существенный характер, что можно говорить именно о новых концепциях опричнины. Стоит отметить, что ни одна из них не стала преобладающей.

¹⁷² История России с древнейших времен до 1861 г. / под ред. Н.И. Павленко. 1-е изд. М., 1996; 2-е изд. М., 2001; 3-е изд. М., 2004.

¹⁷³ См. Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966; Он же. Опричный террор. Л., 1969; Он же. Иван Грозный. Л., 1975 и др.

¹⁷⁴ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988.

¹⁷⁵ Шаров В. Опричнина // Родина. 1991. № 1. С. 22–24; Он же. Опричнина Ивана Грозного: что это такое? (Лекция, прочитанная в Гарвардском университете в 1989 г.) // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 116–130; Хорошкевич А.Л. Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.... Вып. 2. С. 289–290; Она же. Царский титул Ивана IV и боярский "мятеж" 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3. С. 23–42; Володихин Д.М. Иван Грозный. Бич Божий. М., 2006.

¹⁷⁶ Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75.

«Холопы на Руси: концепция «дофеодального периода» и восприятие монографии советскими историками. Другим значительным направлением научных изысканий историка стала социально-экономическая история Киевской Руси. Возврат ученого к данной проблематике представляется продиктованным самой логикой развития советской исторической науки.

Для того, чтобы понять сущность представлений А.А. Зимина об общественном строе древних славян, следует обратиться к дискуссиям 1930 – конца 1940-х гг.¹⁷⁷, когда выкристаллизовались три основных точки зрения по данному вопросу. Сторонники первой (в хронологическом порядке их появления) позиции (Б.Д. Греков, А.В. Арциховский) полагали, что древнерусское общество, миновав стадию рабовладельческой формации, сразу же перешло к феодализму. Их непосредственные оппоненты (И.И. Смирнов и В.В. Мавродин¹⁷⁸ в дискуссии 1933 г., А.В. Шестаков в 1939 г., П.П. Смирнов, А.И. Яковлев¹⁷⁹), во многом опиравшиеся на печально известную «пятичленку», сформулированную в «Истории ВКП(б). Краткий курс», говорили о господстве в Киевской Руси рабовладельческих отношений. Однако наибольшее распространение в те годы получила так называемая концепция «дофеодального периода» (название было взято из «Замечаний по поводу конспекта учебника по истории СССР»). Свое отражение она нашла в работах С.В. Бахрушина, В.В. Мавродина и С.В. Юшкова¹⁸⁰. С их точки зрения древнерусское общество представляло собой переходный феномен, стоящий на стыке первобытнообщинной и феодальной формации (четко обозначить его формационную принадлежность они не смогли). Специфика его заключалась в одновременном сосуществовании и конкуренции трех общественно-экономических укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального. Последний по-

¹⁷⁷ Можно выделить три самые крупные публичные полемики: 1933 г. в ГАИМК, 1939 г. в Институте истории АН СССР и 1940/41 гг. в Институте права АН СССР.

¹⁷⁸ Биографию В.В. Мавродина см.: Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин: страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

¹⁷⁹ О А.И. Яковлеве см.: Бочкарев В.Н. А.И. Яковлев // Записки Мордовского НИИ языка, литературы и истории. 1952. № 15. С. 101–120; Тихонов В.В. «В истории так мало незыблемых истин...» (К 120-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) // История и историки. 2008. Историкографический вестник. М., 2010. С. 289–317.

¹⁸⁰ О С.В. Юшкове см.: Штамм С.И. Серафим Владимирович Юшков (1888—1952) // Правоведение. 1988. № 1. С. 57–66; Кострюков П.А. С.В. Юшков - основоположник советской историко-правовой науки // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 2. С. 92—97.

степенно укреплял свои позиции, пока не превратился в господствующий, в результате чего и произошел переход к феодализму.

С конца 1930-х до конца 1940-х гг. лидирующей в советской историографии оставалась именно последняя версия (что объяснимо как факторами политико-идеологического характера, так и ее опорой на длительную историографическую традицию изучения Древней Руси). Ситуация резко изменилась после крупной печатной дискуссии о критериях периодизации истории России, проходившей на страницах журнала «Вопросы истории»¹⁸¹. В советской историографии возобладала точка зрения о феодальном характере древнерусского общества, превратившаяся в официально принятую и одобренную «сверху». Вероятно, в этом немалую роль сыграло и упрочение позиций Б.Д. Грекова как крупного администратора. Впрочем, его концепция была существенно модернизирована Л.В. Черепнинным и В.Т. Пашуто. В исторических источниках не удалось обнаружить достоверных упоминаний о существовании до XI в. крупного землевладения, поэтому была сформулирована идея о государстве как верховном собственнике земли в Киевской Руси, а выплачиваемая князю дань отождествлялась ими с феодальной рентой. С этого момента все крупнейшие представители концепции «дофеодального периода», такие, например, как В.В. Мавродин и С.В. Юшков, начинают развивать точку зрения о феодальном характере Киевской Руси (характерно, что они при этом воспроизводили устаревшую концепцию Б.Д. Грекова, ставшую для них своего рода инструментом отстаивания своей автономии). Полагаем, именно из-за этих событий забросил свои научные изыскания о Киевской Руси и А.А. Зимина.

«Реанимация» концепции «дофеодального периода» произошла в 1960-е гг., что было во многом связано со смягчением идеологического контроля над наукой. Стимулом к новому пересмотру представлений о социально-экономическом устройстве Киевской Руси стала монография И.И. Смирнова, содержащей ряд нестандартных положений (в частности, тезис об увеличении роли рабского труда в хозяйстве феодала по мере роста развития феодального землевладения). Вслед за

---

¹⁸¹ Об обстоятельствах и ходе полемики см.: Дубровский А.М. Историк и власть... С. 599 – 625; Юрганов А.Л. Русское национальное государство... С. 575–672.

ней вышла в свет статья Н.Л. Рубинштейна, в которой автор открыто говорил о своей приверженности концепции «дофеодального периода». С середины 1960-х гг. берет свое начало деятельность И.Я. Фроянова, ставшего самым крупным продолжателем и транслятором подобных представлений. Впоследствии вокруг него сформируется большая школа исследователей Киевской Руси. Советские медиевисты А.И. Неусыхин, А.Р. Корсунский, А.Я. Гуревич приложили концепцию «дофеодального периода» к западноевропейскому материалу¹⁸².

К вопросам истории Киевской Руси в 1960 – начале 1970-х гг. вновь обратился и А.А. Зимин¹⁸³. Необходимо отметить, что все новые исследования историка базировались на его старых разработках начала 1950-х гг.¹⁸⁴ Какой-либо существенной переработке или коррекции они не подверглись. Несмотря на это взгляды ученого вновь оказались оригинальными для своего времени.

Начало феодального периода А.А. Зимин датирует IX в., а точнее моментом «появления в Киеве первых князей после объединения Киевской и Новгородской земли». Однако историк тут же оговаривает: «...феодальные отношения распространились в древней Руси не сразу и не везде одинаково. В.И. Ленин специально подчеркивает, что “можно говорить о родовом быте в древней Руси”. Речь идет не о господстве первобытнообщинных отношений, а о длительном процессе феодализации и изживания черт “родового быта”»¹⁸⁵. Таким образом, первый этап феодального периода изображается им в качестве переходного. В этом он следовал

¹⁸² См.: Данилова Л.В. Изучение истории феодальной России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 110–126, 146–161; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996. С. 211–318; Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 168–319; Фроянов И.Я., Мавродин В.В. Общественный строй Киевской Руси // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 85–118.

¹⁸³ Зимин А.А. О смердах Древней Руси XI – начала XII вв. // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 222–228; Он же. Холопы Древней Руси // Тезисы докладов I симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада. Кишинев, 1964. С. 22–28; Он же. Холопы Древней Руси // История СССР. 1965. № 6. С. 39–75; Он же. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 230–275; Он же. Смерды в законодательстве Владимира Мономаха // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 43–52; Он же. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) М., 1973. Т. к. все вышеуказанные статьи вошли в состав монографии «Холопы на Руси», то последующие сноски мы будем делать именно на эту книгу.

¹⁸⁴ Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. С. 73–76, 85–106, 137–189, 201–105; Зимин А.А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 69–76; Зимин А.А., Насонов А.Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 89–91; Зимин А.А., Поляк А.Г. Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 116–122; Зимин А.А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // Труды МГИАИ. М., 1954. Т. VII. С. 155–208; Он же. Новые списки Русской Правды // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 323–330.

¹⁸⁵ Он же. Феодальная государственность и Русская Правда. С. 234.

своей старой статье, в которой включил «дофеодальный период» в состав феодальной формации¹⁸⁶.

Особое внимание историк уделил вопросу о существовании в Киевской Руси крупного землевладения. Тщательный разбор приводимых Б.Д. Грековым источниковых свидетельств его существования показал, что они являлись либо позднейшими вставками, либо результатом неверной интерпретации приводимой в летописях информации. Первые достоверные свидетельства о княжеском землевладении, согласно историку, относятся лишь ко времени правления Ярослава Мудрого.

Процесс феодализации, согласно историку, проходил в два этапа. Первый этап (конец IX–XI вв.) в его изображении выглядит временем разложения родовых отношений и усиления социальной дифференциации. На втором этапе (XI–XII вв.) начинается процесс активного генезиса феодальных отношений. В целом феодализация общества, согласно историку, проходила двумя путями: во-первых, посредством постепенной трансформации дани и полюдья в феодальную ренту и, соответственно, становления верховной государственной собственности на землю; во-вторых, через распространение крупного землевладения, постепенное закабаление свободных общинников и формирование двух основных классов феодального общества. При этом А.А. Зимин подчеркивал: «... в середине XI в. основная масса крестьянства на Руси еще не была закрепощена. Только отдельные разорившиеся представители ее сковывались тяжелыми путами холопьем и феодальной зависимости»¹⁸⁷. Кроме того, так называемые «феодальные вотчины в основном обслуживались трудом зависимого населения, рабов»¹⁸⁸.

Окончательно утверждение феодализма на Руси А.А. Зимин связывал с крестьянскими волнениями 1068–1071 гг. и восстанием в Киеве 1113 г. После них были приняты новые законодательные сборники, в которых фактически воедино сливалось общегосударственное право и княжеский устав, государство фактиче-

¹⁸⁶ Он же. Некоторые вопросы периодизации истории СССР... С. 71.

¹⁸⁷ Он же. Холопы на Руси... С. 115.

¹⁸⁸ Там же. С. 100–101.

ски превращалось в княжеский домен. С этого момента «Русь вступала в период развитого феодализма»¹⁸⁹.

История холопства в его изображении весьма тесно переплетается с процессом становления феодализма. Так, он полагал, что вместе с социальной дифференциацией в IX–X вв. ушло отношение к рабам как младшим членам патриархального семейства, они превратились в собственность главы семьи, о чем свидетельствует их появление на рынке в качестве объекта купли-продажи. В XI–XII вв. из общей массы холопов начинают выделяться категории, по своему статусу располагавшиеся на грани рабства и феодальной зависимости (смерды и рядовичи)¹⁹⁰. Окончательно процесс их превращения в феодально-зависимое крестьянство, согласно логике ученого, оказался закреплен Пространной редакцией Русской правды.

К сожалению, эта работа историка в полной мере так и не была оценена ее современниками. Внимание читателей оказалось приковано именно на описании института рабства, при этом вне поля их зрения остались зарисовки социально-экономического развития Киевской Руси. Свидетельством тому может служить рецензия, написанная В.В. Мавродиным, И.Я. Фрояновым и А.Л. Шапиро. В начале ее авторы отметили, что «возникновение феодализма без эволюции рабства в крепостничество правильно понять нельзя»¹⁹¹, но при этом все их дальнейшее изложение оказалось сосредоточено именно на изображении А.А. Зиминным института рабства.

Монографию А.А. Зимины начали воспринимать именно как книгу о холопстве. Весьма симптоматично, что «мимо» противостоящих официальным установкам идей «прошли» два таких сторонника концепции «дофеодального периода», как В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов. Во многом это непонимание стало следствием самой компромиссной позиции А.А. Зимины. Историк в своей книге напрямую не декларировал свою приверженность идеям «дофеодального периода».

¹⁸⁹ Там же. С. 197.

¹⁹⁰ Зимин А.А. Холопы на Руси. С. 95–114, 117–142, 197–232

¹⁹¹ Мавродин В.В., Фроянов И.Я., Шапиро А.Л. Рец.: А. А. Зимин. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.: Наука, 1973 // История СССР. № 3. С. 198.

Сделал свое дело и терминологическая путаница – включив «дофеодальный период» в состав феодализма, А.А. Зимин в качестве синонимичного ему использовал термин «раннефеодальный период». Он по-иному расставлял акценты, фокусируя внимание читателей не на архаических элементах древнерусского общества, но на процессе их постепенного изживания, становления феодальных отношений. Кроме того, А.А. Зимин солидаризировался с Л.В. Черепниным и представителями концепции «государственного феодализма», видя в качестве одного из путей зарождения феодального строя трансформацию дани в ренту и появление верховной собственности государства на землю. Однако если Л.В. Черепнин считал этот процесс ко времени появления Киевской Руси уже завершенным, то А.А. Зимин относит этот момент к началу XII в. Наконец, большинство московских историков – коллег А.А. Зимина придерживались именно концепции «государственного феодализма», а потому в его творчестве предпочли не замечать чуждых им идей.

А.А. Зимин и И.Я. Фроянов: некоторые аспекты взаимоотношений. В свете приведенных выше соображений весьма актуальным представляется вопрос о взаимоотношениях А.А. Зимина и И.Я. Фроянова. Из историографов лишь В.С. Брачев коснулся его в статье о начале творческого пути своего старшего коллеги¹⁹².

К сожалению, единственным известным диссертанту источником, рассказывающим об обстоятельствах личного знакомства этих ученых, являются воспоминания И.Я. Фроянова. Так как диссертант не располагает аутентичными источниками (дневниковые записи, письма), равно как и воспоминаниями иных лиц, то перепроверить данные сведения не представляется возможным.

Высшее образование И.Я. Фроянов получил в Ставропольском педагогическом институте, где его учителем стал В.А. Романовский. Он считался одним из лучших студентов (так, по собственной инициативе будущий историк составил 100-страничный реферат, посвященный зависимым категориям населения древнерусского общества) и пользовался расположением научного руководителя. По-

---

¹⁹²Брачев В.С. И.Я. Фроянов: начало творческого пути // Исследования по Русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 27.

этому, когда в 1962 г. В.А. Романовского направили на Всесоюзное совещание историков Москву, он взял с собой ученика. Уже в столице В.А. Романовский нанес визит Н.К. Гудзию, опять же, взяв в компанию И.Я. Фроянова. Далее, как пишет последний, «узнав, что я привез с собою “опус” (уже упоминавшийся реферат – М.Б.) и хотел бы показать его специалисту в области древнерусской истории, Николай Калининвич спросил, о ком конкретно идет речь. Я назвал имя Александра Александровича Зимины»¹⁹³. Н.К. Гудзий в течении нескольких минут по телефону договорился об их встрече, которая состоялась на следующий день в Институте истории. А.А. Зимин прочел реферат, дал ему высокую оценку и даже написал на него небольшой письменный отзыв, содержащий и критические замечания.

Окончив в следующем году Ставропольский педагогический институт, И.Я. Фроянов предпринимает попытку поступить в аспирантуру под руководство А.А. Зимины. Тот смог предложить ему аспирантуру при МГИАИ, но при этом поставив несколько условий. Во-первых, необходимо было «выбрать тему, более соответствующую профилю вуза, желательно источниковедческую и относящуюся к более позднему периоду истории России, на худой конец – историографическую»; во-вторых, ему предстояла конкуренция с ученицей А.А. Зимины (ученый, следует отметить, обещал ему: «Кто из вас на экзаменах перетянет – того и возьму»¹⁹⁴). И.Я. Фроянов отказался от представившейся ему возможности. В своих воспоминаниях он в первую очередь объясняет это нежеланием соперничать с другим учеником историка. После неудачной попытки поступить в МГУ он уехал в Ленинград, где, фактически на тех же условиях, что предлагал ему и А.А. Зимин, стал аспирантом ЛГУ. После смены двух научных руководителей учителем И.Я. Фроянова стал В.В. Мавродин, который позволил в дальнейшем развивать уже начатую в студенческом реферате тему.

Если И.Я. Фроянов в своем рассказе не допустил каких-либо серьезных искажений фактов (следует учесть большой временной разрыв между описываемы-

¹⁹³ Фроянов И.Я. От автора // Фроянов И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010. С. 10.

¹⁹⁴ Там же. С. 11–12.

ми событиями и моментом составления рассказа), остается признать – А.А. Зимин проявил большую заинтересованность в молодом провинциальном исследователе. Если исходить из списка опубликованных работ ученого, то именно с 1962 г., года встречи этих двух ученых, А.А. Зимин вновь возвращается к теме истории Киевской Руси, причем в сфере его интересов, подчеркнем вновь, были именно зависимые категории населения древнерусского общества. Можно предположить, это в первую очередь и определило его симпатии.

Тему, затронутую в реферате, И.Я. Фрояновым в дальнейшем было решено развить в кандидатской диссертации, сам реферат, после определенной редакционной доработки, включить в ее состав. Диссертация получила название «Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)»¹⁹⁵. Защита состоялась 17 ноября 1966 г. Официальными оппонентами выступили ленинградский историк А.И. Копанев¹⁹⁶ и А.А. Зимин.

Диссертант не ставит своей задачей анализ процесса защиты кандидатской диссертации И.Я. Фроянова¹⁹⁷, ограничимся исключительно отзывом А.А. Зимина¹⁹⁸.

В начале отзыва А.А. Зимин написал: «... каждый ученый, обратившийся к этой теме (социально-экономическая история Киевской Руси – М.Б.), обязан не просто повторить имеющиеся в литературе выводы или их комбинацию, а внести какой-то новый аспект исследования, который позволяет приблизить окончательное решение вопроса... И надо сказать, что И.Я. Фроянов со своей задачей справился».

¹⁹⁵ Первоначально она была опубликована в составе монографии: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. В полном виде была опубликована в 2010 г., см.: Он же. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010. С. 21–258.

¹⁹⁶ О нем см.: Ирошников М.П. Александр Ильич Копанев // Александр Ильич Копанев: сб. статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 9–13; Ивина Л.И. Монография А.И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.» и ее историографическое значение // Там же. С. 14–22; Алексеев Ю.Г. История русского крестьянства глазами Александра Ильича Копанева // Там же. С. 28–35.

¹⁹⁷ Анализ содержания диссертации, равно как и описание процесса ее защиты см.: Брачев В.С. И.Я. Фроянов: начало творческого пути. С. 31–47; Пузанов В.В. Начало большого пути // Фроянов И.Я. Зависимые люди... С. I–XX.

¹⁹⁸ Зимин А.А. Отзыв о кандидатской диссертации И.Я. Фроянова «Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)». Л., 1966 г. // Фроянов И.Я. Зависимые люди... С. 276–283. Необходимо отметить, что опубликованные в монографии материалы защиты диссертации полностью лишены научно-справочного аппарата, отсутствуют указания на их местоположение (из вышеупомянутой статьи В.С. Брачева можно заключить, что они взяты из Объединенного архива СПбГУ, см.: Брачев В.С. И.Я. Фроянов: начало творческого пути. С. 33). К сожалению, у нас нет доступа к первоисточнику, поэтому мы вынуждены ограничиться использованием этой публикации.

вился вполне»¹⁹⁹. Этим историк фактически ставил диссертанту в заслугу то, что он смог в условиях прочно утвердившихся представлений об общественном строе древнерусского общества представить и аргументировать собственную, отличную от общепринятой, точку зрения. Это признание тем более ценно, что А.А. Зимин предлагал И.Я. Фроянову сменить тематику своего исследования²⁰⁰. В своем отзыве он подчеркивает ряд построений И.Я. Фроянова, которые, полагаем, сближали научные воззрения двух ученых. Так, понимание А.А. Зимина нашли такие идеи диссертанта, как отождествление дани с контрибуцией, представление о длительности процесса вызревания феодальных отношений и многообразии путей их становления. Импонировало ему и то, что И.Я. Фроянов «отказался от представления о единстве этнической и государственной структуры Киевской Руси»²⁰¹. Важной новацией в исследовании молодого историка А.А. Зимин считал его опору на данные летописных источников (сам А.А. Зимин, напомним, «выстраивал» свои исследования вокруг текста Русской Правды). Именно в них, подчеркивал он, отражена повседневная жизнь основной части населения древнерусского общества, в то время как законодательные акты, как правило, касались лишь вопросов княжеской вотчины и деятельности государственного аппарата.

И.Я. Фроянову было сделано несколько существенных замечаний. В частности, А.А. Зимин отторг противопоставление им челяди и холопов. Не видел он и достаточных оснований для того, чтобы в состав смердов включать данников из покоренных племен.

Характерно, что в своем ответном слове И.Я. Фроянов не стал отвечать на сделанные ему А.А. Зиминим замечания, мотивируя это следующим образом: «Насколько я понял, между мной и Александром Александровичем Зиминим бездны нет. Речь идет о нюансах»²⁰². И.Я. Фроянов был прав лишь отчасти – за-

¹⁹⁹ Там же. С. 176.

²⁰⁰ В конце своей жизни А.А. Зимин напишет в мемуарах: «Нужно было больше прислушиваться к желаниям своих студентов, учитывать индивидуальные особенности каждого, а не навязывать темы по своему вкусу» (Зимин А.А. Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 78). Возможно, казус с И.Я. Фрояновым, который смог реализоваться как ученый именно потому, что ему было позволено разрабатывать любившуюся тему, внес свой вклад в появлении подобной критической самооценки.

²⁰¹ Там же. С. 277.

²⁰² Заседание Ученого совета исторического факультета ЛГУ. 17 ноября 1966 г. (стенограмма) // Фроянов И.Я. Зависимые люди... С. 265.

мечания А.А. Зимина касались весьма существенных положений его диссертации. Но отзыв историка показывает – оба они придерживались сходных воззрений о процессе становления феодализма в Древней Руси, оба в целом разделяли положения концепции «дофеодального периода». Участие А.А. Зимина в защите И.Я. Фроянова способствовало накоплению последним символического «научного капитала».

Участие А.А. Зимина в роли официального оппонента предполагалось и при защите докторской диссертации И.Я. Фроянова в декабре 1973 г. Однако А.А. Зимин в это время был болен, на защиту явиться не смог и ограничился предоставлением письменного отзыва²⁰³. Как и в своем предыдущем отзыве, А.А. Зимин начинает с констатации того, что «автор не побоялся взяться за тему, которая освещена замечательными именами, составляющими гордость нашей отечественной науки»²⁰⁴.

Одобрение оппонента получило и утверждение И.Я. Фроянова о переходном характере сельской общины Древней Руси, сочетавшей в себе черты общины родовой и соседской. «Очень обстоятельно»²⁰⁵, по словам А.А. Зимина, у И.Я. Фроянова аргументирована мысль об отсутствии в X в. феодального домена. Интересным, но малообоснованным в тексте диссертации признал он и тезис о кормлениях как основном источнике боярских доходов.

В то же время, по сравнению с отзывом на кандидатскую диссертацию, явен рост критических замечаний в адрес диссертанта, хотя они и носят конкретно-исторический характер и, как правило, не затрагивают основ общей концепции И.Я. Фроянова. Согласно А.А. Зимину, «если б работа И.Я. Фроянова была бы обоснована в большей мере источниковедческими мотивами, то некоторые его выводы получили бы новое подкрепление, а может быть от некоторых он бы и отказался»²⁰⁶. А.А. Зимин всегда выстраивал свои разработки на основе тщательно-

²⁰³ Зимин А.А. Отзыв о докторской диссертации И.Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» Л., 1973 г. 400 м/п л. // Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 327–337. К сожалению, в данной публикации, как и в предыдущей, полностью отсутствует научно-справочный аппарат.

²⁰⁴ Там же. С. 327–328.

²⁰⁵ Зимин А.А. Отзыв о докторской диссертации И.Я. Фроянова... С. 333.

²⁰⁶ Там же. С. 331.

го и скрупулезного анализа всех имеющихся в его распоряжении источников, поэтому подобное замечание, высказанное им, можно считать весьма серьезным. Согласно историку, И.Я. Фроянов при анализе 1 статьи Пространной Правды ограничился лишь общими логическими рассуждениями, не связывая ее возникновение с историей развития текста Русской Правды в целом. Совершенно механически, исключительно на основании упоминаний в тексте термина «князь», И.Я. Фроянов выделял в составе Краткой Правды княжеский устав. Таковой подход, полагал А.А. Зимин, свидетельствует о том, что диссертант рассматривает источник не как единое органическое целое, а лишь как набор отдельных статей.

Фактически оппонент обвинил И.Я. Фроянова в грубейшем забвении основополагающих принципов работы с источниками, в невнимании к системному подходу, по сути у А.А. Зимина речь шла о том, что для И.Я. Фроянова умозрительные схемы развития общественного строя Киевской Руси важнее, чем конкретно-исторический материал. Подобное историк принять не мог. Но в то же время отзыв его, подчеркнем еще раз, оставался благожелательным и свидетельствовал о том, что он в целом разделяет подобные представления о социально-экономической истории Руси IX–XII вв.

Выводы. Переход историка от «стратегии преемственности» к «стратегии подрыва» сразу же ярко отразился на его творчестве. В «Опричнине Ивана Грозного» А.А. Зимин явно переходит к позитивистской трактовке исторического процесса (ранее его труды располагались на стыке позитивизма и марксизма), что заметно из взгляда на политическую сферу жизни общества как на самодостаточную силу, фактор общественного развития. Помимо того, он пересматривает ряд присущих «москвоцентризму» построений (противоборство боярства и дворянства заменяется противостоянием великокняжеской власти и сил «политической раздробленности», оформление централизованного государства отнесено к середине XVII в., поставлен вопрос о соотношении цели и средств централизации государства, что уже означало некоторые сомнения в прогрессивном характере этого процесса). В целом исследование это было воспринято научной средой. Сравнительно благополучно сложилась и судьба его монографии «Холопы на Руси».

Фактически в ней А.А. Зимин выступил вместе с рядом других историков, пытавшихся «реанимировать» распространенную в 1930–1940-е гг. концепцию «дофеодального периода». К сожалению, современники из всего написанного им восприняли лишь его версию истории института холопства в Древней Руси, хотя его разыскания и получили положительную оценку. Его роль как приверженца и транслятора этой концепции еще предстоит осмыслить, в том числе и посредством изучения системы личных контактов ученого. Так, например, он сыграл свою роль и в профессиональном становлении такого крупного приверженца идей «дофеодального периода», как И.Я. Фроянов. В целом необходимо отметить – если на накоплении институционального капитала переход к «стратегии подрыва» отразился отрицательно, то уровень его символического капитала не только не упал, но и, по-видимому, возрос. Однако оборотной стороной этого нового накопления стало «замалчивание» некоторых из его идей, вызывавших отторжение ученой среды.

Глава 3. Подведение итогов жизни и творчества: 1973 – 1980 гг.

§1. Физические недуги и творческое вдохновение, осмысление себя в науке как творческое завещание

Болезнь. Наиболее существенной характеристикой третьего этапа жизни А.А. Зимина стало все более и более нарастающее его отчуждение как от официальных научных институций, так, по-видимому, и от научной среды в целом. Этот вывод и побуждает нас в качестве события-маркера, очерчивающего нижнюю хронологическую грань данного этапа, рассматривать дату его увольнения из Московского Историко-архивного института. Преподаванию, как это будет показано далее, он придавал очень большое значение. Однако основа психологической трансформации облика ученого, его стратегии взаимоотношения с окружающим научным миром началась много ранее этой даты и была завершена (а, точнее, прервана) позже нее. Уже история со «Словом» дала старт «эмансипации» историка, однако не «выбила» его за рамки «поля игры» научного сообщества. Новым фактором, кардинально изменившим образ жизни и действий историка, стало резкое ухудшение его состояния здоровья.

Как уже отмечалось, в молодости А.А. Зимин перенес туберкулез. Заболевание было весьма серьезным, и, как утверждают знавшие его люди, иногда он находился на грани смерти¹. По всей видимости, именно это заболевание сказалось в пожилом возрасте: А.А. Зимин вновь начал страдать заболеваниями, связанными с легкими. Находящиеся в распоряжении автора диссертации источники не позволяют дать относительно четкой хронологической привязки начала «полосы кризиса» здоровья ученого. Так, в своих воспоминаниях Я.С. Лурье пишет: «В последнее десятилетие жизни А.А. (Зимина – М.Б.) тяжело заболел его сын. Заболел и он сам...»². Из приведенной цитаты следует, что серьезные проблемы со

¹ См. напр.: Турок-Попова К.А. Человек и Слово // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 588.

² Лурье Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине. С. 206–207.

здоровьем у А.А. Зимина начались одновременно с сыном, то есть с начала 1970-х гг. В статье Л.И. Ивиной приведена несколько иная хронологическая привязка: «Во второй половине 1970-х гг. здоровье А.А. Зимина заметно ухудшилось»³. С.М. Каштанов повествование о заболевании А.А. Зимина весьма четко связывает с выделенным им последним этапом жизни ученого (1973–1980 гг), но при этом говорит об «обострении его болезни»⁴, а не о ее появлении. Подобный разброс мнений, равно как и сведения о ранее перенесенном туберкулезе, склоняют нас к той точке зрения, что А.А. Зимин часто страдал проблемами, связанными с легкими, в последние годы жизни наступает лишь обострение уже давно «дремавшего» заболевания⁵.

Немалую роль в развитии болезни, очевидно, сыграли полученные в ходе его конфликта с научной средой и высшими научными инстанциями психологические потрясения. Самым болезненным из них стало его увольнение из МГИАИ в 1973 г. В воспоминаниях он весьма кратко, но эмоционально напишет: «В Историко-архивном я трудился свыше четверти века, а потом от меня избавились, формально как от совместителя. По “Положению” на полставки могли работать только те, кто читал лекции, а я лекций не читаю. “Часов” же для меня не оказалось»⁶. Таким образом, в своем увольнении А.А. Зимин видел помимо борьбы с совместительством и иные, скрытые причины, по всей вероятности, идеологического характера. Ни доказать, ни опровергнуть это утверждение не представляется возможным. Однако уже приводимые в диссертации факты из протокола заседания Ученого совета МГИАИ, на котором происходило выдвижение его кандидатуры на звание профессора, показывают, что некоторые основания для подобных подозрений у А.А. Зимина имелись.

Конечно же, семейные неурядицы не лучшим образом отразились на здоровье ученого. В приводимой выдержке из воспоминаний Я.С. Лурье говорилось о

³ Ивина Л.И. «Работаю, пока есть силы...». С. 151.

⁴ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. С. 384.

⁵ Того же мнения придерживается и А.Л. Хорошкевич: «Травмы 1964 г. и следующих лет усугубили старую болезнь легких» (Хорошкевич А.Л. Феномен Зимина или подранок Октября [эл. ресурс] // <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4> (дата последнего обращения - 14.05.2013).

⁶ Зимин А.А. Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 76.

болезни сына А.А. Зимина. В дальнейшем все упоминания о его заболевании надолго исчезнут из записей современников историка и лишь сравнительно недавно появились свидетельства того, что С.А. Зимин страдал психическим заболеванием. Согласно К.А. Турок-Поповой, соседке и хорошей знакомой семьи Зиминых, заболевание было диагностировано «когда сын Зиминых стал юношей», после чего «он попал в психбольницу и, может быть, даже навсегда»⁷. Если считать временем наступления юношества 17 лет, то психическое расстройство С.А. Зимина должно было быть обнаружено в середине – второй половине 1960-х гг. По вполне ясным причинам, в распоряжении диссертанта нет более никаких сведений о болезни С.А. Зимина, а дальнейшие разыскания в этом направлении не представляется возможным проводить в силу соображений морально-этического плана.⁸

Отсутствует в источниках и какая-либо определенность по поводу того, чем же был болен А.А. Зимин. А.Л. Хорошкевич говорит об обструктивном бронхите⁹. По-видимому, она называет лишь один из первоначально поставленных диагнозов. Согласно Я.С. Лурье «сначала частые заболевания принимали за бронхиты, затем определили диагноз, весьма серьезный – пневмосклероз»¹⁰. К.А. Турок-Попова озвучивает свой вариант – легочная недостаточность и эмфизема легких¹¹. Впрочем, что бы не называли в своих воспоминаниях люди, они все сходятся на одном – проблемы историка были связаны с легочной системой.

Первоначально А.А. Зимин проходил лечение в Академической больнице. Однако отношение к государственным медицинским учреждениям оказалось сильно подорвано после того, как лечащий врач историка, выслушав жалобы больного, распорядилась отправить его в Соловьевскую психиатрическую боль-

⁷ Турок-Попова К.А. Указ. соч. С. 599.

⁸ В воспоминаниях А.А. Формозова можно прочесть следующее: «Сережа (сын А.А. Зимина – М.Б.) подросток, пристрастился к вину и наркотикам и, если не сидел в больнице, буйствовал дома» (Формозов А.А. А.А. Зимин [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> дата последнего обращения - 14.05.2013). Соображения источниковедческой полноты исследования заставляют нас привести в своей работе эти сведения, однако от каких-либо комментариев к данному высказыванию мы воздержимся.

⁹ Хорошкевич А.Л. Феномен А.А. Зимина или подранок Октября // <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4> (последнее обращение 14.05.2013)

¹⁰ Лурье Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине. С. 207.

¹¹ Турок-Попова К.А. Указ. соч. С. 590.

ницу¹². После этого случая историк пользовался услугами платных врачей¹³. Лечение носило исключительно терапевтический характер. А.А. Зимину было предложено и оперативное, хирургическое вмешательство, но он от него отказался¹⁴. Последние несколько лет своей жизни историк проводил зимы в Крыму, где климат был более благоприятен для его больных легких. Первый случай подобного длительного пребывания в Крыму пришелся на осень – зиму 1976/77 гг. и был связан с весьма критическими для него обстоятельствами.

В сентябре 1976 г. А.А. Зимин с женой прибыл на отдых в поселок Форос. Однако он простыл и 25 сентября у него произошло обострение болезни – температура поднялась до 38,5°C. Через несколько дней температура снизилась до 37,4–37,5 °С. А.А. Зимин фактически оказался вынужден взять себе вторую половину отпуска, до 12 ноября. От возвращения в Москву он решил воздержаться. По его словам «врачиха воспаления легких не поставила. Следовательно, причина длительная борьба организма»¹⁵. По всей видимости, от регулярного приема антибиотиков он отказался (либо был вынужден отказаться)¹⁶, надеясь на благоприятное воздействие местного климата. По словам историка, несмотря на болезнь, он старался гулять всю первую половину дня и даже регулярно занимался гимнастикой.

Хорошо осознавая состояние своего здоровья, в конце сентября – начале октября¹⁷ А.А. Зимин пишет письмо Л.В. Черепнину, своему заведующему сектором, в котором говорит о желании «перезимовать в Форосе» и фактически просит

¹² Межова К.Г. Памяти А.А. Зимина. Штрихи к портрету // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 686–687. К сожалению, в источниках не сохранилось имя дежурившего в психиатрической больнице врача, известно лишь, что это была женщина, зато А.Л. Хорошкевич привела имя лечащего врача А.А. Зимина в Академической больнице – некая Ноздрачева.

¹³ Практически все, кто писал свои воспоминания о нем, считали их шарлатанами, занимавшихся исключительно вытягиванием денег из своего пациента. См.: Хорошкевич А.Л. Феномен А.А. Зимина или подранок Октября [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4/> (Дата последнего обращения - 14.05.2013); Межова К.Г. Указ. соч. С. 686–687. К.Г. Межова сочла нужным назвать фамилию последнего лечащего врача А.А. Зимина – Годович.

¹⁴ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. С. 384.

¹⁵ АРАН. Ф. 1791 (Черепнин Л.В.). Оп. 1. Д. 358. Л. 2.

¹⁶ «Здесь, конечно, трудно принимать экстр-меры (уколы антибиотиков и т.п.). ... Лечение же примитивное, обычное...» (Там же. Л. 2-2об).

¹⁷ Датировка основана на содержании письма – в нем в качестве даты первого обострения болезни указано 25 сентября. В следующем письме речь пойдет о втором обострении, наступившем 10 октября. Следовательно, письмо составлено между 25 сентября и 10 октября. Так как состояние историка, если верить приведенным в нем фактам, несколько стабилизировалось, скорее всего, составлено оно было в первой декаде октября.

его оказать содействие в получении «творческого отпуска в Институте на полгода или год»¹⁸.

Бытовые условия его существования были благоприятны. Так, в своем письме к Л.И. Ивиной от 11 ноября он описал их следующим образом: «... отдельная квартира (хозяйка – искусствовед, уехала до конца мая), газ, телефон (17-12-59), теплая вода, телевизор, холодильник. Прикреплен к рабочей столовой, кормят качественно, приношу обед домой, соседей нет»¹⁹. Скорее всего, жилье это он нашел лишь во второй половине октября (о чем счел нужным сообщить Л.В. Черепнину)²⁰.

10 октября произошло очередное обострение. Температура вновь поднялась до 38,7 °С. Врач выписал курс антибиотика антицилина, который историк принимал до 24 октября. Только ко второй декаде октября температуру удалось сбить до 37,2 °С. Те, кто длительное время провел с подобной небольшой температурой (до 37,5°С) знают, что она порождает слабость и существенно ухудшает самочувствие человека. Беспокойство А.А. Зимина усилил и тот факт, что 20 октября вынуждена была вернуться в Москву его жена, оставив больного мужа одного. Характерно, что 24 октября он одновременно написал письма Л.В. Черепнину²¹, А.И. Клибанову²² и М.Е. Бычковой²³, в которых вновь заявил о своем желании взять творческий отпуск.

Окончательно температуру удалось сбить только в середине ноября²⁴. Однако основные болезненные ощущения были связаны с кашлем и отхождением мокроты. Приведем лишь несколько выдержек из его писем: «Легкие как сито, через которые пластает туда и сюда мокрота»²⁵; «Легкие шипят мокротой, как

¹⁸ Там же. Л. 2-2об.

¹⁹ Ивина Л.И. «Тревожная, трудная, но жизнь» (А.А. Зимин в его письмах из Фороса) // Историк в России: между прошлым и будущим. С. 656.

²⁰ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 358. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 4–5.

²² НИОР РГБ. Ф. 648 (Клибанов А.И.). К. 80. Ед. хр. 73. Л. 1.

²³ Личный архив М.Е. Бычковой. Мы приносим большую благодарность Маргарите Евгеньевне за возможность ознакомления с письмами А.А. Зимина, равно как и за всю оказанную мне помощь в написании диссертации (в том числе консультации и личные беседы).

²⁴ Из письма к А.Л. Литвину, датированного 26 ноября 1976 г.: «... нормальная температура у меня только 8 дней» (Литвин А.Л. Эпистолярное наследие А.А. Зимина. С. 30).

²⁵ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 358. Л. 6. Датировано 18 октября 1976 г.

нарзан, сеет, как мелкий дождь, ходить трудно... Мне даже сидеть сложно (заплавают легкие), нужно двигаться, хотя это и трудно»²⁶; «... легкие все в мокроте. Тяжело. Состояние как у боксера, которого отмузузили»²⁷. Психологический дискомфорт вызывало одиночество, в письмах появляются мотивы тоски по рабочему месту, привычному кругу общения и московскому быту. Изредка А.А. Зимин все же встречался со своими знакомыми, что поддерживало его «психологическую форму» (историк В.Д. Королюк и его жена, М.С. Баев). На Новый год в гостях у него была жена и только что вышедший из больницы сын Сергей²⁸.

Итак, в Форосе он провел всю зиму, и, судя по письмам, в Москву вернулся лишь в начале марта. Несмотря на все его усилия по укреплению здоровья в феврале он вновь простудился и возвращался домой с небольшой температурой в 37,1–37,2 °С²⁹.

Как представляется, предпринятая диссертантом реконструкция свидетельствует о том, какие трудности физического плана испытывал историк в последний период своей жизни. Конечно, она не может претендовать на документальную точность, однако письма неплохо отражают внутренние, психологические переживания А.А. Зимина, его самоощущение в эти трудные для него дни. К счастью, статус научного работника (тем более научного сотрудника Института истории СССР АН СССР) в то время был высок, а материальное обеспечение весьма благоприятным. Это позволяло А.А. Зимину получать сравнительно неплохое лечение (но, конечно, не могло защитить его от халатности и некомпетентности). Как свидетельствует его переписка, зимы 1977/78 и 1978/79 гг. он также провел в Крыму³⁰. Но в 1979 г., согласно К.А. Турок-Поповой, резкое ухудшение его здоровья не позволило даже традиционно выехать в Крым³¹. Московский климат окончательно подорвал его слабый организм. 60-летний юбилей ученого отмечал-

²⁶ Литвин А.Л. Эпистолярное наследие А.А. Зимина. С. 30.

²⁷ Ивина Л.И. «Работаю, пока есть силы...» С. 151.

²⁸ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 358. Л. 8; Ивина Л.И. «Работаю, пока есть силы...» С. 151; Она же. «Тревожная, трудная, но жизнь...»: А.А. Зимин в его письмах из Фороса // Историк в России: Между прошлым и будущим. С. 657.

²⁹ Там же. С. 659.

³⁰ АРАН. Ф. 2068 (Юхт А.И.). Оп. 1. Д. 66. Л. 1 (письмо датировано 4 января 1979 г); ряд писем А.А. Зимина к М.Е. Бычковой из личного архива последней (письма датированы 6 декабря 1977 г., 26 декабря 1977 г., 31 января 1978 г., 7 февраля 1978 г., 15 декабря 1978). Так же см.: Ивина Л.И. «Работаю, пока есть силы...». С. 152–153.

³¹ Турок-Попова К.А. Указ. соч. С. 604.

ся исключительно по настоянию самого А.А. Зимина. Юбиляр чувствовал себя настолько плохо, что не смог выйти к праздничному столу и лежал в соседней комнате³². Три дня спустя, 25 февраля 1980 г., А.А. Зимин скончался.

Новая мотивация научного труда: «успеть». На первый взгляд, подобное тяжелое течение болезни должно было отрицательно сказаться на его работоспособности. Однако эффект был обратным. Последний этап жизни А.А. Зимина стал временем его творческого расцвета, наиболее плодотворным отрезком его жизни.

А.А. Зимин резко интенсифицирует свою научную деятельность. Упорная работа для него – способ психологически компенсировать свое крайне болезненное состояние. Согласно К.А. Турок-Поповой, на все попытки жены уговорить его отдохнуть, когда он слишком долго засиживался за печатной машинкой, А.А. Зимин отвечал: «Как ты не понимаешь, что работа – мой наркотик»³³. Для А.А. Зимина научный текст – один из способов обретения бессмертия, «средство торжества (хотя и неполного) над смертью»³⁴. К.Г. Межова вспоминает об одном визите к своему учителю в больницу. Она не смогла застать А.А. Зимина в палате, зато в глаза ей бросился заваленный книгами и выписками стол – историк работал³⁵. Его письма из Крыма свидетельствуют о том, что ученый и там, в отрыве от архивов и библиотек, продолжал заниматься научной деятельностью³⁶. Способствовало подобной интенсификации и освобождение (пусть далеко не добровольное) ученого от преподавания.

В течении рассматриваемого времени историк создал восемь научных монографий, одну научно-популярную книгу (в соавторстве с А.Л. Хорошкевич), три произведения автобиографического характера. Кроме того, А.А. Зимин, упорядочивая имеющиеся у него записи, составил из имеющихся в его распоряжении опубликованных и неопубликованных статей пять сборников («История», «Ис-

³² Там же.

³³ Там же. С. 594.

³⁴ Зимин А.А. В книжном мире // Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель. М., 2000. С. 135.

³⁵ Межова К.Г. Указ. соч. С. 686.

³⁶ Так, например, в письме к М.Е. Бычковой от 26 декабря 1977 г. он писал: «Взял с собой материала для “Юрьева дня (1573–1598 гг.)”. В частности, рассуждаю над боярством этого периода». В небольшом послании от 15 декабря 1978 г. сообщал: «Тоскую. Занимаюсь “Русской Правдой”».

точниковедение», «Дипломатика», «Литература и фольклор XV–XVI вв.», «Историография»), приблизительный объем которых составил 600 машинописных страниц³⁷. Одновременно ученый считал необходимым отредактировать, дополнить некоторые из своих монографий («Опричнина Ивана Грозного»³⁸, «Слово о полку Игореве»³⁹). При этом из всего написанного на данном этапе при жизни автора оказались опубликованы лишь две его книги⁴⁰.

Приведенные выше факты свидетельствуют о серьезной смене мотивации работы ученого. А.А. Зимин все менее и менее заботится об издании своих научных трудов. Соображения прижизненного накопления «научного капитала» уходят на второй план, уступая место экзистенциальным мотивам, стремлению к предельной самореализации и подведению итогов своей жизни. В одной из своих личных записей А.А. Зимин, сообщая о желании свести созданные им статьи в соответствующие тематические сборники, намеревался осуществить это «без оглядки на то, будут ли эти сборники храниться в одном экземпляре или когда-нибудь будут изданы»⁴¹. С восхищением он писал: «Веселовский впервые показал, что сам процесс познания истины чарующе прекрасен, а писать для историка и публиковать работы – отнюдь не совпадающие занятия»⁴². Пожалуй, лишь в стремлении оставить память о себе можно обнаружить отзвуки борьбы за «научный капитал». Фактически это означало постепенное отчуждение от научной среды, необходимость взаимодействовать с нею все менее и менее учитывалась им при написании своих работ (что, следует отметить, не означает исчезновения или существенного сужения его неформальных личных контактов с коллегами).

Наиболее ярко это отстранение от присущих полю науки «правил игры» проявилось в последней книге историка «Витязь на распутье». В ней нет ни одной ссылки на классиков марксизма-ленинизма, практически не употребляется при-

³⁷ Каштанов С.М., Чернобаев А.А. Указ. соч. С. 810, 812.

³⁸ См.: Зимин А.А. Опричнина. 2-е изд, испр. и доп. М., 2001.

³⁹ Книга была издана уже с учетом всех внесенных им изменений, см.: Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

⁴⁰ Он же. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977; Он же. Государственный архив России в XVI в. Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 1–3 (ротапринт).

⁴¹ Он же. Мой архив // Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель. М., 2000. С. 153.

⁴² Он же. Несравненный Степан Борисович // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 60.

сущая марксизму терминология («класс», «общественно-экономическая формация», «общественно-экономический уклад» и т.п.). Безусловно, эта книга не могла быть (и не была) издана в условиях существования советской системы идеологического контроля над наукой. А.А. Зимин это должен был прекрасно осознавать. Конечно же, если бы он готовил ее к скорейшей публикации, он позаботился бы о ее «идеологической» составляющей.

Историософские представления и профессиональная этика историка: «ранний» А.А. Зимин. Последние годы жизни ученого стали расцветом не только научного творчества ученого. В 1974 г. он создает рукописную, в 1976 г. – машинописную версию своих мемуаров (три книги – «Недодуманные мысли», «Храм науки», «Слово и дело»), редактирование их продолжится вплоть до его смерти⁴³. Одновременно он начинает работу по упорядочиванию, приведению в порядок своего личного архива. Характерно, что создание и хранение такового он считал не просто средством самовыражения, правом, но и обязанностью каждого ученого перед будущими поколениями историков. При этом он подчеркивал «альтруистическую» составляющую подобных усилий – личный архив будет в первую очередь содержать информацию об окружающих его создателя людей. Историки в силу специфики своей работы, подчеркивал он, должны осознать этот долг⁴⁴.

Вероятно, эта нацеленность на окружающих и явилась одной из причин того, что А.А. Зимин в личных записях (точнее, в доступных нам, опубликованных отрывках из этих записей) не пробует воссоздать собственный психологический портрет. Однако каждый человек, воссоздавая облик другого, неосознанно сопоставляет его с собой. У А.А. Зимины это наиболее ярко проявилось в его сопоставлении творчества А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: «Дерзкий, язвительный и одинокий Лермонтов мне был значительно ближе. Он был человеком, а не ангелом. Может быть, разгадка этого кроется в сходстве времен, когда мы жили (славные тридцатые), может быть, в близости идеалов»⁴⁵. Привлекала в нем историка «тихая грусть», «глубокая религиозность», то, что поэт разделял понятия

⁴³ См.: Дубровский А.М. Автобиографические рукописи А.А. Зимины. С. 5.

⁴⁴ Зимин А.А. Мой архив. С. 152–153.

⁴⁵ Зимин А.А. О книгах, театре, кино и прочем // Отечественная история. 2002. № 1. С. 14.

«государство» и «Родина». Именно с таким типом людей, нервных, крайне экспрессивных, независимых и самостоятельных в своих поступках и суждениях, и отождествлял себя историк. Его личные записи, сам стиль и манера его письма, детали его биографии, воспоминания о нем подтверждают высокую степень достоверности этого «автопортрета».

Как выглядели ценностные ориентиры историка, его представления о научной этике? Для более полного ответа на данный вопрос следует обратиться к его записям конца 1940 – начала 1950-х гг. Полагаем, именно тогда были заложены основы этических воззрений ученого.

В молодости А.А. Зимин находился под сильнейшим влиянием русской религиозной философии, что определило явное доминирование в его записях ярких религиозных мотивов. Основное содержание истории виделось ему в виде борьбы Духа с Материей, духовного очищения человечества. Соответственно, главная цель любого человека – содействовать будущему торжеству Духа. Достичь этого, по мысли А.А. Зимины, возможно лишь посредством служения окружающим тебя людям. Историк решительно отвергает путь реализации абстрактных идеалов, ведущий лишь к террору и человеческим жертвам (ученый в своих записях не привел тому конкретных примеров, но с учетом контекста, в котором был создан этот источник, нетрудно догадаться, какие события он мог подразумевать). Отвергал он и служение человеку как самоцель. А.А. Зимин писал: «Если человек – предел, конец развития мира – служение человеку может вызвать тысячи вопросов, ибо это полпути к истине, ибо это выражение более высшего Долга. ... Поэтому служение человеку – это лишь форма, в которой выражается служение великому делу Любви, той любви, которая станет потом всеобщим бытием»⁴⁶. При этом таковое служение ни в коей мере не означает забвения и уничтожения собственной личности, ее интересов и потребностей, напротив, оно предполагает раскрытие уникальных индивидуальных особенностей личности⁴⁷.

---

⁴⁶ Он же. Размышления [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiaty-zimina-zimin3/> (дата последнего обращения – 14.05.2013).

⁴⁷ Интересными представляются его проникнутые славянофильским духом размышления о соотношении личности и общества на Западе, Востоке и в России. Восток растворил личность в коллективе, фактически уничтожив инди-

Оригинальными представляются и его представления о процессе познания. Согласно А.А. Зимину «всякое знание – это процесс соприкосновения человека и внешнего мира, но больше того это такое соприкосновение, которое приводит человека к самопознанию», так как «... человек не мог бы понять того, что не заключено в нем самом»⁴⁸. При работе с историческим источником он говорил о необходимости перевоплотиться в автора этого источника, найти психологические мотивы его поступков (что, конечно же, не исключает, а, наоборот, подразумевает тщательное изучение всех иных обстоятельств его создания). Отсюда весьма оригинальное (даже для нашего времени) видение соотношения рационального и эмоционального в процессе познания. По А.А. Зимину, чувственное, эмоциональное познание (в терминологии историка «Сердце») должно доминировать над рациональным («Разум»). Именно «Сердце» принимает окончательное решение, в то время как задача «Разума» лишь предоставить максимально возможное количество вариантов решения проблемы.

Из всего вышеозначенного вытекал вывод: «Назначение твое (историка – М.Б.) – дать знать будущим, раскрыть тебе (исходя из контекста – ошибка, следует читать «себя» - М.Б.), как вершины развития Духа твоего народа. А ты сам – то история твоего народа. ... Главная задача – понять себя самого. Это возможно лишь когда ты ознакомишься с развитием человеческой мысли до тебя и части жизни твоего народа сейчас»⁴⁹. Здесь вновь парадокс – внешне эгоистическое стремление познать самого себя одновременно оборачивается способом вполне альтруистического служения окружающим и через них – Богу, Любви и т.д. Отметим тот факт, что историк акцентирует внимание не на современниках, а именно на будущих поколениях, ради которых он и должен трудиться.

видуальность, Запад породил человеческую личность как таковую, но ее дальнейшее утверждение привело лишь к эгоизму, и лишь «славяне создали высшее – они создали идеал служения человеку, к которому сейчас идет человечество. ... служение человеку и собственное счастье едино, неразрывно» (Там же). В другом месте он говорил о «всенациональности» русской нации, сочетавшей все черты всех иных народов. Его рассуждения о России явно проникнуты духом мессианизма. Впоследствии восхищение А.А. Зимина славянофилами сменится скепсисом («Появляются нацмалычки, с трепетом произносящие изречения Матфея и Луки», «"Нужно приблизиться к почве"... Но что есть почва? Березки и полуразрушенные храмы? Или железный кулак неофашистов?»). См.: Он же. О книгах... С. 10).

⁴⁸ Он же. Размышления [эл. ресурс] // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3/> (дата последнего обращения – 14.05.2013).

⁴⁹ Там же.

В текстах молодого А.А. Зимина методологические, историософские и этические воззрения неразрывно связаны, одно вытекает из другого. Историк непосредственно соприкасается с духовным миром людей другой эпохи, что налагает на него огромную моральную ответственность. А.А. Зимин напрямую не пишет об этом в своих записях, но это вполне логично вытекает из всех его размышлений. Историк должен быть чист и безупречен с нравственной точки зрения. В записях А.А. Зимина отсутствуют какие-либо указания на материальную или просто прагматическую мотивацию работы историка (впрочем, ее трудно найти и в любом ином автобиографическом тексте любого советского ученого), должного трудиться исключительно ради служения высшим идеалам. Доминирующие в тексте религиозные мотивы не оставляют сомнения – в первую очередь ученый несет ответственность перед Богом, уже затем – перед окружающими его людьми. На практике это означает постоянную рефлекссию, непрерывную моральную самооценку. Представление о познании окружающего мира как процессе самопознания делает это просто неизбежным.

Философские идеи, зафиксированные в этих записках ученого, могли бы в случае их реализации вывести творчество А.А. Зимина к таким направлениям исторической науки, как историческая антропология и история ментальностей, интеллектуальная история, история повседневности. Но могли и просто вынести его за рамки поля науки, превратив в философа или публициста. Однако, как это продемонстрировано самим изложением в предыдущих главах, в полной мере эти принципы в творчестве историка остались нереализованными. Конечно, в его работах о русской средневековой общественно-политической мысли, источниковедческих исследованиях можно обнаружить некоторые зачатки исторической антропологии, но не более того. Безусловно, социокультурная ситуация советской эпохи не могла позволить воплотить в научном труде подобные идеи. Но справедлив и иной вопрос – насколько сам А.А. Зимин был готов к тому? Лишь в зачаточном виде эти принципы присутствуют в последней монографии историка – «Витязе на распутье», хотя эта книга явно была написана без расчета на ее последующее цензурирование. Следует иметь в виду особенности используемых в дис-

сертации источников – это личные записи, рассчитанные в лучшем случае на их прочтение близкими, друзьями и родственниками, не более того. Их огласка могла привести к аресту автора. Скорее всего, они представляют собой своего рода сиюминутные размышления с низкой степенью рефлексии. Отсюда и многочисленные противоречия в тексте: так, например, отрицая служение абсолютным ценностям, А.А. Зимин призывает видеть в служении человеку инструмент служения Богу, натянутым выглядит его стремление преодолеть противоречие между эгоизмом и альтруизмом, столь же натянуто и стремление сгладить противоречие между рациональным и эмоциональным познанием, обосновать доминирование второго над первым. Сам стиль изложения более подходит для художественного или публицистического произведения.

Историософские представления и профессиональная этика историка: «поздний» А.А. Зимин. Если в конце 1940-х гг. молодой А.А. Зимин призывал: «Будь философом!»⁵⁰, то в его поздних записях появляются мотивы недоверия и даже отрицательного отношения к сфере теоретико-методологических изысканий. С.М. Каштанов в своей статье говорит о том, что в конце жизни историк сделал попытку создать историософскую работу, однако быстро отказался от своего намерения⁵¹. Предполагаем, именно бесплотность этой попытки была зафиксирована в «Храме науки»: «Я вот абсолютно лишен образности мышления, не способен к языкам, не хватает мне данных для философского осмысления истории и т.п. С этим ничего не поделаешь. Нечего пыжиться»⁵². Более того, слово «теория» в его записях приобретает явный негативный оттенок, используется для обозначения абстрактных схем, далеких от реальности, в угоду которым ученые подгоняют факты, искажают историческую действительность. Наиболее ярко, с явной долей отвращения, он выразил эту мысль в следующих строках, посвященных А.Л. Хорошкевич: «”Мне в этой книге не хватает теоретических рассуждений” – говорит она. Так ведь это хорошо, а не плохо. Именно поэтому она раскрыла мир реальной жизни в духе Веселовского, а не создала миф. Омертвевшее слово – это вол-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. С. 385.

⁵² Зимин А.А. Дети становятся взрослыми. С. 80.

чья шкура для бесконечных овец современной науки»⁵³. Конечно, появление таких оценок можно отнести на счет оппозиционного настроения ученого, завуалированного способа выразить свое недоверие к «единственно верной» марксистко-ленинской методологии. Однако для рассматриваемых записей характерно и другое – явное ослабление религиозных мотивов. Слова, наполненные религиозным смыслом – Бог, Дух, Храм и т.п. – употребляются крайне редко и в таком контексте, что их вполне возможно расценить как своего рода художественную метафору. Это крайне контрастирует с его ранним стремлением выстроить свою историософию на религиозной почве. Подтверждением тому может служить и изменение стиля его научных работ, все более и более тяготеющих к фактографизму, наиболее определенно выразившемуся в его последней монографии.

Несмотря на это его представления о научной этике остались неизменными.

Так, сохраняется призыв деятельно служить ближнему, окружающим, в противовес служению абстрактным идеалам. Этот принцип непосредственно отразился на его эстетических воззрениях. А.А. Зимин начисто отторгал идею «искусства ради искусства». Отсюда многие из его критических пассажей. Особенно много «доставалось» «Андрею Рублеву» А.А. Тарковского, который он именовал «фильмом технократическим». Историка возмутило якобы присутствовавшее в нем пренебрежительное отношение к простому народу, изображение средневековых творцов как «сверхличностей», но самое главное, как утверждал он – «действенной любви к людям нет»⁵⁴. Исходя из записей ученого, можно сделать вывод о том, что элитарное искусство претило ему, причем именно своей оторванностью от реальной жизни, погруженностью в разного рода абстракции. Отсюда, например, и его противопоставление раннего и позднего творчества Б.Л. Пастернака, причем симпатии А.А. Зимина лежат на стороне поздних стихов поэта. Отсюда и весьма критичное отношение к наследию Серебряного века, характерной чертой которого, как он полагал, являлось «бегство в воображаемый мир»⁵⁵.

⁵³ Он же. Мой истинный друг // От древней Руси к России нового времени: Сб. статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич / сост. А.В. Юрасов. М., 2003. С. 17.

⁵⁴ Зимин А.А. О книгах... С. 34.

⁵⁵ Там же. С. 15.

Под впечатлением от монографии Ю.Б. Соловьева «Дворянство и самодержавие в России конца XIX в.» (М., 1973), ученый написал небольшое историческое эссе, в котором проводил мысль о существовании в России не просто двух противопоставленных друг другу культур, но целых цивилизаций – дворянской и крестьянской. В целом размышления А.А. Зимина не носят оригинального характера, повторяя суждения славянофилов и близких к ним философов (например, Н.А. Бердяева⁵⁶). Поэтому детально рассматривать содержание эссе не представляется необходимым. Отметим лишь один интересующий нас момент – главным изъяном дворянской цивилизации, рассуждал А.А. Зимин, становится ее любовь к «дальнему» в ущерб «ближнему»⁵⁷, пренебрежение и презрение к простому народу, составлявшему крестьянскую цивилизацию. Ее уничтожение в результате событий 1917 г. историк считал благом. Именно революция, полагал он, заставила дворянство искать практическое применение своим умениям, в противном случае они бы «прожигали свои жизни в военных казармах и кутежах, не находя выхода для своих добрых чувств и применения талантов»⁵⁸. Довольно странное суждение для того, кто сам был потомком дворян (пусть и родившимся уже в Советской России). Однако эта странность лишний раз подчеркивает его мысль о необходимости служения ближнему в противовес абстрактному идеалу.

Столь же отрицательно он относился и к идее самоценности науки и научного знания. Так, фильм «Девять дней одного года» вызвал у него бурю негодования: «Мысль, пожирающая людей и надсмехающаяся над добротой и прочими сантиментами»⁵⁹. Наука всегда существует ради общества, и получаемые с ее помощью знания должны быть предназначаемы для блага людей. Работу историка он сравнивал с работой врача: «Воскрешать мертвых ничуть не хуже, а может быть, даже лучше, чем лечить живых»⁶⁰. По-видимому, именно в таком «воскрешении», явно трактуемом им как сохранение и воспроизводство исторической

⁵⁶ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁵⁷ Зимин А.А. О книгах... С. 12.

⁵⁸ Он же. В книжном царстве. С. 144.

⁵⁹ Он же. О книгах... С. 34.

⁶⁰ Там же. С. 6.

памяти о своих предках и современниках, он и видел главную миссию, возложенную на него.

Из этого императива (а не из историософских посылок, как было характерно ранее) проистекает и часто повторяемая мысль о необходимости «антропологического» разворота в исследовании. Человек прошлого, а не некие отвлеченные понятия и общности, по мысли ученого, должен находиться в фокусе зрения исследователя. Примером историка, который смог реализовать эту идею в своих трудах, для него был С.Б. Веселовский.

Здесь любопытно отметить некоторое противоречие в рассуждениях А.А. Зимина. Предлагаемый им ракурс он полагал несовместимым с некими большими теоретико-методологическими схемами (см. уже приводимую выше цитату из воспоминаний об А.Л. Хорошкевич). Когда он ведет речь о весьма и весьма симпатичных ему представителях дореволюционного поколения ученых, подчеркивает, что наиболее ценным в их работах являются конкретно-исторические построения, свободные от всяких насаждаемых властью схем⁶¹. Но в то же время А.А. Зимин отвергает и голимый фактографизм. Так, например, о том же С.Б. Веселовском он писал: «Его ценили как “знатока фактов”. Смешно! Факты для Веселовского лишь материал для размышлений. Мерилом правды для него был не источник как таковой, а жизнь, то есть его, Веселовского, понимание жизни»⁶². Следовательно, А.А. Зимин отнюдь не был противником концептуального осмысления истории. Но в этом случае остается непонятным, на основе каких критериев, посредством каких мировоззренческих подходов следует конструировать эти концепции. Противоречие еще отразится на его последних монографиях.

Несмотря на резкую критику в адрес А.А. Тарковского за его прославление «сверхличностей», А.А. Зимин сам стремился видеть в ученых людей нестандартных, необыкновенных, сравнивал их даже с религиозными пророками⁶³. Историк по-прежнему предъявлял высокие морально-этические требования к своим колле-

⁶¹ Он же. Патриархи // Александра Александрович Зимин. М., 2005. С. 37, 42–43, 57.

⁶² Он же. Несравненный Степан Борисович // Там же. С. 63.

⁶³ «"Мир всегда держался чужаками". Это ясно, как дважды два. Все основатели верований были переполнены чудачеств, как то считали добропорядочные, солидные люди. ... Ну, а что уж говорить об ученых. Их чудачества стали темой многочисленных анекдотов и снисходительных усмешек обывателей...» (Там же. С. 58).

гам по цеху: «К сокровищнице человеческой души можно прикасаться только чистыми руками»⁶⁴.

Из его воспоминаний о коллегах можно выделить ряд положительных характеристик, которые повторяются едва ли не от одного портрета к другому. Вполне логично предположить, что они и являются частью образа некоего «идеального историка», своего рода стандарта подобного человека. В первую очередь это бесребреничество, готовность отказаться от материальных и финансовых благ ради занятия наукой. В личных записях ученого наука и карьерные устремления фигурируют едва ли не как несовместимые понятия. Затем – трудолюбие и готовность преодолевать возникающие в ходе работы затруднения физического плана. А.А. Зимин привел пример И.А. Голубцова, который, несмотря на свои глазные болезни, при подготовке к публикации третьего тома «Актов социально-экономической истории» лично сверял публикуемые тексты с подлинниками источников⁶⁵. И наоборот, укором звучит его определение И.И. Полосина как «великолепного неудачника», ставшего таковым, несмотря на все свои огромные таланты, «возможно, из-за утонченно нервной организации, а м[ожет] б[ыть] из-за обстоятельств»⁶⁶. Интересна и парадоксальна другая характеристика, данная В.М. Панеяху. С одной стороны, он предстает любителем веселых кампаний, спиртного и женщин: «так что же, Витя – формалист? Разве только если считать формализмом поклонение женским формам. При этом Виктор Моисеевич человек компанейский... Он умеет провести время со стаканчиком в руке, не превышая, однако, своих возможностей». Но все это не мешает В.М. Панеяху «к ученым занятиям, равно как и к другой работе, относиться всегда с должным чувством ответственности»⁶⁷. Наконец, он выделял упорство, граничащее с одержимостью, умение и желание продолжать свое дело при любых неблагоприятных условиях. Этот мотив вновь присутствует практически во всех очерках А.А. Зимина о своих старших коллегах. В одном из писем к А.И. Юхту он написал: «Да, мир полон проходим-

⁶⁴ Он же. В книжном мире. С. 144.

⁶⁵ Он же. Патриархи. С. 52.

⁶⁶ Он же. «Великолепный неудачник» // Штаден Г. Записки о Московии. М., 2008. Т. 2. Статьи и комментарии. С. 12.

⁶⁷ Он же. Отрывок из воспоминаний // Время и судьба. Сб. ст. в честь 75-летия В.М. Панеяха. СПб., 2006. С. 14.

цами, пенкоснимателями, но нам-то что за дело до них? Мы свой долг постараемся выполнить»⁶⁸. Истинный ученый должен исполнять свои обязанности в любых условиях.

Есть в системе его этических размышлений и еще одно противоречие. Несмотря на то, что задача ученого в служении обществу, он признавал и некоторую самооценку занятия наукой. Так, например, в очерке о С.Б. Веселовском можно прочесть: «Веселовский впервые показал, что сам процесс понимания истории чарующе прекрасен, а писать для историка и публиковать работы – отнюдь не совпадающие занятия. Поступаться своими наблюдениями во имя публикации своих трудов он не желал»⁶⁹. В этих строчках наука явно трактуется как самоценное занятие. Да и саму задачу «воскрешения из мертвых» трудно трактовать как форму непосредственной помощи окружающим.

Фактически новой темой, ранее напрямую не затрагивавшейся в его записях, стала проблема отношений творца и власти. К вмешательству государства в творческую деятельность А.А. Зимин относился крайне отрицательно. Истинный интеллигент, в его понимании, всегда должен быть готов противостоять власти ради отстаивания своих идей. Мемуары А.А. Зимины полны явных и скрытых отсылок к случаям политических репрессий, причем симпатии его всегда оказывались на стороне гонимых⁷⁰. Идеалом историка, противостоящего давлению «сверху» для него был С.Б. Веселовский, в сталинское время игнорировавший саму марксистско-ленинскую методологию, открыто выступавший против апологетики Ивана Грозного⁷¹. Очерк о нем заключался словами: «Недавно один из руководителей феодалов в чувствах сказал, что наши классики – Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин. Может быть, и так. Но истинным историком был только Степан Борисович»⁷².

⁶⁸ АРАН. Ф. 2068 (Юхт А.И.). Оп. 66. Д. 6. Л. 3–3об.

⁶⁹ Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович. С. 60–61.

⁷⁰ См. напр.: Он же. Патриархи. С. 32–33, 36–37, 39–40, 43, 46–48, 50; Он же. Несравненный Степан Борисович. С. 65–67, 70–72 и др.

⁷¹ Очерк о С.Б. Веселовском: Он же. Несравненный Степан Борисович. С. 58–73.

⁷² Там же. С. 73.

Встречается у А.А. Зимина и описание своего рода антигероя – поэта, который «подписав договор с сатаной» «обрек свою грешную плоть на скорую смерть»⁷³. В этой роли выступает никто иной, как А.С. Пушкин. Пойдя на сотрудничество с властью после 1825 г. (сотрудничество, подчеркивал А.А. Зимин, добровольное, не носившее исключительно материальный характер, подчеркивал историк), поэт выбрал себе путь постоянных угрызений совести и душевных метаний. Подтверждение тому А.А. Зимин находил в его стихах. Безусловно, такая трактовка жизненного пути А.С. Пушкина была на тот момент (середина 1970-х гг.) смелой и нестандартной.

Впрочем, не следует преувеличивать степень «революционности» ученого. А.А. Зимин был далек от той узкой трактовки проблемы власти и творца, которая неизменно соотносила их как палача и жертву, отвергая для мыслящего человека всякую возможность сотрудничества с государственным аппаратом. Подобная интерпретация проблемы, во многом замешанная на леворадикалистских убеждениях, породила неприятие и отторжение им фильма Б. Бертолуччи «Конформист». Обвиняя итальянского режиссера в максимализме, он писал: «Да, “конформизм” – плохо. Но дело в том, какой и когда... не это критерий поведения человека, не коллизия “общество-государство-личность”, а добро и зло, которые есть в общих понятиях»⁷⁴. Путь сотрудничества с властью А.А. Зимин полностью не отрицал, речь, с его точки зрения, должна идти о степени, формах и условиях этого сотрудничества. Путь активного сопротивления советской политической и идеологической системе он отвергал. Вероятно, испытывая некоторые симпатии к деятелям диссидентского движения, он считал их старания бесполезными⁷⁵. По сути, он вновь видел в нем поклонение абстрактным идеалам.

В очерках о старших коллегах он попытался обрисовать хотя бы общие черты подобного допустимого компромисса. Ученые могли механически повторять в своих работах некоторые идеологические штампы, но в анализе конкретно-

⁷³ Он же. О книгах... С. 30.

⁷⁴ Там же. С. 7.

⁷⁵ «Когда некие бунтари бросаю вызов системе, то диву даешься их слепоте. Они не понимают, что сами они не только в позавчерашнем дне, но и на другой планете. Их вскрики (благородные в своей основе) о свободе, праве и т.п. никем не будут услышаны» (Там же. С. 14).

исторического материала не шли за социологическими схемами и продолжали реализовывать усвоенные ими еще до революции методики и приемы работы с историческими источниками.

Вполне терпимо относился ученый и к случаям патроната чиновников над тем или иным ученым. Так, опираясь на ходившие в научной среде слухи, он выдвигает предположение о том, что С.Б. Веселовский смог избежать репрессий и сделать академическую карьеру благодаря В.М. Молотову, с которым якобы в одной гимназии учился его брат⁷⁶. А.И. Яковлев во многом выстроил свою карьеру благодаря тому, что его отец был одним из близких друзей отца В.И. Ленина И.Н. Ульянова⁷⁷. К описанным случаям он относился без внутреннего отторжения, хотя и положительных эмоций не выказывал.

Пожалуй, единственной формой сотрудничества с властью, начисто отвергаемой А.А. Зиминим, стало участие в разного рода проработочных кампаниях. Никакими мотивами ученый не считал возможным оправдать участие в уничтожении (моральном и физическом) коллеги. Важно подчеркнуть, что для А.А. Зимина не имело значения, носила ли высказанная в ходе подобного конфликта критика крайне политизированный и идеологизированный характер, или «полемика» формально укладывалась в рамки представлений о научной дискуссии. В формировании этого положения, как нам представляется, сыграл большую роль личный опыт, полученный в ходе дискуссии вокруг «Слова...». Обсуждение его книги продемонстрировало историку, сколь тесно переплетены наука и политика. Оценивая итоги произошедшего, он писал: «История со “Словом...” была важна также и потому, что разоблачила миф о “чистой науке” древников в нашем Отечестве. ... Никакая цель не оправдывает недостойных средств борьбы за ее торжество. Каковы бы ни были расхождения между учеными в споре о “Слове...”, никто не имел права брать себе в союзники жандармов. Ведь этого только они и ждали, предпочитая, чтобы грязные дела делались “чистыми” руками господ “уче-

---

⁷⁶ Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович. С. 62.

⁷⁷ Он же. Патриархи. С. 41.

ных”»⁷⁸. Здесь сотрудничество с властью, ассоциируемой им с «сатаной», «жандармами» уже резко осуждается. При этом взаимодействие власти и ученых в данном случае приобретает характер хотя и отвергаемого исходя из моральных критериев, но взаимовыгодного сотрудничества: ученые, опираясь на репрессивный аппарат государственной власти, устраняют своего оппонента; государство легитимизирует свои действия, опираясь на «чисто научную» критику ученого сообщества. Подобному аморальному «симбиозу» в рассматриваемом тексте противостоит некое «великое братство ученых»⁷⁹. По-видимому, в сознании А.А. Зимина наличествовала идея о существовании подобной научной корпорации, одной из характеристик которой должна была быть ее автономность по отношению к социальному окружению. Однако в своих записях он не сделал попытки ни очертить ее рамки, ни выявить ее существенные черты.

А.А. Зимин – педагог. Помимо собственно научной деятельности историк придавал огромное значение педагогической работе. По словам его вдовы В.Г. Зиминной «А.А. (Зимин – М.Б.) считал свое поколение – поколением предтеч, поколением учителей. “Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут, если в мире есть Правда, Добро и Справедливость. А уж в этом-то я уверен.” Это заключительные слова в “Храме науки”»⁸⁰. Деятельность педагога здесь ставится им вровень с деятельностью ученого, если даже не оценивается выше.

Опираясь на тексты мемуаров А.А. Зимина и его учеников, сделаем попытку охарактеризовать принципы, на которых он выстраивал свои взаимоотношения со студентами и аспирантами.

К своим ученикам А.А. Зимин, «следуя завету С.В. Бахрушина», «подходил как к сотоварищам по общему делу», «старался внушить ребятам, что они не школяры, а служители науки»⁸¹. Следовательно, главная цель для него – сформировать из студента полноценного исследователя – историка. При этом А.А. Зимин относился к ним как к равным себе личностям, которые отличались от него лишь

⁷⁸ Он же. Обретение свободы // Родина. 1990. № 8. С. 88.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Зимина В.Г. А.А. Зимин. «Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут...» [вступит. ст.] // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 59.

⁸¹ Зимин А.А. Дети становятся взрослыми. С. 76–77.

несколько меньшим профессиональным и жизненным опытом. Подобное отношение подчеркивалось манерой неизменно звать своих студентов по имени и отчеству⁸². Более того, связь между ними не приобретала односторонний характер. Историк не только учил их, но и сам не считал зазорным перенять у молодых исследователей их нестандартные подходы к решению научных проблем.

В работе со студентами А.А. Зимин изначально отказывался от некоего усреднения, нивелировки их под единый образец, стандарт идеального специалиста-историка. Свою задачу он видел в том, чтобы «помочь каждому стать самим собой»⁸³, т. е. раскрыть в полной мере присущие человеку индивидуальные таланты и способности. Лучшим доказательством тому являются многочисленные психологические портреты учеников, которыми наполнены его воспоминания. Каждый из них предстает оригинальной, своеобразной личностью с неповторимым характером и чертами ума.

Гигантское значение для историка имело формирование внутреннего, морально-этического облика учеников. В этой связи представляется весьма характерным следующий эпизод из его педагогической деятельности. На втором курсе обучения ученик А.А. Зимина С.М. Каштанов выступал с докладом о жалованных грамотах на его спецсеминаре. По словам самого С.М. Каштанова, он, «любя ложную образованность», «употребил в докладе выражение, гласившее, что дипломатика (или дипломатический анализ) “срывает покров Изиды с застывших форм”», что «вызвало бурную реакцию у соподгруппниц»⁸⁴. Вероятно, А.А. Зимин именно в этом усмотрел признаки «зазнайства», которое он в учениках не приемлил. Поэтому историк дал резкий критический отзыв, тем самым «доведа докладчика чуть ли не до слез»⁸⁵. Подчеркнем, критика была вызвана не столько реальными недостатками доклада, о них ни у С.М. Каштанова, ни у А.А. Зимина в воспоминаниях ничего не сказано, а именно «зазнайством» студента. Подобные же-

⁸² «В отношениях панибратства я не терпел и старался звать всех по имени и отчеству. ... тут полное равноправие: как они звали меня, так и я их» (Там же. С. 86).

⁸³ Там же. С. 79.

⁸⁴ Каштанов С.М. А.А. Зимин. Штрихи к портрету // Россия в X–XVIII вв... Ч. 1. С. 20–21.

⁸⁵ Зимин А.А. Дети становятся взрослыми. С. 82.

сткие методы, как то следует из текста, историк считал вполне допустимыми в деле воспитания подрастающей смены.

Безусловно, А.А. Зимин направлял огромные усилия на то, чтобы выстроить со своими учениками контакты на глубоком личностном уровне. Подобная линия поведения, надо сказать, вообще была характерна для преподавателей Московского историко-архивного института. Приведем пример. Согласно воспоминаниям выпускника МГИАИ Е.В. Старостина, его однокурсник Владимир Волков мог целую неделю ночевать у своего научного руководителя Ф.А. Коган-Бернштейн, когда из-за ссоры с женой его выгоняли из дома⁸⁶. Но, видимо, даже на этом фоне коммуникативное сообщество, сложившееся вокруг А.А. Зимины, отличалось большой степенью сплоченности. Так, тот же Е.В. Старостин говорил: «У Зимины вообще его ученики составляли семью. Он их возил на дачу, дома принимал, поил чаем, благославлял на браки»⁸⁷. Дача А.А. Зимины явно была одним из часто посещаемых мест, его ученики неоднократно упоминали о своем пребывании на ней⁸⁸. По словам самого историка «мои птенцы собирались по праздникам или после защиты дипломов у меня дома»⁸⁹. Необходимо отметить, что ученичество в понимании ученого – явление неформальное. Так, своих учеников он, как правило, именуется «друзьями», иногда - «детьми». Кстати, к их числу ученый относил тех, кто занимался в его спецсеминарах и защитил под его же руководством дипломную работу. Поэтому среди описываемых им учеников отсутствует такой крупный специалист по истории Киевской Руси и Русской Православной церкви, как Я.Н. Щапова. А.А. Зимин был его руководителем во время написания кандидатской диссертации, но свои студенческие годы Я.Н. Щапов провел на историческом факультете МГУ, где его учителем был Б.Д. Греков⁹⁰. И в то же время А.А.

⁸⁶ «Они сохраняли лучшие традиции старой университетской дореволюционной школы...»: Из воспоминаний выпускников и преподавателей МГИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг. // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 101.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 97 – 98 (рассказ Р.В. Овчинникова); Маматова Е.П. Вспоминая Александра Александровича Зимины // Россия в X – XVIII вв... Ч. 1. С. 24 – 25. Возможно, именно в окрестностях его дачи состоялся описываемый С.М. Каштановым разговор с учителем, см.: Каштанов С.М. А.А. Зимин. Штрихи к портрету. С. 23.

⁸⁹ Зимин А.А. Дети становятся взрослыми. С. 116.

⁹⁰ О Я.Н. Щапове см.: Найденова Л.П. Русская Православная церковь в исследованиях Я.Н. Щапова // Отечественная история. 2003. № 2. С. 136–140; Сахаров А.Н., Сеницына Н.В. Творческий путь Я.Н. Щапова // От Древней Руси к новой России: юбилейный сборник, посв. чл.-корр. Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 6–16.

Зимин весьма много рассказывает о В.В. Цаплине, который после защиты диплома был вынужден в силу сложных жизненных обстоятельств резко сменить тематику своих исследований и заняться историей России периода капитализма⁹¹. Многие из его учеников после выпуска сменили и научного руководителя, и тему своих научных изысканий. Некоторые из них вообще отошли от научной деятельности (такова была судьба С.А. Левиной, К.Т. Остриковой, Э.С. Радзинского, Ю.В. Фаева⁹²). Несмотря на это он все же счел нужным отметить их в числе своих учеников. Более того, он упомянул (пусть даже мельком) тех, кто защищал свои дипломы под руководством других историков «по формальным причинам», но несмотря на это «сохраняли добрые отношения со мной (т. е. с А.А. Зиминим – М.Б.) на долгие годы»⁹³. С горечью ученый указывает на случаи, когда духовной близости с учениками не сложилось (В.Н. Автократов, С.И. Сметанина⁹⁴). Контакты А.А. Зимина с его «детьми» не прекращались и после того, как последние защищали дипломные работы, что он порой фиксирует в своих записях. Так, например, Д.В. Карев сначала преподавал во Владивостоке, затем переехал в Гродно, но несмотря на это, по словам ученого, «меня не забывает и, когда представляется возможность, заезжает на несколько часов»⁹⁵. Вслед за приведенной выше фразой из воспоминаний, согласно которой «птенцы» ученого собирались у него по праздникам и после защиты диплома, следует: «Некоторые из них заглядывают и теперь»⁹⁶. Интересным представляется и такое замечание, «оброненное» А.А. Зиминим: «Отношения с В.С. Мингалевым самые добрые, но мы с ним фактически не встречаемся»⁹⁷. Из этого оборота следует, что ученый стремился поддерживать личные контакты с учениками даже после окончания процесса обучения. И наоборот, историк считал нужным отметить те случаи, когда отношения с уче-

⁹¹ См. напр.: «Историко-архивный институт закончен. В сделанном не раскаиваюсь» (студенческие дневники В.В. Цаплина. 1947–1952) // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 56–57.

⁹² Зимин А.А. Дети становятся взрослыми. С. 85, 96, 97–100, 114.

⁹³ Там же. С. 76.

⁹⁴ Там же. С. 85, 101.

⁹⁵ Там же. С. 115.

⁹⁶ Там же. С. 116. Данный текст был написан в конце 1970–х гг.

⁹⁷ Там же. С. 104.

никами по той или иной причине прерывались (Е.Я. Сазикова, В.С. Моргайло), что вновь свидетельствует о том, сколь ценились им эти личностные связи.

Из всех видов занятий А.А. Зимин наиболее результативными называет семинары и спецкурсы. Наименее ценил он общие курсы, которые, по его мнению, сводились к тому, чтобы «вещать с кафедры прописные истины, предписанные программой»⁹⁸. В спецкурсах же «первостепенное значение имеет не сумма знаний, не проблематика сама по себе, а ознакомление с методикой исследования, которую развивает лектор»⁹⁹. Еще более эффективны семинарские занятия, которые предполагают двустороннюю связь преподавателя и ученика, их совместный труд. Следовательно, в процессе обучения А.А. Зимин стремился привить студентам в первую очередь методики работы с источниками, концептуальные построения при этом отступают на второй план. Поэтому историк мог на первом же занятии по палеографии выдать для работы сложные тексты XVI–XVII вв., так как «в палеографии нужно учить размышлению, а не вдавливать сведения о типе букв по векам»¹⁰⁰. В.В. Минаев утверждает, что некоторые из этих источников не мог прочесть и сам А.А. Зимин, у студентов же они вызывали оторопь. Однако «несколько месяцев напряженной работы, и почти перестали существовать проблемы с чтением любых тестов»¹⁰¹. Часть занятий по палеографии преподаватель переносил в Отдел рукописей РГБ, где студентам выдавались подлинные источники XVI–XIX вв. (естественно, для других занятий А.А. Зимин использовал фотокопии). Знакомство с источниками в подлиннике, по мысли А.А. Зимина, придавало юным исследователям особый эмоциональный настрой, в дальнейшем сопровождавший их на всем жизненном и научном пути.

Пристальное внимание ученый уделял теме дипломных работ своих учеников. В дипломе в полной мере должны раскрыться способности и таланты ученика, а они индивидуальны и неповторимы. Однако понимание этого, видимо, пришло к историку не сразу. В воспоминаниях ученый неоднократно укоряет себя за

⁹⁸ Там же. С. 76.

⁹⁹ Там же. С. 80.

¹⁰⁰ Там же. С. 81.

¹⁰¹ Минаев В.В. Педагогическая харизма Александра Александровича Зимина // Учителя учителей. Очерки и воспоминания. М., 2009. С. 75.

то, что при выборе тем, а он, как это явствует из употребляемых им речевых оборотов, сам определял их, часто обращал мало внимания на желания самих студентов и руководствовался при этом в первую очередь собственными научными интересами. В частности А.А. Зимин обвиняет себя в неудавшейся карьере А.Г. Кравченко. Темой его дипломной работы стал Московский летописный свод конца XVI в. Однако для изучения летописания, по убеждению А.А. Зимины, необходима особая манера мыслить, которой А.Г. Кравченко был лишен. Поэтому после защиты диплома он предпочел отойти от активной научной деятельности¹⁰². Дипломная работа должна, согласно А.А. Зимину, строиться таким образом, чтобы в дальнейшем стать основой кандидатской диссертации. Это обеспечивало его ученикам в дальнейшем надежную основу для дальнейшей научной деятельности. Отсюда и высокие требования к научному уровню дипломных сочинений, которые должны были быть выполнены «по всем правилам научного исследования и ничем не отличаться от работ профессоров и академиков, разве что свежестью подхода к теме и методике»¹⁰³. Наиболее ярко этот подход воплотил в жизнь любимейший ученик А.А. Зимины С.М. Каштанов. Прочитав отзыв его оппонента С.О. Шмидта: «Работа С.М. Каштанова вполне может быть рекомендована по своим научным достоинствам к защите в качестве дипломной работы, но и в качестве кандидатской диссертации. А каждая глава ее в отдельности ... вполне может быть оценена как отличная дипломная [работа], и после небольших поправок и дополнений в основном редакционного характера, рекомендуется к печати»¹⁰⁴. Сходные оценки содержали отзывы Л.В. Черепнина¹⁰⁵ и самого А.А. Зимины¹⁰⁶. Кафедра вспомогательных исторических дисциплин обратилась в Ученый совет МГИАИ с ходатайством принять диплом С.М. Каштанова в качестве кандидат-

¹⁰² Зимин А.А. Дети становятся взрослыми. С. 89, 91.

¹⁰³ Там же. С. 77.

¹⁰⁴ Шмидт С.О. Отзыв о дипломной работе студента МГИАИ С.М. Каштанова на тему «Феодалный иммунитет в XVI веке» // Ad fontem: У источника: Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 95.

¹⁰⁵ Черепнин Л.В. Отзыв о монографии С.М. Каштанова «Развитие феодалного иммунитета в XVI веке» // Там же. С. 107.

¹⁰⁶ Зимин А.А. Отзыв о работе С.М. Каштанова «Очерки по истории феодалного иммунитета в период укрепления Русского централизованного государства (1503–1584)» // Там же. С. 103.

ской диссертации¹⁰⁷. К сожалению, это намерение так и осталось неосуществленным.

Безусловно, А.А. Зимин был требовательным научным руководителем, жестко добивавшимся от подопечных выполнения поставленных перед ними задач. Так, С.М. Каштанов вспоминает о графиках работы над дипломом, которые они составляли с А.А. Зиминим. Научный руководитель следил за их выполнением, время от времени своими телефонными звонками напоминая о необходимости сдать в отведенный срок очередной фрагмент текста¹⁰⁸. Е.П. Маматову он заставил несколько раз переписывать историографический раздел к своей кандидатской диссертации¹⁰⁹. Будучи человеком ироничным, А.А. Зимин мог подшучивать над учениками, «подчас издеваясь, иногда дразня»¹¹⁰. По словам В.В. Минаева «он любил острое словцо, меткое замечание»¹¹¹. Продемонстрируем на конкретных примерах, каким образом в общении с учениками раскрывались эти качества характера историка. Проверая цифровые таблицы к диссертации Е.П. Маматовой, ученый сделал вид, что обнаружил ошибку в одной из граф. Диссертантка «безумно испугалась»¹¹² и пообещала пересчитать цифровые данные. Историк был возмущен. По его словам, даже ошибка в десять или двадцать единиц в целом не поколебала бы основные выводы, сделанные в диссертации, а неуверенность в точности своих данных может произвести неприятное впечатление на аттестационную комиссию. Подобным педагогическим приемом А.А. Зимин пытался привить ученице необходимую твердость и уверенность в себе. Иногда его шутки над учениками выглядят несколько сомнительными с точки зрения этики. С.М. Каштанов рассказывает о случае из педагогической практике А.А. Зимина, когда он потерял доклад одной из своих учениц, после чего «с довольно скорбным, но непреклонным видом высказался в том смысле, что чего нет, того нет и уже не бу-

¹⁰⁷ Столярова Л.В. Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // Там же. С. 20–21.

¹⁰⁸ Каштанов С.М. А.А. Зимин. Штрихи к портрету. С. 21.

¹⁰⁹ Маматова Е.П. Указ. соч. С. 27.

¹¹⁰ Каштанов С.М. А.А. Зимин. Штрихи к портрету. С. 22.

¹¹¹ Минаев В.В. Указ. соч. С. 76.

¹¹² Маматова Е.П. Указ. соч. С. 27.

дет»¹¹³. Впрочем, С.М. Каштанов утверждает, что это лишь еще более расположило его к своему учителю.

А.А. Зимин принимал самое активное участие в научной карьере своих студентов и аспирантов. Так, найденные им «Отдаточные книги» Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. он передал для подготовке к публикации С.М. Каштанову¹¹⁴. Они, явно не без помощи А.А. Зимина, были изданы в журнале «Исторический архив» когда автор еще обучался на третьем курсе¹¹⁵. В год защиты дипломной работы вышла в свет статья С.С. Печуро¹¹⁶, что, опять же, вряд ли было возможно без содействия научного руководителя. Этим, однако, его помощь не ограничивалась. С.М. Каштанов отмечает, что А.А. Зимин сознательно и целенаправленно создавал ему хорошее реноме, положительно отзываясь о своем ученике в разговорах со своими коллегами. С некоторыми из них он же С.М. Каштанова и познакомил, в частности, с Л.В. Черепниным, впоследствии давшим отзыв на его дипломную работу.

Безусловно, А.А. Зимин был харизматичным человеком, являвшимся для своих учеников непререкаемым авторитетом. Он умел вызвать у своих подопечных необходимые ему переживания, направить их энергию в нужное русло. Е.П. Маматова пишет, что критика А.А. Зиминим ее работ не только не вызывала отрицательных эмоций, но, наоборот, вела к подъему сил, порождала желание работать дальше и исправлять совершенные ошибки¹¹⁷. Ученики невероятно стремились получить одобрение историка. Сходные ощущения испытывал и В.В. Минаев: «Хотелось посвятить себя науке, сидеть день и ночь в архивах и за письменным столом, лишь бы сделать что-нибудь подобное тому, что понял и сделал в науке Сан Саныч, удостоиться его близости и похвалы»¹¹⁸. С.М. Каштанов однажды сказал Е.П. Маматовой: «Да для тебя Зимин просто Мессия»¹¹⁹. Воспомина-

¹¹³ Каштанов С.М. А.А. Зимин. Штрихи к портрету. С. 20.

¹¹⁴ Там же. С. 21; Зимин А.А. Дети становятся взрослыми. С. 79.

¹¹⁵ Каштанов С.М. Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649–1650 гг. // Исторический архив. 1953. Кн. 8. С. 198–220.

¹¹⁶ Печуро С.С. Земские служилые люди в годы опричнины // Труды МГИАИ. 1961. Т. 16. С. 467–474.

¹¹⁷ Маматова Е.П. Указ. соч. С. 26–27.

¹¹⁸ Минаев В.В. Указ. соч. С. 76.

¹¹⁹ Маматова Е.П. Указ. соч. С. 27.

ния учеников вообще переполнены разного рода положительными характеристиками и эпитетами в адрес своего учителя. Он представлялся им в качестве крупного ученого, смелого новатора, «генератора идей»¹²⁰, честного и бескомпромиссного человека, буквально живущего наукой и ни в каком ином качестве (кроме как историка) не могущего существовать, однако не лишённого светского лоска, энциклопедически образованного интеллигента, великолепно разбирающегося в отечественной литературе и мировом кинематографе, строгого, сурового наставника и одновременно «ангела хранителя»¹²¹, живого, эмоционального человека с крайне развитым интеллектом и скептическим складом ума. Безусловно, он был для них примером для подражания, образцом идеального исследователя, который они пытались воспроизвести в своей повседневной практике.

С педагогической деятельностью историка тесно связан и все более и более актуализирующийся вопрос о существовании феномена «научной школы А.А. Зими́на». Мысль о существовании такового коммуникативного явления уже неоднократно высказывали биографии А.А. Зими́на и его учеников (например, С.М. Каштанов, В.Б. Кобрин, Л.В. Столярова, с некоторой критикой данной идеи выступила А.Л. Хорошкевич). К сожалению, эти работы не сопровождаются сколь-либо развернутой аргументацией. Проблема «научной школы А.А. Зими́на» еще ожидает своего детального изучения.

О явлении «научной школы» в историографии написано уже немало работ¹²². Суммировав все свои наблюдения над разработкой данной темы в литературе, диссертант считает возможным выделить два основных критерия, исходя из которых историографы относят то или иное научное сообщество к числу школ. Во-первых, это «интеллектуальный» критерий, то есть присущее членам сообщества единство методологии и методик исследования, сходные концептуальные по-

¹²⁰ Там же. С. 24.

¹²¹ Каштанов С.М. А.А. Зимин. Штрихи к портрету. С. 23.

¹²² Отметил лишь некоторые из них: Школы в науке. М., 1977; Колесов В.В. Научная школа и школа в науке // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1994. Вып. 1. С. 37–48; Ильин Г. От «золотого бедра» к «золотому тельцу» // *Alma mater*. 1998. № 11. С. 31–34; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Грязнева О.Ю. Научные школы (педагогический аспект). М., 2009; Дежин И.Г., Киселева В.В. Тенденции развития научных школ в России. М., 2009.

строения; во-вторых, «коммуникативный» критерий, то есть наличие тесных, неформальных связей на личностном уровне, скрепляющих данное сообщество¹²³.

Выше дана краткая характеристика особенностей взаимоотношений А.А. Зимина и его учеников. Возможно ли на основании произведенного анализа говорить о том, что выстроенная им коммуникативная система носила черты, свойственные научной школе? Иначе говоря, соответствует ли она «коммуникативному» критерию научной школы? С нашей точки зрения - да. Свои педагогические устремления А.А. Зимин направил на создание вокруг себя неформального сообщества (и таковое было создано), объединенного единством методик работы с источником, сходной тематикой исследований (отсюда его манера самому назначать тему дипломной работы учеников) и общими представлениями об этике научного творчества. Как преподаватель (строгий, харизматичный, яркий и экстравагантный, с большой долей патерналистской заботы об учениках) он идеально подходил для роли лидера научной школы. Все это придает правдоподобность гипотезе о существовании «научной школы А.А. Зимина». Однако сами по себе эти наблюдения еще не могут служить достаточным обоснованием данной точки зрения. Для того, чтобы утверждать о существовании данного феномена, следует провести тщательный анализ собственно научных работ учеников А.А. Зимина, показать сходство их центральных положений с основными идеями учителя. Это не входит в рамки поставленных в диссертации задач.

Выводы. Последний этап жизненного пути А.А. Зимина оказался отмечен прогрессирующим заболеванием легких. Историк, по всей видимости, хорошо осознавал, что он умирает. Результатом того стало отчуждение от научной среды, в его мотивации к творчеству начинают преобладать внутренние, личные стимулы. Автобиографические записи позволяют воссоздать представления А.А. Зимина о научной этике историка. В целом они начали формироваться еще в начале

---

¹²³ Отметим, что в 1995 г. к сходным выводам пришел брянский исследователь С.И. Михальченко, см.: Михальченко С.И. О критериях понятия «школа» в историографии // Исторична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Харків, 1995. С. 57.

его профессиональной карьеры и серьезной трансформации не претерпели. Центральной для него являлась идея о необходимости служить окружающим, таким образом опосредовано служа Богу (перед которым он, в конечном счете, и несет ответственность). Обслуживание идеологических потребностей государства он отвергал, вмешательство государства в творчество оценивал негативно. Негативные оценки он давал и тем, кто занимался наукой, руководствуясь сугубо материально-финансовыми мотивами, призывая следовать исключительно этическими соображениями. Из биографических очерков А.А. Зимина возможно выделить образ «идеального историка», упорного энтузиаста, готового пожертвовать ради служения ближнему своим материальным комфортом. Кроме того, ученый подвел и итоги своей педагогической деятельности. Его усилия были направлены во-первых, на обучение студентов и аспирантов методике работы с источниками; во-вторых, на формирование их ценностных установок, представлений о профессиональной этике. К концу жизни вокруг ученого сформировалось значительное неформальное научное сообщество, состоящее из его учеников. Насколько оно соответствовало критериям научной школы еще предстоит определить историографам.

§2. Разрыв с концептуальной традицией: «Витязь на распутье» и переход от «москвоцентризма» к «полицентризму»

Цикл «Россия на пороге нового времени»: формирование творческого замысла. Как уже отмечалось, третий этап творчества для А.А. Зимина был наиболее плодотворным. Так, в последний год своей жизни он суммирует все свои изыскания о Русской Правде и выпускает объемную монографию, посвященную ис-

тории создания и существования этого законодательного сборника¹²⁴. Вместе с А.Л. Хорошкевич он создал научно-популярную книгу, посвященную времени правления Ивана IV Грозного¹²⁵. Однако, по словам А.А. Зимина, «практически всю работу по книгам вела А.Л. Хорошкевич (я ей давал лишь материалы из своих книг)»¹²⁶. Монография была сдана в набор еще в 1974 г., но в силу оставшихся неназванными причин ее издание постоянно откладывалось. Возможно, все вышеуказанное, вкупе с собственно научно-популярным характером монографии и предопределило тот факт, что ничего принципиально нового, в сравнении с предыдущими работами она не несла. Еще одним обращением к прошлому наследию стало сильно запоздавшее издание кандидатской диссертации историка в 1977 г. (то есть спустя тридцать лет после ее защиты). Текст, конечно, подвергся некоторым редакторским правкам, была учтена новая литература, но в основном эта правка касалась сокращения объема монографии¹²⁷. Наконец, А.А. Зимин вплоть до конца своей жизни продолжает править и дополнять ряд своих старых книг¹²⁸. Однако означает ли это, что в последние годы жизни А.А. Зимин лишь воспроизводил в той или иной форме свои старые мысли, не создавая при этом ничего нового? Безусловно, нет. Именно за несколько лет до его смерти был задуман и дописан цикл из шести монографий, получивший название «Россия на пороге нового времени».

Уже во вступлении к «России на рубеже XV–XVI столетий» можно прочесть: «Она (т.е. монография – М.Б.) как бы предваряет серию книг автора по истории России XVI в.: “Россия на пороге нового времени” (М., 1972), “Реформы Ивана Грозного” (М., 1960), “Опричнина Ивана Грозного” (М., 1964)»¹²⁹. Уже в этих словах в зародышевом состоянии содержится идея существования такого цикла. Определенно она была озвучена во вступлении к книге «В канун грозных потрясений»: «Заканчивая цикл книг, объединенных темой “Россия на пороге но-

¹²⁴ См.: Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.

¹²⁵ Он же, Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.

¹²⁶ Зимин А.А. Мой истинный друг. С. 20.

¹²⁷ Он же. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв). М., 1977.

¹²⁸ См.: Он же. Опричнина. 2-изд, испр. и доп. М., 2001; Он же. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

¹²⁹ Он же. Россия на рубеже XV–XVI вв. М., 1982. С. 7.

вого времени”...». Собственно, сама монография значится, как «заключительная книга цикла»¹³⁰. По словам принимавших участие в издании этих двух работ В.Б. Кобрин и А.Л. Хорошкевич, обе они были окончены в 1978 г. («Россия на рубеже XV – XVI вв.» чуть ранее), но последние дополнения к ним А.А. Зимин внес незадолго до своей смерти в 1980 г.¹³¹ В законченном виде этот замысел озвучен в «Витязе на распутье»: «Около 20 лет автор работает над шеститомной серией книг, которую он склонен назвать “Россия на пороге нового времени”. В ней синтезируются его представления о ходе русского исторического процесса примерно с 1425 по 1598 г., т.е. на протяжении более 170 лет»¹³². Далее А.А. Зимин перечисляет монографии, вошедшие в ее состав (что характерно, под их авторскими названиями, отличными от тех, что они получили при публикации). Туда вошли: «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960); «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964); «Россия на пороге нового времени» (М., 1972); «Россия на рубеже XV–XVI столетия» (М., 1982); «В канун грозных потрясений» (М., 1986) и собственно «Витязь на распутье» (М., 1991)¹³³. Объединены все эти книги, по словам А.А. Зимина, «стремлением автора показать судьбы России и становление единой государственности в период, когда страна приближалась к Новому времени»¹³⁴. Конечно, включение в один единый цикл столь отстоящих по времени своего написания книг во многом было формальной операцией. Кроме того, в предыдущих главах вполне наглядно показано, сколь сильно изменились за это время его концептуальные представления о ходе социально-политической истории России. А.А. Зимин прекрасно осознавал это, и даже просил у своих читателей прощения за то, что «не находит у себя сил перечеркнуть созданное им “на заре туманной юности” и переписать остальные тома в ключе “Витязя на распутье”»¹³⁵. О том, сколь серьезно относился А.А. Зимин к идее создания цикла, свидетельствует тот факт,

¹³⁰ Он же. В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 6.

¹³¹ См.: Кобрин В.Б., Хорошкевич А.Л. Послесловие // Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 243.

¹³² Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 5.

¹³³ Авторские названия: «Избранная рада», «Опричнина», «Россия на подъеме», «Возрожденная Россия», «Путь к власти», «Витязь на распутье».

¹³⁴ Он же. Витязь на распутье. С. 5.

¹³⁵ Там же. С. 8.

что после написания «Витязя на распутье» он принялся за сбор материала для новой монографии, в которой планировалось проанализировать правление Василия I, непосредственно предшествовавшее описываемым в последней монографии событиям¹³⁶.

«В канун грозных потрясений». Пожалуй, наименьший интерес для данного историографического исследования (что никоим образом не умаляет ее научных ее достоинств) представляет книга «В канун грозных потрясений», посвященная последним годам правления Ивана Грозного и Федора Ивановича. Вопросы, связанные с централизацией государства, в этой книге оттеснены на второй план. Центральной темой стало социально-экономическое развитие страны (А.А. Зимин был одним из основателей концептуального видения Смуты как крестьянской войны¹³⁷, поэтому конец XVI в. мыслился им в первую очередь как время вызревания ее причин и предпосылок) и судьба Бориса Годунова (напомню, авторское название – «Путь к власти»).

В числе одних из центральных сюжетов, которые рассматривались в ней, стоит выделить возведение на престол Симеона Бекбулатовича и выделение «удела», введение урочных и заповедных лет, следственное дело и гибель царевича Дмитрия в Угличе. Тема формирования централизованного государства отражена в монографии в меньшей степени (по сравнению с другими книгами цикла). Историк отмечал, что непоследовательная политика последних лет правления Ивана Грозного (выделение московского «двора» и возведение на престол Симеона Бекбулатовича) привела к ослаблению степени централизации государства, в то время как Борис Годунов сделал немало для формирования сильного аппарата центральной власти. Так, он ликвидировал дворцовые приказы, борясь таким образом с дублированием деятельности государственных учреждений. Трансформировался и принцип комплектования Боярской думы – вместо родовитости люди начинают подбираться по семейно-клановому критерию. При этом Борис Годунов стремится снизить роль Думы в управлении, делая ставку на дьяческий аппарат.

¹³⁶ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин. С. 387.

¹³⁷ См.: Овчинников Р.В. К историографии Крестьянской войны начала XVII в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 273–280.

Но, отмечает историк, существование системы совмещения дьяками различных функций является свидетельством незавершенности процесса формирования централизованного государства¹³⁸.

Выход книги в свет был отмечен двумя положительными рецензиями¹³⁹. Рецензенты отмечали дискуссионный характер монографии, в связи с чем сетовали на ее запоздавшую публикацию. Оригинальной признавалась представленная в ней периодизация изучаемого вкремени, положительно отзывались они о стремлении автора указать на взаимосвязь внешней и внутренней политики государства.

«Каноническая» картина начального этапа формирования Русского централизованного государства: «трещины» в «монолите». Большой интерес для нас представляют изыскания А.А. Зимина, охватывающие XV – начало XVI вв. Так как речь в них идет о начальном этапе формирования Русского государства, то следует обратиться к «канонической» (для конца 1970-х гг.) концептуальной версии причин и предпосылок его образования.

В советской историографии второй половины XX в. таковая была разработана стараниями Л.В. Черепнина и закреплена в его капитальной монографии «Образование Русского централизованного государства XIV–XV вв.»¹⁴⁰. Монография эта, пожалуй, наиболее интересна тем же, чем и ранние работы А.А. Зимина – своими оговорками и противоречиями. Закрепляя и сама будучи частью «канона», она одновременно содержала положения, этот «канон» разрушающие, выходящие за его пределы.

Так, оформление Русского централизованного государства Л.В. Черепнин относит к 80-м гг. XV в., но делает это в чрезвычайно «осторожных» выражениях, предполагающих, что на этом процесс централизации государства не завершает-

¹³⁸ Там же. С. 193–200.

¹³⁹ Панях В.М. Рец. на: А.А. Зимин. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986 // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 132–134; Севастьянова А.А. Рец. на: А.А. Зимин. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны. М.: Мысль, 1986 // История СССР. 1988. № 2. С. 181–184.

¹⁴⁰ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

ся¹⁴¹. Появление его, отмечает ученый, характеризуется объединением всей территории русских земель в рамках одного единого государства, сопровождавшимся изживанием «политической независимости ряда важнейших русских княжеств и феодальных республик», становлением «монархии централизованного типа»¹⁴², созданием нового общегосударственного аппарата управления и уничтожением старых политических структур в присоединенных к Москве землях, постепенной ликвидацией удельной системы (но тут же он делает оговорку о том, что процесс этот «занял длительное время, растянулся даже на вторую половину XVI в.»¹⁴³). Появление нового, общерусского аппарата управления включало в себя оформление в качестве постоянно работающего государственного органа Боярской Думы, сложения слоя дьяков, усиление контроля за местным управлением, существенную реорганизацию финансовой системы и правил несения военной службы (появление поместной системы, ликвидацию права «отъезда» от великого князя), кодификацию права. И в то же время отметим, что к XV в. ученый относил появление лишь зачатков приказной системы, относя ее развитие к XVI в.

Если же упростить эту развернутую и несколько тяжеловесную конструкцию Л.В. Черепнина, то можно все указанные им признаки централизованного государства свести к двум основным: объединение под властью одного государства всех русских земель и создание принципиально нового, единого аппарата управления им. По Л.В. Черепнину, в 80-х гг. XV в. оба признака нашли свое зрелое воплощение (и вновь обратим внимание – у историка это не означало завершения процесса централизации как такового).

Конечно же, как «правоверный» марксист, основные причины образования централизованного государства он усматривал в экономике. XIV–XV вв., с его точки зрения, были временем подъема сельскохозяйственного производства, вызванного освоением крестьянами трехпольного севооборота и распашки новых

---

¹⁴¹ «... для периода, наступившего с 80-х годов XV в., имеются все основания говорить о Русском централизованном государстве как уже существующем. Завершение процесса складывания единой государственной территории и политической централизации, оформление единой системы управления, происходившие в конце XV и на протяжении XVI в., мы должны изучать уже в рамках истории централизованного государства» (Там же. С. 5.).

¹⁴² Там же. С. 5.

¹⁴³ Там же. С. 6.

земель. Это способствовало становлению феодальных отношений, ставших основой централизованного государства. Наступление феодалов на крестьянство, попытки урезать прежние вольности приводили к усилению классовой борьбы, поэтому феодалы нуждались в помощи мощного государственного аппарата. Но при этом, как ни парадоксально звучит, его появление, согласно Л.В. Черепнину, отвечало и интересам непосредственных производителей – крестьян, так как феодальная раздробленность закрепляла экономическую обособленность регионов страны, что порождало голод, а княжеские усобицы неизбежно разоряли хозяйство простого народа.

Так как процесс становления централизованного государства в России неизбежно сопоставляется с аналогичным явлением в Западной Европе, то вставал вопрос о роли в нем городов. В Европе городское население было могущественным союзником королевской власти, социальной базой централизованной монархии. Однако, даже сделав вывод о том, что город играл «значительную роль в социально-экономическом и политическом развитии страны», Л.В. Черепнин все же был вынужден признать, что «страна сохраняла аграрный в основном облик, и роль города в ее экономике была менее значительна, чем на Западе»¹⁴⁴. Тормозящее влияние на развитие города оказывала складывающаяся в то время крепостническая система. Здесь еще одно отступление от «классической» западноевропейской картины интеграционного процесса, где феодальные отношения вступили в позднюю, зрелую фазу развития и уже намечалась тенденция к выходу за их рамки.

Существенным фактором, объединяющим разрозненные феодальные владения воедино, было развитие товарно-денежных отношений, подрывавших хозяйственную самостоятельность регионов и появление слоя купцов, заинтересованных в сильной централизованной власти, которая могла бы защитить его интересы как внутри, так и вне страны¹⁴⁵.

---

¹⁴⁴ Там же. С. 425, 10.

¹⁴⁵ Весьма забавно в этой связи выглядят некоторые из попыток Л.В. Черепнина выявить политическую идеологию этого слоя населения. Так, в середине XIV в. некий новгородец Стефан написал записки о своем паломничестве по святым местам. Л.В. Черепнин обратил внимание на то восхищение, с которым он описывал памятники, посвя-

Третьим условием формирования Русского централизованного государства у Л.В. Черепнина обозначается уже хрестоматийный внешнеполитический фактор, значение которого когда-то подчеркивал еще И.В. Сталин¹⁴⁶.

Итак, Л.В. Черепнин пытался убедить читателей в том, что во-первых, процесс становления Русского централизованного государства проходил ровно тем же образом, что и аналогичные явления в Западной Европе; во-вторых, к концу XV в. для его появления были созданы все необходимые причины и предпосылки. В целом это ему удалось обосновать. Но обилие противоречащих друг другу фактов и собственная «источниковедческая честность» (его учителями были представители дореволюционного поколения историков с их бережным обращением с фактами) заставляли сделать многочисленные оговорки и коррективы. В итоге все, что не уложилось в рамки марксистской схемы, было объявленное им местной, региональной спецификой. Помимо уже отмеченных выше фактов к ее числу он отнес и большую роль надстройки в интеграционном процессе. Отказа от схемы не произошло, более того, внесенные в нее коррективы в какой-то степени даже способствовали ее укреплению.

Картина, обрисованная Л.В. Черепниным, укладывается в границы «москвоцентризма». Образование Русского централизованного государства трактуется как прогрессивное историческое явление, способствовавшее экономическому и культурному развитию русских земель¹⁴⁷. Но, в то же время, централизация государства несла с собой и дальнейшее формирование крепостнической системы.

С оговорками реализуется в книге и положение о позитивной роли Москвы в процессе централизации. Конечно, политика московских князей, способствовавшая объединению русских земель, оценивается Л.В. Черепниным положитель-

---

щенные византийским императорам, и на основании одного этого причислил Стефана к числу сторонников сильной централизованной власти (Там же. С. 424–426).

¹⁴⁶ Об ассимиляции советскими историками данной идеологемы см.: Юрганов А.Л. Русское национальное государство... С. 47-53.

¹⁴⁷ И в то же время Л.В. Черепнин делает оговорку: «... следует признать неубедительными распространенное в нашей литературе представление о непосредственной связи между демократическими настроениями тех или иных представителей русского общества XIV–XV вв. и их политической ориентацией на московскую великокняжескую власть. Столь же недоказуем тезис о том, что политические противники московских князей всегда были выразителями сил реакции. Отношения тех или иных лиц или общественных слоев к политике московской великокняжеской власти на разных этапах зависело от многих причин...» (Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства... С. 527.)

но. Но он же порою дает далеко нелицеприятные характеристики деятельности многих из них. Особенно много «достаётся» Ивану Калите, тесно сотрудничавшему с татарскими ханами, принявшему самое деятельностное участие в разгроме тверского восстания, носившего национально-освободительный характер.

Но еще более существенным является то, что Москва в его изображении не сразу определяется в качестве центра русских земель. Прежде, чем таковой определен, ей пришлось выдержать длительную и напряженную конкуренцию с Тверью¹⁴⁸. При этом победа над Тверью, согласно Л.В. Черепнину, была достигнута благодаря помощи внешних сил, то есть войск татарского хана.

«Россия на рубеже XV–XVI столетий». Л.В. Черепнин свое изложение довел до 80-х гг. XV в. «Россия на рубеже XV–XVI столетий» А.А. Зимина была посвящена уже второй половине правления Ивана III¹⁴⁹. Однако историк, выстраивая свою версию происходивших в то время событий, неизбежно ориентировался на существующие в историографии представления о более раннем периоде, вписывал ее в систему координат, порожденных работой Л.В. Черепнина. Нас, конечно же, будут интересовать идеи, свидетельствующие о выходе историка за рамки, очерченные его предшественником, и входящие в противоречие с официальным «москвоцентрическим» видением истории.

А.А. Зимин продолжил в ней намеченную еще в середине 1960-х гг. линию на переосмысление привычного преувеличения степени централизации Русского государства. Историк своими конкретно-историческими изысканиями де-факто демонстрирует, что ни один из названных Л.В. Черепниным признаков централизованного государства в России конца XV в. реализован не был. Практически все 1480–1490-е гг. были заполнены цепью конфликтов России и Великого княжества Литовского. Их завершением стало подписание в 1503 г. договора, в соответствии

¹⁴⁸ Отметим, что мысль о Твери как исторически первом центре объединения русских земель была высказана еще в 1939 г. В.В. Мавродиным, см.: Базанов М.А. В.В. Мавродин о процессе объединения русских земель и «москвоцентрическая» концепция В.О. Ключевского // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы IX Всеросс. науч. конф., посв. 85-летия д. и. н., проф. А.В. Бакунина. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 48–50.

¹⁴⁹ Обосновывая выбор хронологических рамок исследования, А.А. Зимин указывал именно на существование данной капитальной монографии Л.В. Черепнина, одним своим существованием «закрывшую» изучение первой половины правления Ивана III (1462–1480 гг.) (см.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 7.).

с которым к России была присоединена «почти треть земель Литовского княжества», причем «территория, вошедшая в состав Русского государства, имела колоссальное экономическое и политическое значение». Однако даже это не означало прекращение противоборства с Литвой, присоединением же земель только «подготавливалось воссоединение братских народов в составе единого государства»¹⁵⁰. Следовательно, не выполнялся даже первый, «территориальный» признак.

Однако самые веские контраргументы А.А. Зимина, как и прежде, относились к системе управления Русским государством. Так, Иван III вел долгую и методичную борьбу с уделами. Разработанные им новые dokonчания полностью ставили под великокняжеский контроль внешнеполитическую деятельность его удельных братьев, привязывал он их к себе и династическими браками. Социальная опора удельной системы была слаба – дворы удельных княжат состояли преимущественно из представителей старомосковских и княжеских родов, что мешало карьерному продвижению местной знати и толкало их на союз с великокняжеской властью. Это и стало главной причиной успехов Ивана III, к концу своей жизни расправившегося со всеми уделами (за исключением Волоколамского). Однако при этом сохранялось множество полуудельных владений служилых князей, мощной политической организацией продолжала оставаться церковь, большой степенью автономии пользовались Новгород и Тверь. Наконец, уничтожив уделы, Иван III вновь воссоздал удельную систему для своих сыновей. В результате, заключал историк, можно говорить «скорее об общей тенденции развития объединительного процесса, чем о его итогах. Удельные традиции были еще сильны, а социально-экономические условия развития отдельных земель сохраняли явные черты феодальной раздробленности»¹⁵¹.

Ярче всего наличие этих черт феодальной раздробленности в конкретно-исторических построениях историка проявило себя в его описании противостояния Дмитрия-внука и княжича Василия. Рассказывая о заговоре Владимира Гусева (после которого наступает взлет Дмитрия-внука), ученый скрупулезно выясняет

---

¹⁵⁰ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 195.

¹⁵¹ Там же. С. 236.

детали биографии жертв судебного процесса. Гусев и остальные заговорщики, группировавшиеся вокруг Василия, оказались связаны с верейским удельным двором (через родственников Гусева) и главой новгородской епархии архиепископом Геннадием (Дмитрий и Юрий Траханиотовы). В свою очередь Дмитрия-внука при дворе поддерживало тверская группировка (что А.А. Зимин объяснял его родственными связями – в числе его прадедов числился великий князь Борис Александрович Тверской, а отец Дмитрия был пожалован Тверью после ее присоединения в 1485 г.), центром притяжения которой стал еретический кружок Федора Курицына. Итоговый вывод А.А. Зимина был нетривиален: «... в последние годы правления Ивана III вспыхнула борьба тех же сил, которые выступали на арене политической жизни во время феодальной войны. Тогда Москве противостояла галицко-углицко-верейско-новгородский блок при благожелательном нейтралитете Твери. В 1497–1498 гг. победу одержали силы, которые нашли поддержку в тверской группировке придворной знати, а силы, опиравшиеся на удельное княжье и новгородское окружение архиепископа Геннадия, потерпели поражение»¹⁵².

Еще одним чрезвычайно любопытным наблюдением историка стало то, что именно тверская группировка знати стала проводником идей сильной, централизованной власти монарха. Великий князь тверской, отмечал он, уже в середине XV в. именовал себя «царем» и чеканил монету с изображением двуглавого орла¹⁵³. Это утверждение шло вразрез со взглядом на Москву как «локомотив» централизации. Фактически, по А.А. Зимину, именно тверская группировка и Дмитрий-внук на тот момент являлись самыми радикальными сторонниками курса на централизацию страны. Так, именно в связи с венчанием Дмитрия и в его среде было составлено «Сказание о князьях Владимирских»¹⁵⁴. С деятельностью Курицына он связал и появление «Повести о Дракуле», прославлявшую сильную

---

¹⁵² Там же. С. 147.

¹⁵³ Там же. С. 146.

¹⁵⁴ Там же. С. 148–159.

власть монарха¹⁵⁵. Сам факт венчания свидетельствовал о намерении расширить властные полномочия правителя.

Однако начиная с 1499 г. Дмитрий постепенно отстраняется от власти. Выяснение обстоятельств сопутствовавших тому (опала и казни князей Патрикеевых и Семена Рязанского) позволило А.А. Зимину считать это результатом смены внешнеполитической ориентации Русского государства (крах линии на стабилизацию отношений с Литвой). С этого момента начинается возвышение княжича Василия (будущего Василия III). Дмитрий-внук и его мать Елена Стефановна были помещены в 1502 г. в темницу. Последним крупным политическим начинанием тверской группировки стал церковный собор 1503 г., на котором они совместно с представителями нарождающегося движения нестяжателей поставили вопрос о секуляризации церковных земель. Их программа провалилась. Завершающим ударом по тверской группировке стали жесткие (даже по меркам того времени) казни еретиков.

Таким образом, в обрисованной А.А. Зиминим картине победу одержали силы, за которыми стояли консервативно настроенные удельные князья. Этот вывод бил по еще одной из составляющих москвоцентризма – линейному изображению процесса централизации, мыслимой в качестве поступательного движения вперед. У А.А. Зимина прямая линия превращается в сложную, запутанную траекторию, не исключая остановок, срывов и попятных движений.

Вновь «лукавое» рецензирование: принятие и непонимание. Выпущенная в свет через четыре года после своего завершения, книга оказалась «обрамлена» многочисленными положительными отзывами¹⁵⁶. Наименее информативен для нашего исследования отзыв Л.Е. Андреевой, представляющий из себя краткое реферативное изложение содержания монографии. Рецензия почти не содержит в себе оценочных суждений (за исключением, пожалуй, ее финальных строк: «Монография А.А. Зимина является важным вкладом в историографию отечественной

¹⁵⁵ Там же. С. 119–120; 214–216.

¹⁵⁶ Андреева Л.Е. Рец. на кн.: Зимина А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М., 1982. // Преподавание истории в школе. 1983. № 6. С. 77–78; Козлова Н.А. Рец. на кн.: Зимина А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М: Мысль, 1982. // Вопросы истории. 1983. № 2. С. 130–133; Мельникова А. О России XV–XVI столетий // В мире книг. 1983. № 10. С. 76–77.

истории. Она принесет большую пользу учителям в их работе»¹⁵⁷). Это вполне объяснимо, если учесть то, что основную аудиторию, к которой Л.Е. Андреева обращалась, составляли школьные учителя.

Несколько странно выглядит отзыв А. Мельниковой. Если А.А. Зимин стремился уйти от «москвоцентризма», то данный автор ставил прямо противоположную задачу – вписать монографию в рамки «москвоцентрических» позиций. А. Мельникова, пересказывая содержание книги, делает упор именно на тех ее выводах, в которых речь шла о значимых успехах централизации Русского государства: экономический подъем, ликвидация удельной системы и достижения в борьбе с новгородской автономией, формирование нового аппарата управления и укрепление социальной базы великокняжеской власти. Подчеркивалось, что А.А. Зимин рассматривал процесс централизации России в контексте общеевропейской истории (в то время как в книге об аналогичных процессах в Западной Европе лишь кратко упоминается в авторском предисловии¹⁵⁸, реальное их сопоставление в книге отсутствует). Впрочем, автор рецензии все же обнаружил в монографии положение о том, что «слабость товарно-денежных отношений в стране, экономическая раздробленность, черты правовой обособленности отдельных регионов в значительной мере затрудняли процесс централизации», «успехи здесь могли быть достигнуты только ценой огромных усилий и жертв народов России» и потому «к концу правления Ивана III были определены, но еще далеки от решения те вопросы и задачи, которые ставили пред страной ход исторического процесса и государственные интересы Руси»¹⁵⁹. А. Мельникова отметила связь «России на рубеже...» с другими книгами цикла «Россия на пороге Нового времени».

Рецензия Н.А. Козловой предназначалась для специалистов-историков. Она отметила, что монография ученого была выстроена вокруг трех основных сюжетов: внутривосточной истории, классовой борьбы и политической идеологии, внешней политики. Первый реализовался в описании процесса централизации Русского государства. При этом Н.А. Козлова, в отличие от А. Мельниковой, де-

¹⁵⁷ Андреева Л.Е. Указ. соч. С. 78.

¹⁵⁸ Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий... С. 6.

¹⁵⁹ Мельникова А. Указ. соч. С. 77.

лает упор на незавершенности процесса создания единого государства, а не на успехи объединительного процесса, в чем она противопоставляла А.А. Зимина С.В. Бахрушину и К.В. Базилевичу. Сам рецензент при этом с осторожностью воспринимает точку зрения ученого («А.А. Зимин, видимо, прав...»¹⁶⁰). Единственные критические замечания рецензента касались конкретно-исторических построений, посвященных внешнеполитической деятельности Ивана III. Модернизацией хода исторического процесса она посчитала идею захвата Ливонии (или ее части) как одной из главных целей внешней политики России. В качестве таковой для рубежа XV – XVI вв. могло фигурировать лишь «создание благоприятных условий для торговли новгородских и псковских купцов в ливонских городах» и «сохранение с нею (Ливонией – М.Б.) мирных отношений»¹⁶¹.

Но ближе всего к пониманию авторского замысла подошел автор единственной критической рецензии на книгу Н.Е. Носов¹⁶². В целом, конечно же, исследование А.А. Зимина в ней предстает в качестве одного из крупных достижений исторической науки. Наибольшую ценность Н.Е. Носов придает источниковедческим сюжетам монографии, отмечая введение в оборот новых материалов, переоценку и новые трактовки уже известных науке текстов, «а главное – критический анализ достоверности содержащихся в них известий».

Согласно Н.Е. Носову, в работе А.А. Зимина можно обнаружить четыре «сквозных» сюжета: внешняя политика, династическая борьба за определение наследника престола, становление государственного аппарата и эволюция государственного строя, взаимоотношения государства и церкви. Центральной из них он считает последний, так как именно через эту тему «автор пытается проследить общее направление всей внутренней политики Ивана III, конца его правления, и именно вопрос о борьбе великокняжеской власти с церковью считает наиболее значимым для общественного и политического развития России конца XV – нача-

¹⁶⁰ Козлова Н.А. Указ. соч. С. 131.

¹⁶¹ Там же. С. 132.

¹⁶² Носов Н.Е. Рец. на: А.А. Зимин. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982 // История СССР. 1982. № 4. С. 177–181.

ла XVI в.»¹⁶³. Подобную фиксацию на религиозной тематике он посчитал совершенно излишней. Н.Е. Носов полагал чрезвычайно удачной находкой тот факт, что внутреннюю политику А.А. Зимин связывал с противоборством при дворе группировок Дмитрия-внука и Елены Волошанки с княжичем Василием и Софьей Палеолог. Однако истинные мотивы их соперничества, считал Н.Е. Носов, следует искать вне собственно идеологической плоскости. Так, в описании попытки секуляризации церковных земель у А.А. Зимины он видит в первую очередь именно этап борьбы за утверждение русской Реформации, и лишь затем – попытку государства пополнить фонд помещичьей земли. Рецензент с подобной расстановкой акцентов согласен не был, призывая читателей вернуться к привычной, материалистической трактовке данного вопроса. С большим скепсисом он отнесся к уже давно озвученной историком идее о связи гуманистических идей с идеологией самодержавия, вновь призывая видеть в ней отражение сугубо материальные желаний и надежд российского дворянства. Бездоказательным он называет тезис о широком распространении реформационно-гуманистических идей. Сомнительным представлялось Н.Е. Носову и то, что характеристики политических позиций двух группировок осуществляются А.А. Зиминим исключительно на основе анализа литературно-публицистических источников.

Какие выводы можно сделать на основе изучения данных рецензий? Во-первых, книга была издана и предназначена для широкого круга читателей, куда помимо работников вузов и академических институтов входили школьные учителя и просто любители истории. Во-вторых, подавляющее большинство научного сообщества дало ей самые высокие оценки. Но одновременно остается констатировать – как и в случае с «Холопами на Руси» основная идея, сквозная нить повествования ушла от внимания читателей. Центром, вокруг которого вращался весь каркас исследования, был сюжет о династической борьбе и связанном с ним соперничестве двух группировок при великокняжеском дворе. С ними А.А. Зимин связывал дальнейшее развитие процесса централизации Русского государства. Однако из всех рецензентов к пониманию этой мысли подошел лишь единствен-

---

¹⁶³ Там же. С. 178.

ный ярый критик книги Н.Е. Носов. Однако ленинградский коллега (и давний оппонент А.А. Зимина¹⁶⁴) увидел в монографии жесткую связь династической борьбы с религиозно-идеологическим противостоянием, на основании чего сделал вывод о первичности последнего и вторичности первого. Таковая трактовка, конечно же, имеет право на существование. А.А. Зимин действительно всячески педалировал приверженность круга Дмитрия-внука гуманистическим идеям, связывал обоснование сильной великокняжеской власти в их трудах с секуляризацией сознания, присущей реформационно-гуманистическому движению. Однако текст монографии не дает достаточно оснований для таковой интерпретации. Полагаем, стоит обратить внимание не на идеологическую, а на семейно-клановую принадлежность описываемых историком лиц. А.А. Зимин напрямую писал о том, что противостояние двух группировок – естественное продолжение конфликта первой половины XV в. известного в историографии как «феодалная война». Однако таковая трактовка не вписывалась в «москвоцентрическое» видение истории, предполагавшее взгляд на Русское государство как объект однородный, преувеличивающей степень его централизации, что и подтолкнуло Н.Е. Носова в переоценке значимости сюжетов, связанных с реформационно-гуманистическим движением и распространением ересей.

«Москвоцентрические» построения В.О. Ключевского и начальный этап возвышения Московского княжества в освещении советской историографии. Косвенным доказательством правоты наших историографических наблюдений может служить тот факт, что следующая за «Россией на рубеже XV–XVI столетий» монография будет посвящена именно событиям «феодалной войны»¹⁶⁵. Главной, центральной темой последнего исследования А.А. Зимина стали причи-

¹⁶⁴ См.: Кром М.М. Творческое наследие Н.Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. // Государство и общество в России XV – начала XX вв.: Сб. статей памяти Николая Евгеньевич Носова. СПб., 2007. С. 49–51.

¹⁶⁵ Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война XV в. М., 1991. Следует отметить, что мы оставляем за рамками нашего внимания монографию А.А. Зимина о Боярской Думе в XV–XVI вв. (Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1986). Помимо естественной необходимости несколько сузить объем нашего диссертационного исследования это объясняется еще рядом причин. Во-первых, большая часть данной монографии составляют его старые генеалогические изыскания, написанные еще в 1950–1960-е гг. (тогда как речь в данной главе идет о творчестве историка первой половины 1970-х гг.); во-вторых, автор не упоминает ее при перечислении книг, вошедших в состав цикла «Россия на пороге Нового времени», поставленного в фокус нашего внимания.

ны и предпосылки объединения русских земель вокруг Москвы. Фактически он в конце своей жизни пришел к своего рода начальной точке всех своих предыдущих изысканий, точке, в которой были порождены все проблемы, разрешаемые его предыдущим творчеством.

Взявшись за эту тему, А.А. Зимин столкнулся с основами сильнейшей «московской» традиции российской историографии. Одной из важнейших элементов такого видения истории стала выкристаллизовавшаяся в творческом наследии В.О. Ключевского концепция причин возвышения Московского княжества. Во многом суммировав изыскания своих предшественников, великий русский историк в своем «Курсе русской истории» выделил три основных фактора этого процесса: во-первых, удачное географическое расположение Москвы (узловой пункт на торговых путях, отдаленность от окраин, подвергающихся татарским нашествиям, этнографический центр Руси, оказавший определяющее влияние на образование великорусской народности); во-вторых, союз московских князей и православной церкви; в-третьих, особая, уникальная для того времени политика, направленная на хозяйственное освоение и развитие региона¹⁶⁶.

Схема, предложенная В.О. Ключевским, была усвоена сначала дореволюционной, а затем и советской историографией. Впрочем, с формальным переходом к марксистской методологии основными факторами возвышения Москвы стали видеть в экономических явлениях, а потому и внимание исследователей обращается в первую очередь именно на географическое положение княжества.

Однако с конца 1930-х гг. начинаются некоторые подвижки. Уже упоминалось, что в своей научно-популярной книге «Образование Русского национального государства» В.В. Мавродин впервые озвучил идею о Тверском княжестве как хронологически первом центре объединения русских земель. Интересно отметить выделенные данным историком причины, способствовавшие возвышению Твери. В качестве таковых он называл: во-первых, массовый приток туда населения из восточных княжеств, наиболее пострадавших от татарского нашествия; во-вторых, отъезд в Тверь бояр из южных и западных частей Владимирской земли

¹⁶⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 5–26.

(по той же причине); в-третьих, наличие в данной местности удобных торговых путей, «игравших огромную роль в экономической жизни древней Руси»¹⁶⁷. Те же самые факторы фигурируют у него и в числе тех, что привели к возвышению Московского княжества. Этим историк фактически оспаривал тезис об исключительном положении Москвы среди остальных русских земель. Впоследствии эта мысль будет принята исторической наукой, доказательством чему может служить уже рассматривавшаяся выше монография Л.В. Черепнина. Другой классик советской историографии М.Н. Тихомиров в 1944 г. предложил выдвинуть роль Москвы в этногенетическом процессе в качестве основного фактора ее укрепления, все остальные полагая второстепенными и малозначащими¹⁶⁸. В 1946 г. состоялась еще одна из обстоятельных «атак» на ортодоксальные «москвоцентрические» представления, предпринятая П.П. Смирновым. Статья его, опубликованная в «Вопросах истории», подвергала жесткой критике все построения своих дореволюционных предшественников как «буржуазные» и не имеющие отношения к марксистскому видению истории. Обвинив своих коллег-современников в следовании буржуазной схеме В.О. Ключевского, он предложил искать причины возвышения Москвы в развитии производительных сил. Быстрый рост и развитие княжества, согласно его версии, явилось результатом внедрения при Иване Калите в эксплуатацию орудий плужного типа, использования удобрений и, как следствие, переход от переложной системы земледелия к паровой с трехпольным севооборотом¹⁶⁹. В ответ на П.П. Смирнова обрушился шквал небезосновательной критики со стороны таких крупных и авторитетных специалистов, как И.И. Смирнов, В.В. Мавродин, К.В. Базилевич, С.В. Юшков¹⁷⁰, обвинивших сво-

¹⁶⁷ Мавродин В.В. Образование Русского национального государства. Л., 1939. С. 38.

¹⁶⁸ Тихомиров М.Н. Начало возвышения Москвы // Известия АН СССР. Сер. История и философия. 1944. Т. 1. № 3. С. 97–108.

¹⁶⁹ Смирнов П. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2/3. С. 55–90.

¹⁷⁰ Смирнов И. О путях исследования Русского централизованного государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 30–44; Мавродин В. Некоторые замечания по поводу статьи П.П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.» // Там же. С. 45–54; Юшков С. К вопросу об образовании Русского государства в XIV–XVI веков (по поводу статьи П.П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 55–67; Базилевич К. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнова) // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 26–44.

его оппонента в извращенном, примитивном и прямолинейном восприятии марксизма, источниковедческих неточностях и ошибках.

Таким образом, концепция факторов возвышения Москвы, предложенная В.О. Ключевским, выстояла, несмотря на внесенные в нее коррективы. Во многом от В.О. Ключевского будет исходить и общепринятое видение событий первой половины правления Василия II Темного. Историком феодальная замятня (впоследствии, в терминологии его советских преемников, «феодальная война») представлялась естественным этапом процесса объединения русских земель. Захват Москвой соседних княжеств он именовал внешними политическими успехами, но помимо них существовали и внутренние успехи, заключающиеся в возвышении одного князя из московского дома над другими представителями династии. Наиболее значимым среди них он именовал утверждение приоритета «нисходящей линии преемства»¹⁷¹ от отца к сыну, заменившую принцип старшинства. Конфликт Юрия Дмитриевича и его сыновей с Василием II стал проявлением конфликта двух принципов наследия престола. Юрий Дмитриевич в этой картине играет роль олицетворения удельных порядков, Василий II – новой, централизованной России. Победа досталась последнему, считал ученый, «потому, что все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русских землях стало за него»¹⁷². Манифестировалась массовая поддержка действий московского князя. Феодальная война изображалась им едва ли не финальной битвой сил интеграции и дезинтеграции страны. Победа Василия II означала устранение препятствий в деле объединения русских земель.

Как и в случае с концепцией факторов возвышения Москвы, эти построения были в модернизированном виде усвоены советской исторической наукой¹⁷³. Стоит отметить, что одной из ключевых фигур в изучении данной темы стал В.Н. Бочкарев, человек уникальный, но так и не ставший в силу своих тяжелых личных

¹⁷¹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 42.

¹⁷² Там же. С. 46.

¹⁷³ См.: Алексеева С.В. О понятии «феодальная война» в отечественной историографии XX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2006. № 4. С. 24–30.

обстоятельств известным и авторитетным ученым¹⁷⁴. К сожалению, его докторская диссертация «Феодальная война в удельно-княжеской Руси XV в. Борьба за создание Русского национального государства» полностью так и осталась неопубликованной, лишь отдельные ее фрагменты появлялись в виде статей¹⁷⁵. Однако заложивший основы восприятия данной темы Л.В. Черепнин был с ней знаком и открыто признавал, что его построения отчасти основаны на идеях В.Н. Бочкарева¹⁷⁶. Вновь обратимся к его монографии.

Л.В. Черепнин жестко связывает причины и ход феодальной войны с классовой борьбой и противоречиями внутри класса феодалов. С одной стороны, считал он, феодалы были заинтересованы в сильной централизованной власти, которая обеспечивала бы эксплуатацию трудящихся масс, с другой – это вынуждало их уступить в пользу монарха часть своих материальных благ и привилегий. Класс феодалов разделился на два больших лагеря – радикальных и умеренных сторонников централизации, конфронтация между которыми была неизбежна. Через подобные конфликты, писал Л.В. Черепнин, прошли и страны Западной Европы, в частности, Англия и Франция¹⁷⁷.

Основные предпосылки феодальной войны Л.В. Черепнин видел «1) в политической консолидации отдельных княжеств Северо-Восточной Руси, без решающей битвы между которыми не могло сложиться централизованное государство; 2) в сопротивлении удельных князей надвигающейся ломке удельной системы; 3) в усилении противоречий внутри господствующего класса (и его высшего слоя – боярства), отдельные группы которого по-разному понимали пути политического объединения Руси и государственной централизации»¹⁷⁸. Сыграла свою

¹⁷⁴ См. о нем отрывок из воспоминаний Л.Н. Пушкарева: Пушкарев Л.Н. Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 128. Фактически отсутствует его биография, есть лишь небольшой некролог, посвященный этому человеку: Валентин Николаевич Бочкарев [некролог] // Вопросы истории. 1968. №1. С. 221. С.В. Алексеева посвятила отдельную статью его вкладу в изучение феодальной войны: Алексеева С.В. К изучению отечественной историографии 30–40-х годов XX вв. // Призвание – история: Сб. научных статей к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010. С. 71–74.

¹⁷⁵ Бочкарев В. Н. Из истории борьбы русского народа за свою национально-политическую независимость в XV в. // Записки НИИ при СМ Мордовской АССР. История и археология. 1947. № 9. С. 1–10; Он же. Политические итоги феодальной войны в удельно-княжеской Руси XV в. // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. 1947. Т. II. Вып. 2. С. 51–70.

¹⁷⁶ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства... С. 473.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же. С. 737.

роль и внешняя интервенция, активное участие в борьбе литовских и золотоордынских вооруженных сил. Наконец, ведущим фактором, породившим конфликт, стало обострение классовой борьбы. Ему Л.В. Черепнин отводит центральное место в описываемых событиях. Именно подъем антифеодальной борьбы стало причиной (пусть даже опосредовано) начала феодальной войны, а дальнейшее усиление классовой конфронтации привело к ее прекращению. Недовольство народных масс заставило феодалов консолидироваться, подталкивало к принятию идеи сильного централизованного государства.

Л.В. Черепнину принадлежит и новый вариант периодизации феодальной войны. Им выделено три этапа. Первый – борьба Василия II с Юрием Дмитриевичем (1425–1434 гг.), в ходе которой та и другая сторона показала свою мощь в полной мере. Обе стороны выступают равными по силам противниками. Вторым этапом стала борьба с Василием Косым (1434–1436 гг.). Одним из наиболее важных характеристик данного этапа была стремительная эскалация конфликта, охватившего почти всю Северо-Восточную Русь. Политическая борьба на этом этапе перерастает в борьбу социальную, а силы централизации начинают нарастать. Но наиболее ярко противостояние сил интеграции и дезинтеграции проявилось в ходе третьего этапа войны (Дмитрий Шемяка, 1445–1453 гг.). В политике Дмитрия Шемяки, занявшего великокняжеский стол, Л.В. Черепнин видел яркие проявления центробежных сил. Так, с его вокняжения было восстановлено Суздальско-Нижегородское княжение. Начались переговоры о новом московско-новгородском докончании, причем инициатором переговоров выступает Шемяка. В ответ свои переговоры начинает Тверь, по-видимому, желая противопоставить Москве новый новгородско-тверской союз. Из этого Л.В. Черепнин сделал вывод об «усилении в рассматриваемое время тенденций к политическому обособлению от московского центра отдельных русских земель, об укреплении их самостоятельности»¹⁷⁹. Ошибкой Дмитрия Шемяки, как и его отца Юрия Дмитриевича, стало отстранение от активной политической деятельности московских бояр и детей боярских, в отместку переходивших на сторону Василия II. Против Шемяки

---

¹⁷⁹ Там же. С. 796.

выступила и церковь, заинтересованная в централизации государства (в силу «разбросанности» своих владений по всей территории русских княжеств). Децентрализация Северо-Восточной Руси отрицательно сказывалась на ее экономическом развитии, а неудачная политика Шемяки привела к опустошению казны. Наконец, очередное обострение классовой борьбы принудило феодалов к консолидации, указало им на необходимость создания централизованного государства, влекло на сторону Василия II.

Несмотря на внешние расхождения, построения Л.В. Черепнина развивают картину, заложенную В.О. Ключевским. Как и его предшественник, советский историк изображает изучаемое им явление в качестве битвы сил интеграции и дезинтеграции страны, подчеркивает главенствующую роль Москвы в процессе объединения русских земель, дает позитивные оценки победе Василия II над своими соперниками. Изменилось понимание движущих пружин этого конфликта – противостояние удельной системе у Л.В. Черепнина лишь одна из граней конфликта, а определяющую роль в нем играет уже классовая борьба. Возможность победы Юрия Дмитриевича и его сыновей Л.В. Черепнин как альтернативный исход событий не рассматривал (в отличие от сюжета о противостоянии Твери и Москвы, где исход в его изображении предрешенным изначально не выглядел). У В.О. Ключевского «все разумное» приняло сторону московского князя, у Л.В. Черепнина подчеркивается противоречивость, неопределенность и двойственность политических позиций различных групп и слоев. Впрочем, в конечном счете вокруг Василия II, по советскому историку, объединяются и феодалы, и даже народные массы, заинтересованные в хозяйственном развитии страны и разрушении феодальных перегородок. У В.О. Ключевского победа Василия II становилась и успехом сил национального освобождения, Л.В. Черепнин такого прямого отождествления в своей книге не допускал. Конечно, подчеркивал он, становление централизованного государства было шагом к освобождению от татаро-монгольского ига, но в то же время он обращает внимание и на и связь Василия II с татарами, его «благожелательные» отношения с Ордой. Впрочем, одновременно не преминул он отметить и активное сотрудничество с внешними силами Юрия

Дмитриевича и Дмитрия Шемяки, причем связь добровольную. Но, несмотря на отмеченные выше детали, Л.В. Черепнин оставался в «москвоцентрическом» круге представлений.

«Витязь на распутье»: «полицентрическое» видение российской истории. А.А. Зимин полностью «взрывает» эти конструкции. Он дискредитировал тезис о войне сил интеграции и дезинтеграции страны как сути феномена феодальной войны. В его изображении галицкие князья являются более последовательными проводниками политики централизации, чем Василий II. Так, особенно контрастно это выступает в описании краткого (несколько месяцев) правления Юрия Дмитриевича. Рязанского великого князя Юрий Дмитриевич начинает именовать «братаничем» (т.е. племянником), а можайских князей Ивана и Михаила Андреевича обещал держать в «сыновстве», в то время как Василий II выстраивал отношения с другими князьями по принципу «брат старейший – брат младший». Следовательно, галицкий князь выказывал претензии на большие прерогативы в межкняжеских отношениях, чем его соперник. Глубокое символическое начало он находил и в проведенной им денежной реформе. На монетах, выпущенных Юрием Дмитриевичем, помещалось изображение его небесного покровителя Георгия Победоносца, пронзающего змея, в чем А.А. Зимин видел заявку на утверждение единой державы¹⁸⁰. Сходным образом проявил свои централизаторские устремления и Дмитрий Шемяка: на вычеканенных по его распоряжению монетах изображался всадник с копьем и буквами «Д.о.» (что историком расшифровывалось как «Дмитрий-осподарь»), кроме того на них помещалась надпись «Осподарь всея земли Русской» и изображение князя на троне¹⁸¹. С собственно финансовой точки зрения, впрочем, последняя реформа оказалась неудачной и сыграла против ее инициатора. Восстановление же с санкции Дмитрия Шемяки Нижегородско-Суздальского княжества А.А. Зимин относил ко времени, когда целью его противоборства с Василием II уже не являлся великокняжеский стол¹⁸². Переговоры с Новгородом, подчеркивал историк, ставили целью лишь подтвердить уж существ-

¹⁸⁰ Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 67.

¹⁸¹ Там же. С. 113.

¹⁸² Там же. С. 126.

вующие старые договоренности с Москвой¹⁸³. В то же время Василий II, стремясь образовать вокруг себя коалицию союзников, в начальный период феодальной войны шел даже на некоторые уступки в пользу других князей (например, ограничил полномочия московского наместника)¹⁸⁴.

Историк не скрывал своих личных симпатий и антипатий, открыто проявлявших себя в характеристиках персонажей его исследования. Василий II Темный именуется им «личностью маловыразительной», «ничтожеством»¹⁸⁵. Он, в изображении историка, обладает посредственными государственными способностями, является плохим военачальником, проигрывающим сражения, в которых принимал непосредственное участие. Рассказывая о пленении московского князя Улу-Мухаммедом в 1445 г., историк не забыл подчеркнуть, что Василий II отправился на битву «с перепоею»¹⁸⁶, после обильного возлияния со своими боярами в предшествующую ночь. Последним деянием в его жизни стал отданный за несколько дней до смерти приказ казнить заподозренных в измене служилых людей князя Василия Ярославовича Серпуховского. Как пишет А.А. Зимин, эти «страшные казни» стали «предвестниками того, что принесет с собой образование единого государства тем, кто не хотел мириться с этим фактом или вызывал чем-либо другим неудовольствие державного правителя»¹⁸⁷.

С подобными уничижительными оценками резко контрастируют строки, посвященные галицким князьям. Так, Юрий Дмитриевич «принадлежал к числу выдающихся политических деятелей», был «умным политиком», «умел идти на компромиссы», но только тогда, когда того требовала политическая обстановка. «Являясь наследником Дмитрия Донского»¹⁸⁸, он стремился к сплочению русских земель ради продолжения борьбы с Ордой. Помимо всего прочего А.А. Зимин именуется его еще и «покровителем замечательных начинаний в русском искусст-

¹⁸³ Там же. С. 112.

¹⁸⁴ Там же. С. 54–56. Впрочем, такую же интерпретацию данной реформы можно обнаружить и у Л.В. Черепнина, см.: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства... С. 755.

¹⁸⁵ Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 187, 202.

¹⁸⁶ Там же. С. 104.

¹⁸⁷ Там же. С. 185.

¹⁸⁸ Там же. С. 68.

ве», «князем эпохи Предвозрождения»¹⁸⁹. Контрастной, противоречивой и могучей фигурой в работе А.А. Зимина рисуется Дмитрий Шемяка. Дмитрий Юрьевич «был самым блистательным сыном той мрачной эпохи»¹⁹⁰, волевым, энергичным и эмоциональным, верным последователем политической программы своего отца и деда. Историк наделяет его большими дипломатическими способностями, благодаря которым он мог объединить вокруг себя людей с весьма противоречивыми планами и устремлениями. А.А. Зимин видел в нем провидца, предугадавшего будущее России. Однако «Дмитрию Шемяке не терпелось», «а история никогда и ничего не прощает тем, кто пытается приподнять завесу, скрывающую тайны будущего»¹⁹¹. Планы князя оказались слишком нереалистичны для начала XV в.

Возникает своего рода парадокс – в крайне напряженной борьбе победу одерживает именно самый слабый и лишенный талантов претендент. А.А. Зимин находит объяснение и этому – подобная фигура привлекала к себе талантливых и энергичных деятелей из числа бояр, в то время как галицкие князья были слишком властны, что отталкивало от них соратников¹⁹². Так сила и мощь привели к поражению, в то время как слабость (в том числе и духовная, нравственная) оказалась преимуществом в борьбе.

У Л.В. Черепнина классовая борьба выступала главной движущей пружиной феодальной войны. У А.А. Зимина фактически отсутствует мотив социальной борьбы. В монографии нет упоминаний терминов «класс», «классовая борьба», равно как и «общественно-экономическая формация», «революция», «способ производства» и иной характерной для марксизма риторика. Не приведено ни одной цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Эпизоды классовой борьбы, описанные у Л.В. Черепнина, почти не находят отражения в «Витязе на распутье».

¹⁸⁹ Там же. С. 68.

¹⁹⁰ Там же. С. 202.

¹⁹¹ М же. С. 159, 202.

¹⁹² Так, по поводу Дмитрия Шемяки у историка сказано: «... в российских условиях он не мог не стать тираном, авантюристом» (Там же. С. 202). Несмотря на все свои симпатии А.А. Зимин задается риторическим вопросом: «Что лучше: тирания удельного самовластца или тысячи аленьких своеволий княжат, бояр и детей боярских из московского двора, за которыми в далеком тумане вырисовывается кровавая фигура Грозного-убийцы?» (Там же. С. 201–202).

Поэтому можно с полной уверенностью заявить – в «Витязе на распутье» А.А. Зимин окончательно зафиксировал свой разрыв с марксизмом.

Таким образом, А.А. Зимин ратует за кардинальное обновление всей картины движущих факторов и причин феодальной войны. Основным тезисом историка, из которого он исходил в своих дальнейших соображениях, стало признание не просто разного уровня, но принципиально различных путей развития русских земель. Первый путь развития олицетворяли собой Новгород и Тверь, жившие за счет проходивших по их территории транзитных торговых путей. Это предопределило их полную несамостоятельность – в своей политике они оказались вынуждены лавировать между другими центрами силы, пытаясь найти наиболее благоприятное для себя положение. В дальнейшем это привело к их падению. Второй путь – крепостнический – олицетворяли собой центральные и южные районы (в том числе и Москва). Плодородные земли здесь были главной ценностью, это определило большую роль земледелия в экономике. Знать была крайне заинтересована в том, чтобы как можно крепче прикрепить крестьян к земле – отсюда и причина формирования крепостного права. Говоря о третьем пути развития, А.А. Зимин открыто опирается на построения уже неоднократно упоминаемого ленинградского историка Н.Е. Носова («Н.Е. Носов высказал плодотворную мысль...»¹⁹³). Экономика Севера и части Поволжья (Галич, Вятка, Устюг, Углич) строилась вокруг охоты, рыболовства и соледобывающей промышленности. Последнее и стало причиной того, что внешне архаические и варварские общества одновременно стали носителями предбуржуазных тенденций развития. А.А. Зимин патетически утверждал – эти местности «к середине 20-х годов XV в. сделали большой скачок в будущее»¹⁹⁴.

Историк подверг скрупулезному анализу накопленные в историографии до него варианты объяснения причин возвышения Москвы. Практически все ответы он счел неудачными. Так «маленькая речушка Москва была всего-навсего внуч-

---

¹⁹³ Там же. С. 209.

¹⁹⁴ Там же. С. 201.

кой-золушкой мощной Волги»¹⁹⁵, а потому не представляется возможным говорить о существовании в том районе удобных торговых путей. Транзитная торговля «едва ли могла захватить широкие массы местного населения, тем более начало и концы путей, по которым она шла, не находились в руках московских князей»¹⁹⁶. Самые удачные позиции в системе торговых путей занимали Тверь и Нижний Новгород. Отсутствовали залежи природных ископаемых, в результате хищнического использования истощился лес, было истреблено основное поголовье пушного зверя. По сравнению с соседними княжествами явна нехватка даже хлебородной земли. Сравнительно успешно развивалось бортничество, но большинство дикого меда шло «на изготовление напитков»¹⁹⁷. Отсутствие крупных залежей железа пагубным образом сказывалось на обеспеченности московской армии оружием и доспехами. Отрицал А.А. Зимин и ведущую роль Москвы в оформлении великорусской народности – «этногенетический процесс вряд ли плодотворно локализовать в одном городе с округой», поэтому «роль в этом процессе, скажем, Твери, Галича, Новгорода была равно значительной»¹⁹⁸. Татары неоднократно подходили к Москве, значит, ее центральное положение не могло защитить от нападений внешних врагов. Вопрос об особой политической линии московских князей историк не рассматривал. Из его характеристик явно следует, что никакими преимуществами и уникальными методами управления по сравнению со своими соседями московские князья не обладали.

Следовательно, Москва не была единственно возможным центром объединения русских княжеств даже в первой половине XV в. Феодалная война, предстает противоборством двух таковых возможных центров интеграции, и, одновременно, точкой выбора одного из вероятных путей развития страны – крепостнического либо предбуржуазного.

Отталкиваясь от такового понимания сути феодалной войны, А.А. Зимин выработал и ее новую периодизацию. Этапы он выделял исходя из двух критери-

---

¹⁹⁵ Там же. С. 191.

¹⁹⁶ Там же. С. 192.

¹⁹⁷ Там же. С. 193.

¹⁹⁸ Там же. С. 195.

ев: целей, преследуемых противоборствующими сторонами, и территориальных рамок конфликта. Безусловно, по сравнению с периодизацией Л.В. Черепнина, четко не сформулировавшего таких критериев (формально не озвучил своих в тексте монографии и А.А. Зимин, их возможно реконструировали исходя из его конкретно-исторических построений), фактически выделявший этапы исходя из персонального состава задействованных в ней лиц. На первом этапе (1425–1446 гг.) объектом соперничества был великокняжеский стол. При этом «борьба шла прежде всего за обладание Волгой и приволжскими районами»¹⁹⁹, землями, которые четко не определились с выбором стороны конфликта. Противостояние продолжалось с переменным успехом, Москва несколько раз переходила из рук в руки. Его завершение совпало с поражением галицких князей, после которого они не могли рассчитывать на великое княжение. На втором этапе (1446–1453 гг.) Дмитрий Шемяка предпринимает попытку создать собственное государственное образование, консолидировав вокруг себя Заволжье. Василий II ведет войну ради окончательной ликвидации своего противника. Фактически все это время московские войска захватывают опорные пункты «царства» Шемяки. А.А. Зимин не преминул отметить, что война окончилась после отравления Дмитрия Шемяки, выполненного агентами Василия II.

Итак, победу одержала Москва. Для А.А. Зимины это – наихудший из возможных исходов. Стране была навязана крепостническая модель развития, «Север противостоял Центру и был в конечном счете им подмят под себя»²⁰⁰. Впрочем, предбуржуазная тенденция развития не будет подавлена одномоментно, она проявит себя и в середине XVI в. Дальнейший курс централизации государства будет проводиться жесткими, репрессивными мерами. Первые массовые казни санкционирует сам Василий II, их логическим продолжением станет опричнина Ивана IV Грозного.

«Витязь на распутье», пожалуй, первая (и единственная) монография, в которую историк открыто приносит морально-этическую оценку событий прошло-

---

¹⁹⁹ Там же. С. 199.

²⁰⁰ Там же. С. 209.

го. Это, однако, не означало, что А.А. Зимин не осознавал различия в миропонимании и системе этических координат современного человека и деятеля эпохи русского Средневековья. Подтверждением тому могут служить его попытки объяснить поступки своих героев, не вписывающихся в привычные, рациональные рамки и соображения. Так, Юрий Дмитриевич после победы наделяет Василия II уделом (Коломна), ставшим центром сосредоточения промосковски настроенной оппозиции. С точки зрения современного человека это был самоубийственный шаг, в конечном счете и приведший к падению Юрия. Однако же он полностью соответствовал той политической программе, которую отстаивал галицкий князь. Принцип следования завещанию Дмитрия Донского предполагал, что «удел, переданный князем Дмитрием своему наследнику престола (Василий I), оставался за его сыном»²⁰¹. Тот же принцип во время мятежа Василия Косого заставил Дмитрия Шемяку поддержать своего заклятого соперника. Говоря о моральной нечистоплотности Василия II, отравившего конкурента, А.А. Зимин приводит свидетельство его современников, доказывая, что уже тогда подобное средство борьбы за власть считалось недопустимым²⁰². Он не переносил свою систему этических координат на изучаемое время, но «налагал» ее «поверх» уже обрисованной им картины.

Однако у А.А. Зимины все много масштабнее – он дает моральные оценки не только отдельным лицам и категориям населения, но, фактически, самому ходу исторического процесса. Крепостнический путь развития был плох отнюдь не тем, что оказался экономически неэффективным и закрепил дальнейшее отставание России от Западной Европы. Повествуя о последствиях совершенного в ходе феодальной войны выбора, он пишет применительно к концу XV в.: «Страна вроде бы благоденствует. Каждый при своем деле». Главной издержкой стала та «плата», «которую весь народ (и господа, и слуги) заплатили за царство благоденствия» - была «утеряна свобода»²⁰³. А.А. Зимин не уточняет, что он понимал под этим термином, но из всего контекста высказывания следовало, что в данном слу-

---

²⁰¹ Там же. С. 59.

²⁰² Там же. С. 154–156.

²⁰³ Там же. С. 211.

чае «свободу» следует понимать как категорию нравственную, и отсутствие ее грозит не только человеческими жертвами, но и духовной деградацией народа. Так, переоценка пройденного пути произойдет, когда «много лет спустя “в стране рабов, стране господ” начнут убеждаться, что не хлебом единым жив человек...»²⁰⁴.

Нетрудно убедиться, что А.А. Зимин полностью опровергал все основные положения «москвоцентризма». Москва в его построениях лишается значения «флагмана» централизации, становится лишь одним из возможных центров объединения русских земель. А.А. Зимин отказывает ей и в какой-либо прогрессивной роли в данном процессе. Наоборот, победа Москвы завела страну в своего рода «крепостнический тупик», повела по наихудшему из возможных путей развития. Историк отказался и от видения централизации как явления, по своей сути носящего прогрессивный характер. Централизация «вообще» уступает место «централизациям». Важным мыслится уже не само объединение русских земель, но принципы, на основе которых оно происходит, то социально-экономическое и политическое содержание, которое централизация с собой несет. С этой точки зрения А.А. Зимин отказывает в прогрессивном характере тому варианту объединения России, который был реализован на практике. «Витязь на распутье» - книга, пропитанная антиэтатизмом, своей крайней эмоциональностью напоминающая работы советских историков 1920-х гг. (того же М.Н. Покровского).

Таким образом, А.А. Зимин в своей последней монографии преодолел, вышел за рамки видения российской истории, около полутора столетий успешно существовавшего и доминировавшего в исторической науке. При этом речь не идет о «голом» отрицании всего накопленного в науке материала, историк предложил взамен свою интерпретацию процесса формирования единого Русского государства. Новое видение российского исторического процесса базировалось на двух основных посылах: во-первых, признании альтернативного характера исторического процесса, наличия в нем многочисленных «развилок»; во-вторых, идее о неоднородности развития земель, вошедших в состав единого Русского государ-

---

²⁰⁴ Там же. С. 211.

ства, каждая из которых могла идти по своему пути развития. Историограф В.А. Муравьев, рассуждая о творческой эволюции А.А. Зимина, в числе прочих, характеризующих научные представления ученого на последнем этапе его жизни, употребил термин «полицентризм» (в противопоставлении его «москвоцентрическому подходу»²⁰⁵), при этом не давая к нему каких-либо пояснений. Пожалуй, слово «полицентризм» (вне зависимости от того, какое значение вкладывал в него сам В.А. Муравьев) весьма удачно отражает суть нового подхода, сформулированного в «Витязе на распутье». Трудно сказать, каким образом была бы скорректирована (по сути, переписана заново) картина истории России XV – начала XVII вв. Под подобным углом зрения Русское государство должно было бы предстать не в качестве однородной структуры, но как некое собрание разнонаправленных импульсов, которые вынуждена была согласовывать центральная власть в лице великого князя. В «России на рубеже XV–XVI столетий» А.А. Зимин вплотную подошел к подобному углу зрения. Сам он, однако, предпочел не возвращаться к ранее написанному, а устремиться «вглубь» - выше уже говорилось о том, что следующая планируемая им монография должна была рассказывать о правлении Василия I. Смерть оборвала его начинания.

«Прагматический подход»: вновь о методологических установках А.А. Зимина. Одним из самых сложных и запутанных является вопрос о методологических предпочтениях А.А. Зимина и их эволюции. О его теоретико-методологических установках применительно к работам конца 1940 – начала 1970-х гг. диссертант уже говорил. С сожалением остается признать, что опубликованные фрагменты личных записей историка не только не проясняют, но и еще более запутывают ситуацию. Не будучи изначально предназначены для печати и широкого распространения, тексты с изложенными в них идеями представляются бессистемными, весьма трудно и говорить об их воплощении в конкретно-исторических построениях ученого.

---

²⁰⁵ Муравьев В.А. Александр Александрович Зимин. С. 174; Он же. А.А. Зимин: историк в контексте эпохи. С. 97.

В одной из своих последних работ А.А. Зимин упоминал о некоем выработанном им «прагматическом подходе»²⁰⁶, с позиций которого и были написаны заключительные книги цикла. Однако ученый так и не пояснил, в чем же он состоит.

В.Б. Кобрин и А.Л. Хорошкевич попробовали расшифровать это понятие. Согласно их пониманию, прагматический подход представляет собой «сочетание синтеза и скрупулезного научного анализа», «такой метод подразумевает и глубокое обобщение всего, что сделано исторической наукой, и тщательное исследование многих проблем отечественной истории, и единый связный рассказ о всех событиях и явлениях изучаемого периода»²⁰⁷. Несколько иную интерпретацию сути «прагматического подхода» дает В.М. Панеях. В целом соглашаясь с определением В.Б. Кобрин и А.Л. Хорошкевич, он признает его «слишком расширительным», так как «сочетание анализа и синтеза, обобщения и исследования – необходимое условие любой научной работы». «Прагматический подход», по его мнению, это – «связный рассказ о всех событиях и явлениях изучаемой эпохи, повествовательная, нарративная, по словам А.А. Зимина (остается неясным, где эти «слова» отражены – В.М. Панеях не подтвердил свое высказывание соответствующей сноской – М.Б.), история, прослеживающая живую цепь событий, день за днем, безотносительно важности отдельных звеньев в цепи». Более того, «речь, по-видимому, должна идти о рассказе, который основывается на эмансипации факта как такового»²⁰⁸, высвобождении мысли ученого от влияния утвердившихся в историографии традиций и схем. В этом В.М. Панеях видел сближение А.А. Зимина с научными воззрениями таких крупных представителей «петербургской исторической школы», как А.Е. Пресняков и Б.А. Романов. И совсем экзотическую интерпретацию «прагматического подхода» дал Д.М. Володихин, увидевший в нем «плоть от плоти научного метода С.М. Соловьева»²⁰⁹, основанного на гегельянской философии истории. При этом внешними проявлениями того стала

²⁰⁶ Зимин А.А. В канун... С. 6.

²⁰⁷ Кобрин В.Б., Хорошкевич А.Л. Послесловие // Зимин А.А. В канун... С. 241.

²⁰⁸ Панеях В.М. Панорама истории России XV – XVI веков А.А. Зимина... С. 100.

²⁰⁹ Володихин Д.М. Очерк методологии А.А. Зимина. С. 44.

уже отмеченная В.М. Панеяхом манера строить нарратив на основе хронологического описания событий, свойственного для русских историков XIX в. Отсюда Д.М. Володихиным делался далеко идущий вывод о том, что «Зимин в развитии своего творческого научного метода проделал эволюцию, обратную той, которую российская историческая наука прошла в XIX – начале XX вв.» - от марксизма к позитивизму и затем «гегельянскому стилю Соловьева в своем историописании»²¹⁰.

Первое, что обращает на себя внимание во всех трех определениях – ни одно из них не базируется на формулировках самого А.А. Зимина, в том числе и гипотетических, которые могли бы содержаться в его неопубликованных текстах. При этом трое из четырех авторов (В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич, В.М. Панеях) были лично знакомы с ученым и могли бы в своих рассуждениях опираться на его устные высказывания, озвученные им в ходе неформального общения, однако в их рассуждениях отсутствуют какие-либо намеки на это. Таким образом, остается лишь констатировать: все три определения представляют собой сугубо авторские интерпретации, базирующиеся на предположениях самих историографов. Кроме того, тот факт, что сам ученый не дал расшифровки собственному определению и употребил его всего лишь несколько раз в предисловиях к своим книгам, свидетельствует о той незначительной роли, которую он ему придавал. Вполне возможно, что в законченном виде А.А. Зимин так его и не сформулировал. Неясно и то, мыслил ли историк «прагматический подход» как новацию или он лишь нашел термин для методологических принципов, уже давно реализовывавшихся в его творчестве.

Пожалуй, самое ощутимое отличие последних монографий А.А. Зимина от его предшествующего творчества заключается в их стиле изложения (на чем и сконцентрировали свое внимание В.М. Панеях и Д.М. Володихин). Повествование начинает строиться вокруг изложения фактов, выстроенных в хронологическом порядке. Особенно ощущается это в «Витязе на распутье». Во многом это привлекает к книге читателя–любителя, не-специалиста, создавая для него своего

---

²¹⁰ Там же. С. 45.

рода «эффект присутствия», и в то же время затрудняет ее чтение историку-профессионалу, ждущему от работы в первую очередь концептуального осмысления истории (так, пожалуй, одним из самых слабых моментов книги является то, что А.А. Зимин фактически отказался от обоснования «особого пути» Русского Севера, ограничившись лишь отсылкой к работам Н.Е. Носова, посвященным уже России середины XVI в.). Одним из возможных объяснений тому могло стать утверждение о переходе А.А. Зимины на позиции так называемого фактографического позитивизма, отводящего историку роль бесстрастного фиксатора закрепленных в источниках исторических фактов²¹¹. В какой-то мере к таковой точке зрения склоняется в своих рассуждениях и В.М. Панеях. В пользу ее свидетельствует и его пренебрежение, нелюбовь к методологической сфере научных изысканий, содержащиеся в его личных записях призывы к изучению «живой» ткани истории в противовес мертвящим схемам. Однако ряд фактов заставляет опровергнуть данное суждение. Фактографический позитивизм отвергает оценочные суждения и широкие концептуальные обобщения. Все это, как уже было показано, присутствует в монографиях А.А. Зимины. Так, например, в «Витязе на распутье» на хронологическом принципе изложения материала строится основная часть книги, 8 глав из 11 (считая небольшое авторское предисловие). Но 3 главы из 11 содержат концептуальные обобщения, именно на них и «работает» остальная часть этого произведения.

Полагаем, нет никаких фактов, свидетельствующих о существенных методологических подвижках в творчестве ученого. В целом он все также может быть охарактеризован как социологический позитивист, как и в предыдущий период творчества. Новой деталью становится появление в «Витязе на распутье» идеи об альтернативном характере исторического процесса, но она вполне согласуется с позитивизмом, логически вытекая из признания многофакторности процесса развития общества.

---

²¹¹ Своего рода «классикой» этой методологической позиции стала совместная работа Ш.-В. Ланглуа и Ф. Сеньобоса: Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004 (1-е изд. СПб., 1892).

«Полицентризм» и российская историческая наука рубежа XX–XXI вв.

Итак, как уже говорилось выше, опубликовать «Витязя на распутье» удалось лишь в 1991 г., когда советская система идеологического контроля над наукой рухнула вместе с самой идеологией и страной. Остался неопубликованным справочник и сборник подготовительных материалов к нему (свет увидел впоследствии лишь небольшой его фрагмент, касающийся историографии изучаемой темы²¹²). Остается отметить еще один из парадоксов, связанных с творчеством А.А. Зимина: «Витязь на распутье» был чужд исторической науке в момент своего появления, но в начале 1990-х гг. он оказался созвучен вопросам, поставленным историческим сознанием общества. Провал «советского проекта» заставил мыслителей (философов, социологов, историков, литераторов и публицистов) задуматься о своеобразии исторического опыта России, его соотношении с опытом Западной Европы. В тот момент представлялось, что Россия вышла за рамки магистрального пути развития человечества, зашла в тупик, отставала от наиболее развитых стран мира. Фактически таковое мировосприятие захватило если не большинство, то значительную часть советских (российских) интеллектуалов. Невыясненным оставался вопрос о точке, начале расхождения исторического пути России и Запада. Монография А.А. Зимина на большом эмпирическом материале указывала и описывала эту точку «невозвращения». Созвучной новым временам оказалась и манера повествования, более напоминающая художественное произведение, чем научное исследование – конец 1980 – начала 1990-х гг. стали временем расцвета публицистики и подъема массового интереса к отечественной истории. Неудивительно, что книга была издана большим тиражом (в самом издании стоит цифра в 100 000 экземпляров, проверить степень ее достоверности, конечно же, не представляется возможным).

Пожалуй, о значимости, придаваемой историческим сообществом этой книге, свидетельствует тот факт, что из многочисленных отзывов на нее лишь два могут быть отнесены к традиционной научной рецензии. Хронологически первым

---

²¹² Зимин А.А. Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой и В.О. Ключевский о времени Василия Темного // В.О. Ключевский. Сборник материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 123–130.

среди них стала рецензия В.Н. Козлякова²¹³. Автор отметил еще один из парадоксов последней книги А.А. Зимина: в ней ни разу не употребляется термин «феодалная война», присутствующий в ее названии. Отсутствие его он считает более чем логичным и уместными – исследование А.А. Зимина опровергает все привычные штампы, связанные с этим названием. В.Н. Козляков одним из немногих рецензентов обратил внимание на то, что А.А. Зимин «уделяет большое внимание нравственному критерию оценки исторических лиц и их деятельности». Для него это – одна из важнейших составляющих исследования, «вводя этический критерий и привнося опыт человека XX столетия, он (А.А. Зимин – М.Б.) по-новому разрешает старый вопрос о “героях” и “антигероях” XV века»²¹⁴. Интересно и замечание об отрицательном отношении А.А. Зимина к процессу централизации, впервые применительно к его творчеству прозвучит термин «москвоцентризм» («книге чужд “московско-центрический” подход»²¹⁵).

Иной характер у рецензии И. Смирнова, написанной для научно-популярного журнала «Знание-сила» и обращенной к читателю-непрофессионалу²¹⁶. В целом она представляла собой своего рода «художественный» пересказ содержания монографии А.А. Зимина. Пожалуй, И. Смирнов был единственным, кто отметил экзистенциальные, личные мотивы написания монографии: «А.А. Зимин создавал своего “Витязя” в расчете на потомков, государственная премия, место в академии его интересовали мало»²¹⁷. Именно это, полагал рецензент, и определило ее свободу от идеологических советских клише. При этом изложение, по-видимому, исходя из желания «расцветить» повествование, рецензент выстроил его вокруг героев книги, пересказывая их действия и приводимые в книге психологические характеристики. Отметил И. Смирнов и то, что монография А.А. Зимина порывала не только с советскими историографическими

²¹³ Козляков В.Н. Рец. на: А.А. Зимин. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М: Мысль, 1991. // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 198–200.

²¹⁴ Там же. С. 199.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Смирнов И. Хроника времени Василия Темного // Знание-сила. 1993. № 11. С. 80-83.

²¹⁷ Там же. С. 80.

традициями, но и с наследием дореволюционных историков, что еще более подчеркивало значимость его исследования.

Публикация «Витязя на распутье» побудила старого знакомого А.А. Зимина В.М. Панеях выступить со статьей биографического характера, в которой он сделал попытку очертить пройденный ученым путь. В центре ее В.М. Панеях поставил именно судьбу цикла «Россия на пороге нового времени»²¹⁸. Остановимся лишь на тех аспектах статьи, которые прямо и непосредственно относятся к последнему исследованию историка. В.М. Панеях рассматривал «Витязя на распутье» в качестве вершины всего творчества А.А. Зимина. Главным достижением историка в монографии он считал отход от социологического догматизма, довлевшего над ученым, и переход к «прагматическому подходу» (его интерпретация озвучена выше). Результатом того стало новое видение движущих пружин «феодальной войны» - «не в классовой борьбе и других подобных традиционных компонентах, а в субъективных факторах, именно в междукняжеских отношениях»²¹⁹. Говоря о причинах столь радикального разрыва А.А. Зимина со своим прежним творчеством и советской историографической средой, В.М. Панеях фиксирует внимание читателей не на особых жизненных обстоятельствах, в которых она была создана, а на истории с обсуждением «Слова о полку Игореве» и ее психологическом влиянии на ученого. Именно с этого момента, полагал он, А.А. Зимин начинает избавляться от довлевших над ним социологических схем в пользу эмпирического материала.

В статье он ведет и заочную полемику с историком. Так, крайне неудачным В.М. Панеях признал название, данное А.А. Зимину своему циклу. По его мнению, «нецелесообразно определять эпоху... единой формулировкой, отталкиваясь не от ее внутреннего содержания, а от содержания последующей эпохи, даже если оно верно уловлено»²²⁰. Особенно неудачно, полагал В.М. Панеях, выглядит это в той связи, что все шесть книг на богатом источниковом материале демонстрировали, как политика государства купировала все возможности буржуазного разви-

²¹⁸ Панеях В.М. Панорама истории России... С. 95–112.

²¹⁹ Там же. С. 109.

²²⁰ Там е. С. 107.

тия России, то есть фактически отдаляло приход Нового времени. Выразил В.М. Панеях и сомнение в обоснованности идеи о существовании иной, нереализованной не-крепостнической альтернативы развития России. Согласно его мнению «социальная система Руси XV в. не была приспособлена к радикальным сдвигам и преобразованиям»²²¹. Отсутствие правовых ограничений власти великого князя, в том числе и суверенного права собственности у феодалов, лишали шансов на ее реализацию. Впрочем, В.М. Панеях все же признавал, что победа Севера могла бы несколько интенсифицировать, ускорить экономическое развитие страны, но не более того. Не поддерживает он и отрицательное отношение к процессу централизации государства, считая его закономерным и неизбежным этапом развития общества. При этом он, впрочем, делал оговорку о том, что «оптимальное соотношение между централизацией и децентрализацией – сложная теоретическая проблема, которая должна решаться по-разному для тех или иных обществ и тех или иных стадий их развития»²²². Вывод о научной ценности работы делается В.М. Панеяхом в чрезвычайно осторожной форме: «... “Витязь на распутье” не может не вызвать в будущем полемики, прежде всего в части концептуальной интерпретации установленных автором фактов. Тем не менее прежняя система аргументации и сделанные из нее выводы после работы А.А. Зимина представляются мне скомпрометированными полностью и окончательно»²²³. Главная ценность монографии, таким образом, у него определилась не тем, к чему пришел автор, но тем, от чего он отказался, а авторские выводы представляются В.М. Панеяху более чем спорными.

Отталкиваясь от монографии А.А. Зимина, свою версию происходивших в начале XV в. событий выдвинули представители школы Фроянова А.Ю. Дворниченко и Ю.В. Кривошеев²²⁴. Феодалную войну на Руси они посчитали нужным сравнить с так называемым движением Свидригайло в Великом княжестве Литовском. Опираясь на концепцию своего учителя, они ставят вопрос о роли в том и

---

²²¹ Там же. С. 110.

²²² Там же. С. 105.

²²³ Там же. С. 112.

²²⁴ Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. «Феодалная война» или демократические альтернативы? // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1992. Вып. 3(№16). С. 3–12.

другом явлении городских общин. Наиболее рельефно она выразилась именно в движении Свидригайло, который не только активно обращался за помощью к простым горожанам, но и заключал с самыми значительными волостями договоры– уставные грамоты. На те же широкие народные массы, полагали авторы статьи, ориентировался в своей борьбе и Юрий Дмитриевич с сыновьями. При этом (и здесь петербургские историки согласны с А.А. Зиминим) поддержку Юрию и его сыновьям оказывали северные земли, где лучше сохранились древнерусские вечевые порядки. А вот противопоставление Севера и Центра они считали необоснованным. По их словам «конечно, здесь (в центральных землях – М.Б.) демократические традиции оказались в менее благоприятных условиях, но и здесь они не были еще изжиты, ибо ведь и события смуты не объяснить без учета такого рода традиций». Большое влияние на ход конфликта оказало и обострение межволостной борьбы, где на одной стороне оказались Новгород, Галич, Вятка, Углич, на другой – Москва, Тверь и Псков. Таким образом, «феодальную войну» Ю.В. Кривошеев и А.Ю. Дворниченко расценивают как «один из всплесков древнерусской демократии»²²⁵. Единственно возможной «развилкой» они полагают альтернативу, связанную с попытками Дмитрия Шемяки создать свое государство. Конечно, считали они, «трудно сказать, какой была бы государственность», но «ясно, что она была бы демократичнее, чем задавившая ее»²²⁶. В этой фразе заметно стремление отказаться от чрезмерного противопоставления сторон конфликта. Дмитрий Шемяка у них рисуется не предвосхитившим будущее провидцем, но осколком старых политических сил и традиций, сходящих с исторической арены в силу своей неприспособленности к новым реалиям жизни.

Однако отзывы и рецензии на эту работу, появившиеся на страницах научной (и научно-популярной) периодики свидетельствуют о далеко неоднозначной реакции ученого сообщества – от полного приятия (И. Смирнов, В.Н. Козляков) до признания ценности за его критическими построениями в сочетании со скепсисом по отношению к собственно предлагаемым взамен идеям (В.М. Панеях) и по-

---

²²⁵ Там же. С. 9.

²²⁶ Там же.

пыткой построения собственной концептуальной модели произошедшего, которая лишь отчасти сопрягается с задумками историка (Ю.В. Кривошеев, А.Ю. Дворниченко). Поэтому нет ничего удивительного в том, что «полицентрический подход» в дальнейшем не получил распространения в исторической литературе.

Безусловно, в постсоветское время историческим сообществом оказалась сравнительно успешно усвоена идея об альтернативном характере исторического процесса²²⁷. Так, например, В.Б. Кобрин находил точки бифуркации в правлении Ивана IV Грозного и Смуте²²⁸. Однако здесь следует отметить следующее. Во-первых, А.А. Зимин не был первым советским историком, заговорившим об альтернативном характере исторического процесса. Во-вторых, не получила своего развития вторая из центральных идей полицентризма – идея о разнонаправленности путей развития вошедших в состав Русского государства земель.

Прочно вошла в историческую науку мысль о множественности возможных центров объединения русских земель²²⁹. Однако не все историки рассматривают их как «равновеликих» соперников, имевших одинаковые шансы на победу. Кроме того, середина XIV в. для всех них становится моментом выбора, после которого первенство Москвы определяется раз и навсегда и говорить о возможности перехода этой роли к кому-либо еще уже не представляется возможным.

Пожалуй, ближе всего к «полицентризму» оказалась А.Л. Хорошкевич. В первой половине 1990-х гг. ею была предпринята попытка дискредитировать понятие «Русское централизованное государство» как одного из концептов сталинской эпохи²³⁰. Помимо прочего с А.А. Зиминим ее роднил и явный антиэтатизм со стремлением дать морально-этические оценки ходу исторического процесса. Однако в развернувшейся вслед за этим на страницах журнала «Родина» дискуссии в

²²⁷ См.: Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.

²²⁸ Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989; Он же. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века. М., 1991. С. 150–163; Он же. Смутное время – утраченные возможности? // Там же. С. 163–185.

²²⁹ Александров Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь и образование Литовского государства. М., 1994; Он же. Полицентризм объединительных тенденций русских земель в XIII–XV вв. // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 17–20; Он же. Полицентризм объединительных тенденций в Южной, Юго-Западной, Юго-Восточной и Западной Руси, XIII–XIV вв. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001; Борисов Н.С. Политика московских князей: Конец XII — первая половина XIV вв. М., 1999.

²³⁰ Хорошкевич А.Л. Государь всяя Руси // Родина. 1994. № 5. С. 21–26.

адрес А.Л. Хорошкевич прозвучат многочисленные упреки, в том числе и замечания в излишней идеологизированности ее построений. При этом, что характерно, вопрос об адекватности и правомерности применения самого термина «Русское централизованное государство» оказался оттеснен на «периферию» размышлений ученых. В целом разговор оказался сконцентрирован вокруг сопоставления европейского и российского пути развития и причин их расхождения. Практически ни один из авторов всерьез возможность иных, альтернативных «ходов» для России не рассматривал²³¹. «Полицентризм» потерпел поражение.

Подобное неприятие обусловлено не только «собственно научными» факторами, то есть невозможностью обстоятельно аргументировать построения А.А. Зимина эмпирическими данными (хотя часть его идей представляется диссертанту уязвимыми). По-видимому, не стоит искать основную причину того и в трансформации политико-идеологической сферы, все более и более ориентирующейся на идеи патриотизма и национальной самобытности. Причины в самих характеристиках исторического сознания. «Москвоцентризм» во многом строился на идеях еще XVI в., прочно вошедших в русское национальное историческое сознание. Идеи эти сыграли (и продолжают играть) интеграционную функцию. Это отнюдь не означает, что интеграция должна и может строиться исключительно на подобных идеях, однако «москвоцентризм» уже плотно ассимилировался нашим историческим сознанием и «пробиться» сквозь него принципиально новым идеям чрезвычайно трудно. А.А. Зимин смог преодолеть этот барьер, преодолеть в одиночку, но при этом он действовал в экстремальных обстоятельствах, в ситуации, именуемой философами-экзистенциалистами «пограничным состоянием». Пожалуй, не будет преувеличением назвать работу «Витязь на распутье» личным подвигом ученого. Тот факт, что научное сообщество не восприняло идеи А.А. Зимина не должен умалять его достижения. Главным в его труде стали не сами идеи как таковые, но именно осуществленный им прорыв за грань многовековой историографической традиции.

²³¹ См.: Кром М.М. Когда отзвонил вечерней колокол? // Родина. 1995. № 6. С. 35–39; Шмидт С.О. Единое европейское государство // Родина. 1995. № 9. С. 68–72; Володихин Д.М. Ты не прав, XVI в.? // Родина. 1996. № 12. С. 42–46.

Выводы. Последние годы жизни стали самыми плодотворным в творческой биографии А.А. Зимина. Историк суммирует все свои прежние разыскания, «ре-визуя» накопленный им «интеллектуальный багаж». В этот же период у него оформляется идея создать цикл работ о социально-политическом развитии России XV – начала XVII вв. Так как речь в нем должна была идти о появлении централизованного государства, которое он связывал с явлением абсолютизма, то цикл получил наименование «Россия на пороге Нового времени». Для этого цикла были написаны еще три монографии, при этом трансформация концептуальных построений в них продолжилась. Ученый продолжает давно обозначившуюся линию на переосмысление «москвоцентрических» построений о российском историческом процессе. В оставшейся недооценной «России на рубеже XV–XVI столетий» он уже проводит мысль о том, что после объединения всех княжеств в единое государство продолжается противостояние русских земель, принявшее форму соперничества клановых группировок внутри правящей элиты, причем истинным «флагманом» централизации оказывается не Москва, а Тверь. Настоящим же прорывом за грань привычных представлений стала последняя монография А.А. Зимина. В ней он полностью опроверг все основные, центральные постулаты «москвоцентризма». Вместо этого историк предложил собственное видение российской истории, зиждящееся на идеях альтернативной истории и представлении о русских землях как неоднородной массе, составные части которой развиваются на основе собственных социально-экономических и политических закономерностей. К сожалению, эти идеи так и остались без логического развития, сам А.А. Зимин умер, а научное сообщество фактически отторгло их.

Заключение

Воссозданный в диссертации творческий путь А.А. Зимина, исходя из набора таких критериев, как присущие ученому стратегии накопления научного капитала, эволюция его концептуальных и отчасти методологических представлений, возможно условно разделить на три этапа. Нижней хронологической гранью первого можно считать поступление А.А. Зимина на истфак МГУ в 1938 г., верхней – выдвижение его кандидатом в член-корреспонденты АН СССР в 1962 г. На данном этапе А.А. Зимин реализует «стратегию преемственности», активно накапливая как символический, так и институциональный «научный капитал». В целом он следует общепринятым в науке схемам и концепциям (в первую очередь ориентируясь на идеи своего учителя С.В. Бахрушина), внося в них лишь отдельные коррективы. Нижняя грань второго этапа сравнительно четко маркируется его выступлением в ИРИ АН СССР, на котором он озвучил свою версию создания «Слова о полку Игореве» (1963 г.). Чрезвычайно сложным для нас представляется обозначить верхнюю хронологическую грань второго этапа, так как изменения в характере деятельности ученого наступают постепенно, нет жесткой связи с каким-либо ярким, значимым событием. В качестве такового (а, одновременно, и нижней хронологической грани третьего этапа) диссертант предлагает считать его увольнение из Московского историко-архивного института (1973 г.). Второй этап творчества историка был отмечен переходом (причем резким) к «стратегии подрыва». Дискуссия о происхождении «Слова о полку Игореве», осложненная ее идеологизированностью и вмешательством высших партийных инстанций, привела к открытому конфликту со значительной частью гуманитарного научного сообщества (помимо историков в ней приняли участие филологи, лингвисты, языковеды). Реакция на другие научные изыскания данного этапа не столь однозначна: идею о «дофеодальном» характере древнерусского общества советские историки попросту проигнорировали, новая концепция формирования централизованного

государства в России была ими принята и ассимилирована. Противоречиво отразилась эта смена стратегии и на структуре «научного капитала» А.А. Зимина. Ученый после конфликта теряет институциональный капитал, его карьерный рост мгновенно остановился, о дальнейшей битве за место в АН СССР речи более не шло, постепенно историка снимают с наиболее влиятельных постов. Но в то же время научная среда в целом не была склонна переносить свое отрицательное отношение к «Слову о полку Игореве» на остальные работы автора, никто не ставил под вопрос компетентность А.А. Зимина как ученого и его дальнейшие исследования благожелательно воспринимались коллегами. Верхней гранью третьего этапа творчества А.А. Зимина стала смерть ученого (1980 г.). С начала 1970-х гг. у А.А. Зимина обострилось старое заболевание легких. О том, насколько сильна была болезнь, свидетельствует его эпистолярное наследие, наполненное подробностями его физических страданий. Историк понимал, что он умирает. В результате соображения накопления научного капитала отошли для него на задний план, главным мотивом научной деятельности стало стремление максимально самореализоваться в своем творчестве, буквально победить таким образом смерть. Это определило некоторое интеллектуальное отчуждение от научной среды, равно как и низкий уровень самоцензуры в его последних произведениях. Его «Витязь на распутье» содержал кардинально новую трактовку процесса централизации государства, противостоящую всем общепринятым представлениям о его ходе. Расхождение это столь велико, что опубликовать монографию удалось лишь в 1991 г., а основные идеи книги по-прежнему остаются не востребованы отечественной наукой.

Следует подчеркнуть любая классификация и периодизация носит условный характер и не может претендовать на то, чтобы заключить в себе все разнообразие исторической реальности. То же относится и к периодизации творческого пути А.А. Зимина. Так, даже П. Бурдые, вводя термины «стратегия преемственности» и «стратегия подрыва» подчеркивал, что они являются «чистыми» видами накопления капитала, а потому в полной мере никогда никем не реализовывались. Так, переход к «стратегии подрыва» после конфликта вокруг «Слова...»

не означал для ученого выхода за «москвоцентрические» рамки, свои истинные методологические пристрастия он по-прежнему предпочел скрывать, а представления о «дофеодальном» характере древнерусского общества у него сочетались с идеями сторонников «государственного феодализма». Отстранение от борьбы за «научный капитал» не привело к выходу за границы поля науки и отказу от любых контактов с коллегами. То же замечание относится и к граням, разделяющим этапы жизненного пути историка – они условны и «подвижны». Однако метод идеализации, предполагающий создание подобных «чистых» мыслительных конструкций, присущ любому историческому (и не только) исследованию. Без его применения невозможно выстроить картины творческой эволюции не только А.А. Зимина, но и любого другого ученого или мыслителя.

Поведенческие стратегии и принципы творческой жизни А.А. Зимина, основное направление его жизненного пути, выглядят совершенно иррациональным с точки зрения описанных П. Бурдые «правил игры» в поле науки. Начинаящий ученый неизменно делает выбор между двумя основными «чистыми» типами стратегий поведения – «преемственности» и «подрывом». По мере приближения к числу «доминирующих» они неизбежно сменяются стратегией сохранения достигнутого уровня капитала. А.А. Зиминым делается ровным счетом прямо противоположный шаг – «стратегию преемства» он на пороге вхождения в элиту резко меняет на «стратегию подрыва», таким образом лишая себя возможности вхождения в число избранных. Возможно ли говорить о недооценке историком угрожающей ему опасности (ведь таковой шаг с некоторой долей вероятности мог привести и к более серьезным последствиям, вплоть до вытеснения его за рамки научного сообщества)? Некоторые из его высказываний в личной переписке дают основание полагать, что он не ожидал столь резкой реакции в свой адрес таких лиц, как, например, Д.С. Лихачев. Однако А.А. Зимин как человек, достигший немалых карьерных высот, вряд ли мог видеть все в радужном свете, масштабность вероятного конфликта он должен был предвидеть. Кроме того, уже в ходе дискуссии у него была возможность погасить остроту конфронтации, полностью согласившись на предлагаемые ему условия. Несмотря на это он продолжал от-

стаивать свои убеждения и бороться за публикацию результатов проделанной работы. Чем, в таком случае, возможно объяснить такой разворот?

Ответ на данный вопрос несколько парадоксален – А.А. Зимин с самого начала своей карьеры представлял собой успешно встроившегося в советскую историческую науку маргинала. Истоки его маргинальности следует искать в самом происхождении историка – он был представителем дворянского рода, сыном «бывших», впитавшим во многом культуру дореволюционной интеллигенции. Впрочем, стоит отметить, что воспитавший его отчим был выходцем из мещан, но уже в силу своей профессии – зубной врач – он относился к тому же слою дореволюционной интеллигенции. Эта преемственность была заметна как во время его учебы, так и на первом этапе карьерного роста – его окружали (и были ему близки) в первую очередь именно представители дореволюционной профессуры. Впрочем, этот факт сам по себе еще не делает А.А. Зимины уникальной личностью – научно-образовательная и культурная политика СССР после совершившегося в середине 1930-х гг. идеологического разворота к национал-патриотическим и имперским идеям способствовал ассимиляции дореволюционного интеллектуального багажа вместе с его носителями. Однако не позднее начала 1940-х гг. А.А. Зимин знакомится с творчеством русских религиозных мыслителей. Под их явным влиянием он делает собственную попытку осмысления окружающего его мира. Взгляды, отраженные в его записях, носят ярко религиозный характер и, фактически, несовместимы с марксистским видением общества и исторического процесса. Естественно, что в своих работах А.А. Зимин подобные идеи открыто выражать не мог – в противном случае ему грозило как минимум увольнение и следующая за тем потеря профессиональной идентичности, как максимум уголовное преследование, попадание в тюрьму или лагерь. Возникает «философия двух миров», как то называл сам ученый, или феномен «двоемыслия», если использовать более распространенный термин.

А.А. Зимин не был в этом уникален, скрытую интеллектуальную оппозицию правящему режиму можно обнаружить у многих советских интеллектуалов. Но случай А.А. Зимины поражает масштабом расхождений с окружающей его интел-

лектуальной средой. Мало кто демонстрировал такое отторжение марксистской доктрины. Большинство «бунтующих» современников придерживались лишь иной, альтернативной официально принятой интерпретации учения К. Маркса (пример тому – друг А.А. Зимина Я.С. Лурье, «предпочитавший» В.И. Ленину и И.В. Сталину ревизионистов Э. Бернштейна и К. Каутского). Для А.А. Зимина все осложнялось еще и тем, что развиваемые им идеи выходили и за рамки позитивистской философии, разделяемой большей частью дореволюционной исторической науки (на наследие которой он и ориентировался). Возникает вопрос о том, насколько ученый был готов реализовывать свои же идеи в конкретно-исторических построениях? Записи его оставляют впечатление некоторой бессистемности и противоречивости, цельной методологической системы в них обнаружить не представляется возможным. Скорее всего, ученый, понимая, что они не будут обнародованы, и не стремился к созданию таковой. Таким образом, сознание А.А. Зимина оказалось расколото не на два, а на множество осколков, фрагментов, автономных и в то же время взаимодействующих друг с другом. Исходя из его позднейших записей, можно сделать вывод о том, что такое состояние весьма тяжело переживалось им. Его эмоциональность служит косвенным подтверждением тому. Выступление со «Словом о полку Игореве» фактически было попыткой преодолеть этот распад, расхождение. А.А. Зимин пытается «прорваться к себе», воссоединить осколки своей личности воедино. Сделать это можно было двумя основными путями – либо полностью уничтожив в себе неприятие советской действительности, принять ее, либо дистанцироваться от окружающей его научной среды и ее интеллектуальных штампов. А.А. Зимин выбирает второй путь. В дальнейшем обострение болезни легких лишь способствовало этому выбору. Насколько ему удалось «воссоздать» себя – вопрос спорный, так как исследователи располагаем лишь фрагментами созданных им в последние годы жизни автобиографических записей. Кроме того, он, по-видимому, крайне редко обращался к методологической рефлексии, что еще более запутывает ответ на данный вопрос.

Отметим еще один из парадоксов его творческого пути (а парадоксов в жизни ученого немало) – подобное отрешение от научной среды не было бы возможным, если все предыдущее время он не смог бы скопить достаточного запаса научного капитала, в свою очередь заработанного им именно благодаря умению идти на компромисс. Если бы А.А. Зимин к 1963 г. не был признан коллегами в качестве крупного и авторитетного специалиста по средневековой русской истории, последствия обсуждения «Слова о полку Игореве» могли быть для него весьма плачевными. В последние же годы жизни «ересиарху» (как он иногда себя именовал) позволяли месяцами работать дистанционно, в Крыму. Без этого его смерть могла бы наступить на несколько лет раньше.

Еще один из важнейших аспектов биографии А.А. Зими́на – его отношение к идейному наследию дореволюционной исторической науки. Историографы дали два возможных варианта разрешения этой проблемы. В.М. Панеях и Д.М. Володихин видели основную линию интеллектуальной эволюции А.А. Зими́на в отказе от присущих советской исторической науке методологических установок и сближении с традициями дореволюционной науки. Их оппоненты, С.М. Каштанов и В.А. Муравьев усматривали ее в критическом пересмотре наследия так называемой «государственной школы» и выработке собственного, новаторского подхода к российской истории.

Данное исследование подводит нас к принятию второй точки зрения. Привычное противопоставление советской и дореволюционной историографии вообще не представляется плодотворным, многие из идейных конструкций дореволюционной историографии продолжали свое успешное существование и после событий 1917 г. Одной из них стал «москвоцентризм», громоздкая «идея-блок», в состав которой помимо некоторых методологических (например, тезис о противоречии как источнике развития) и концептуальных построений входили и оценочные суждения. В центре «москвоцентризма» лежали два основных, неизменных постулата: во-первых, мысль о прогрессивности и исторической предопределенности процесса централизации государства; во-вторых, представления о Москве и институте московской великокняжеской власти как единственно возможном цен-

тре объединения русских земель. На первом этапе своего творческого пути А.А. Зимин полностью следует «моквоцентрическим» построениям, делая лишь отдельные коррективы к ним. На втором этапе он проводит «ревизию» «москвоцентризма», отвергая или заменяя ряд второстепенных его положений (борьба боярства и дворянства заменяется противостоянием великокняжеской власти и удельной децентрализации, не отвечавшими цели были признаны методы централизации, под сомнение был поставлен, но еще не отвергнут тезис о прогрессивном характере централизации). На третьем этапе историк полностью отверг все основные постулаты «москвоцентризма», фактически предложив взамен новое видение процесса централизации государства, нами вслед за В.А. Муравьевым именуемое «полицентризмом».

Эволюция построений А.А. Зимина в первую очередь носила концептуальный характер. Говорить об обстоятельной трансформации его методологических воззрений не представляется возможным. На первом этапе труды ученого укладывались как в рамки марксистского, так и позитивистского видения истории. Начиная с 1964 г. тема классовой борьбы как основного фактора социально-политического развития общества исчезает из его исследований. А.А. Зимин в классовой борьбе видел не источник, а порождение собственно политической сферы жизни общества. «Витязь на распутье» не содержит даже цитат из классиков марксизма-ленинизма, что позволило сделать вывод о позитивистской основе исследования. В этом следовании позитивизму проявляется преемственность, следование традициям дореволюционной науки (одновременно сочетавшаяся с их же отторжением). Можно найти и иные точки влияния и восприятия им дореволюционных исследовательских традиций (близость к старшему поколению профессуры, его историографические разыскания). В этой близости и одновременно постепенном их отторжении ученым – еще один из парадоксов его творчества.

В источниках, порою и в литературе, заметно стремление сконструировать образ А.А. Зимина – «борца с системой», несколько раз в его адрес прозвучало слово «диссидент». Однако подобные суждения являются сильным преувеличением. На первом этапе своего творчества ученый несколько раз сталкивался с

прямым идеологическим давлением (нереализованная докторская диссертация о В.О. Ключевском, заброшенные разыскания по истории Киевской Руси, замечания неофициальных оппонентов на защите им докторской диссертации), однако во всех случаях он отказывался от конфронтации. Конфликт вокруг «Слова о полку Игореве» многослоен, высшие партийные инстанции активного участия в нем до кульминационного момента не принимали, их решение запретить публикацию монографии опиралось на высказанные в ходе обсуждения оценки самой научной среды. Поэтому в первую очередь следует говорить именно о противостоянии А.А. Зимина и ученого сообщества, лишь осложненного вмешательством государства. А.А. Зимин в своих личных записях не был склонен жестко противопоставлять власть и мыслителя, считая их возможные конфликты второстепенными, порожденными противостоянием сил Добра и Зла. Безусловно, цензура, идеологическое давление со стороны государства сыграли отрицательную роль в его жизни, но соображения противостояния официальной идеологии сколь-либо значительной роли в мотивации его исследовательской деятельности не играли.

В 1977 г. итальянский историк Э. Гренди в статье «Микроанализ и социальная история» ввел термин «исключительное нормальное». В понятие это он вкладывал два основных значения: во-первых, факт, который только в силу оценки сквозь призму современной исследователю системы норм поведения представляется странным, уникальным и выбивающимся из общего ряда; во-вторых, источниковое свидетельство, нехарактерное для рассматриваемого времени (например, личные записи, оставленные человеком из, как правило, не обладавшей навыками письма категории населения). Ценность «исключительного нормального» итальянские микроисторики видели в том, что подобное экстраординарное свидетельство может помочь в изучении запечатленных в нем норм поведения и общепризнанных социальных правил¹.

Если изъять этот термин из сугубо источниковедческого контекста, то под «исключительным нормальным» следует понимать некий факт или объект, не

---

¹ Более обстоятельно об этом термине см.: Михайленко С.Б. В поисках микроуровня повседневности: «момент» А. Лефевра, «исключительное нормальное» Э. Гренди и «казус» Ю. Бессмертного // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 64–68.

вписывающийся в привычные рамки и правила поведения в обществе, которое, несмотря на это, несло бы на себе информацию об этих стандартах. Реконструированная в диссертации биография ученого позволяет выдвинуть следующее предположение – А.А. Зими́на вполне возможно рассматривать как «исключительное нормальное» советской исторической науки. Да, он, безусловно, был яркой нетипичной и оригинальной личностью, выбивавшейся из общего ряда его историков-современников. Однако столь ли уникальны и неповторимы те черты его личности и жизненного пути А.А. Зими́на, которые выделяют его из общей массы? Ведь все, что выявлено в качестве таковых, можно обнаружить и в творчестве его коллег. А.А. Зими́на отличает масштабность проявления этих тенденций, что и делает его фигуру одной из наиболее ценных объектов изучения.

Не считая возможным механически переносить на объекты макроуровня тенденции, выявленные при исследовании объектов микроуровня, полагаем в то же время, что подобное микроисторическое исследование могло бы заложить новые рабочие гипотезы, определить угол зрения, направление поиска. В этом и состоит значение созданной диссертантом реконструкции интеллектуальной биографии А.А. Зими́на (равно как и всего направления «зиминоведческих» исследований в целом). Как к рабочей гипотезе, требующей проверки на более обширном эмпирическом материале, следует отнести последние из высказанных нами идей. Биография же и творчество А.А. Зими́на будут еще долго служить неисчерпаемым материалом для последующих историографических исследований.

Список литературы.**Список использованных источников.****Архивные материалы.****Архив Российской Академии наук.**

1. Ф. 457 (Отделение исторических наук). Оп. 1. Д. 384.
2. Ф. 457 (Отделение исторических наук). Оп. 3(1964). Д. 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 233, 234, 235.
3. Ф. 624 (Бахрушин С.В.). Оп. 1. Д. 485.
4. Ф. 624 (Бахрушин С.В.). Оп. 4. Д. 86.
5. Ф. 624 (Бахрушин С.В.). Оп. 5. Д. 122, 129.
6. Ф. 693 (Тихомиров М.Н.). Оп. 4. Д. 248.
7. Ф. 693 (Тихомиров М.Н.). Оп. 6. Д. 11.
8. Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 153, 433, 483.
9. Ф. 1604 (Дружинин Н.М.). Оп. 4. Д. 432.
10. Ф. 1791 (Черепнин Л.В.). Оп. 1. Д. 358.
11. Ф. 1901 (Археографическая комиссия). Оп. 1. Д. 3.
12. Ф. 2068 (Юхт А.И.). Оп. 1. Д. 66.

Научный архив Института российской истории РАН

1. Ф. Институт истории. Отдел кадров. Индекс 350.1.3.101. Личные дела сотрудников. Зимин А.А.

Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

1. Ф. 934 (Андреев А.И.). Оп. 3. Ед. хр. 7.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

1. Ф. 377 (Бережков Н.Г.). К. 88. Ед. хр. 8, 12.
2. Ф. 648 (Клибанов А.И.). К. 80. Ед. хр. 23.

Российский государственный архив новейшей истории

1. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 55. Д. 62.

Центральный архив города Москвы

1. Ф. Р-535 (Московский историко-архивный институт). Оп. 1. Д. 2261.

Личный архив М.Е. Бычковой

1. Письма А.А. Зимина к М.Е. Бычковой

Опубликованные материалы.

Историографические источники

1. «Слово о полку Игореве» - памятник XII века / отв. ред. Д. С. Лихачев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 432 с.
2. Александров, Д.Н. Полицентризм объединительных тенденций в Южной, Юго-Западной, Юго-Восточной и Западной Руси, XIII-XIV вв.: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Александров Дмитрий Николаевич. - М., 2001. — 400 с.
3. Александров, Д.Н. Полицентризм объединительных тенденций русских земель в XIII - XV вв. / Д.Н. Александров // Новое в истории и гуманитарных науках / РАЕН. Отд. "Сословные и нац. традиции". Мос. Гор. Пед. ун-т. Ист. фак.; сост. Д. Н. Александров. - М.: Эклибрис-Пресс, 2000. - С. 17–20.
4. Александров, Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь и образование Литовского государства / Д.Н. Александров; отв. ред Б.А. Рыбаков. - М.: РАЕН, 1994. — 296 с.
5. Альшиц, Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного / Д.Н. Альшиц. - Л.: Наука, 1988. — 244 с.
6. Андреева, Л.Е. Рец. на: Зимина А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М., 1982. / Л.Е. Андреева // Преподавание истории в школе. - 1983. - № 6. - С. 77–78.
7. Базилевич, К. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнова) / К.В. Базилевич // Вопросы истории. - 1946. - № 7. - С. 26–44.
8. Бахрушин, С.В. «Держава Рюриковичей» / С.В. Бахрушин // Вестник древней истории. - 1938. - № 2. - С. 88–98.
9. Бахрушин, С.В. «Избранная рада» Ивана Грозного / С.В. Бахрушин // Исторические записки. — М.: Изд. АН СССР, 1945. - Кн. 15. - С. 29–56.

- 10.Бахрушин, С.В. Иван Грозный / С.В. Бахрушин. М.: Госполитиздат, 1942. – 75 с. (2-е изд. М.: Госполитиздат, 1945. – 100 с.).
- 11.Бахрушин, С.В. Самодержавие Ивана IV / С.В. Бахрушин. М.: Военное издательство ВС СССР, 1946. – 80 с.
- 12.Бибииков, Г.Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного / Г.Н. Бибииков // Труды Государственного Исторического музея. - М.:ГИМ, 1941. - Вып. 14. Сб. статей по истории СССР XVI–XVII вв. - С. 5–28.
- 13.Борисов, Н.С. Политика Московских князей: Конец XIII — первая половина XIV вв. / Н.С. Борисов. - М.: Изд. МГУ, 1999. – 393 с.
- 14.Бочкарев, В. Н. Из истории борьбы русского народа за свою национально-политическую независимость в XV в. / В.Н. Бочкарев // Записки научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. История и археология. - 1947. - № 9. - С. 1–10.
- 15.Бочкарев, В.Н. Политические итоги феодальной войны в удельно-княжеской Руси XV в. / В.Н. Бочкарев // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. - 1947. - Т. II. Вып. 2. - С. 51–70.
- 16.Бурдей, Г.Д. Опричнина в новой исторической литературе / Г.Д. Бурдей // Преподавание истории в школе. - 1964. - № 6. - С. 27–34.
- 17.Веселовский, С.Б. Исследования по истории опричнины / С.Б. Веселовский. - М.: Изд. АН СССР, 1963. – 538 с.
- 18.Веселовский, С.Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М.: Изд. АН СССР, 1941. - Т. 10. - С. 95–116.
- 19.Веселовский, С.Б. Первые преобразования центральной власти при Иване Грозном / С.Б. Веселовский // Исторические записки. – М.: Изд. АН СССР, 1945. - Т. 15. - С. 57–69.
- 20.Веселовский, С.Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник / С.Б. Веселовский // Проблемы источниковедения. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1940. - Сб. 3. - С. 243–366.

21. Виппер, Р.Ю. Иван Грозный / Р.Ю. Виппер. - 2-е изд. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1944. - 159 с.
22. Володихин, Д.М. Иван Грозный. Бич Божий / Д.М. Володихин. - М.: Вече, 2006. - 384 с.
23. Володихин, Д.М. Ты не прав, XVI в.? / Д.М. Володихин // Родина. - 1996. - № 12. - С. 42-46.
24. Горский, А.А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы / А.А. Горский. - М.: Ин-т российской истории РАН, 1992. - 171 с.
25. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков; отв. ред. Л.В. Черепнин. - М.: Госполитиздат, 1953. - 569 с.
26. Гудзий, Н.К. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании А. Мазона / Н.К. Гудзий // Ученые записки МГУ. - 1946. - Кн. 1. Вып. 110. - С. 54-65.
27. Гудзий, Н.К. Рец. на: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1959 / Н.К. Гудзий // История СССР. - 1959. - № 1. - С. 215-219.
28. Гумилев, Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? / Л.Н. Гумилев // Русская литература. - 1972. - № 1. - С. 73-82.
29. Гумилев, Л.Н. Нужна ли география гуманитариям? / Л.Н. Гумилев // Славяно-русская этнография (Сб. статей) - Л.: Геогр. общество СССР, 1973. - С. 92-100.
30. Гумилев, Л.Н. Поиски вымышленного царства / Л.Н. Гумилев. - М.: Наука, 1970. - 430 с.
31. Гумилев, Л.Н. Монголы XII в. и «Слово о полку Игореве» / Л.Н. Гумилев // Доклады и сообщения Отделения этнографии. - 1966. - Вып. 2. - С. 55-80.

32. Дворниченко, А.Ю. «Феодальная война» или демократические альтернативы? / А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев // Вестник СПбГУ. - Сер. 2. История. - 1992. Вып. 3(№16). - С. 3–12.
33. Демкова, Н.С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» / Н.С. Демкова // Вестник ЛГУ. - 1973. - №. 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. - С. 72-77.
34. Дубровский, С.М. Еще раз о «великом государе»: новые труды об опричнине / С.М. Дубровский // Знамя. - 1965. - № 1. - С. 211–216.
35. Дубровский, С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV / С.М. Дубровский // Вопросы истории. - 1956. - №. 8. - С. 121–129.
36. Зализняк, А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста / А.А. Зализняк. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 352 с. (2-е изд М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 416 с.; 3-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 480 с.).
37. Зимин, А.А. «Беседа валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства / А.А. Зимин // Труды Отдела древнерусской литературы. / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. — М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1955. —Т. XI. - С. 198–208.
38. Зимин, А.А. «Летописец начала царства» - памятник официальной идеологии середины XVI в. / А.А. Зимин // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. - 1956. - Вып. 10. - С. 78–88.
39. Зимин, А.А. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» / А.А. Зимин // Археографический ежегодник за 1967 год / Археогр. комис. АН СССР, Отд-ние истории АН СССР.– М.: Наука, 1969. С. 41 – 58.
40. Зимин, А.А. «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор / А.А. Зимин // Исторические связи в славянском фольклоре. Материалы и исследования. Русский фольклор / Астахова А.М. и др. (ред.). - М.:Л.: Наука, 1968. - Т. 11. - С. 212–224.
41. Зимин, А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки Первой крестьянской войны в России / А.А. Зимин. - М.: Мысль, 1986. – 333 с.

- 42.Зимин, А.А. В.И. Ленин о «Московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI века/ А.А. Зимин // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. / АН СССР. Ин-т истории СССР; Отв.ред. Л.В.Черепнин . - М.: Наука, 1970. - С. 270–293.
- 43.Зимин, А.А. В.И. Ленин об истории России XVI в. / А.А. Зимин // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной сессии «В.И. Ленин и историческая наука». – Киев: Наукова думка, 1965. - С. 75–77.
- 44.Зимин, А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. / А.А. Зимин. - М.: Наука, 1991. – 286 с.
- 45.Зимин, А.А. Две редакции Задонщины / А.А. Зимин // Труды МГИАИ. - М.: МГИАИ, 1966. - Т. 24. Вып. 2. - С. 17–54.
- 46.Зимин, А.А. Дело «еретика» Артемия / А.А. Зимин // Вопросы истории религии и атеизма. М.: Изд. АН СССР, 1958. - Т. V. - С. 229–233.
- 47.Зимин, А.А. Земельная политика в годы опричнины (1565–1572) / А.А. Зимин // Вопросы истории. - 1962. - № 12. - С. 60-79.
- 48.Зимин, А.А. Земский собор 1566 г. / А.А. Зимин // Исторические записки. М: Наука, 1962. - Т. 71. - С. 196-235.
- 49.Зимин, А.А. Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права / А.А. Зимин, А.Г. Поляк // Советское государство и право. - 1954. - № 4. - С. 111–122.
- 50.Зимин, А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века / А.А. Зимин: отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Изд. АН СССР, 1959. – 498 с.
- 51.Зимин, А.А. И.С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века / А.А. Зимин // Вопросы истории религии и атеизма. М.: Изд. АН СССР, 1955. - Т. III. - С. 311–324.
- 52.Зимин, А.А. Из истории помещного землевладения / А.А. Зимин // Вопросы истории. - 1959. - № 11. - С. 130–142.

53. Зимин, А.А. Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» / А.А. Зимин // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. С.Н. Валк. - Л.: Наука, 1970. - Вып. 3. - С. 233–249.
54. Зимин, А.А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» / А.А. Зимин // История СССР. - 1968. - № 6. - С. 43–64.
55. Зимин, А.А. К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» / А.А. Зимин // Ученые записки НИИ Языка, литературы, истории при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары.: НИИ яз., лит., ист. при СМ Чувашской АССР, 1966. - Вып. 31. - С. 138–151.
56. Зимин, А.А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве / А.А. Зимин // Труды МГИАИ. – М: Московский государственный историко-архивный институт МГИАИ, 1964. - Т. 17. - С. 399–428.
57. Зимин, А.А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды / А.А. Зимин // Труды МГИАИ. – М.: МГИАИ, 1954. - Т. VIII. - С. 155–208.
58. Зимин, А.А. Княжеские духовные договорные грамоты начала XVI в. / А.А. Зимин // Исторические записки. – М.: Изд. АН СССР, 1948. - Т. 27. - С. 266–290.
59. Зимин, А.А. Когда было написано «Слово»? / А.А. Зимин // Вопросы литературы. - 1967. - № 3. - С. 135–152.
60. Зимин, А.А. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? / А.А. Зимин // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. - Л.: Наука, 1962. - Т. XVIII - С. 305-308.
61. Зимин, А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. / А.А. Зимин // Исторический архив. - 1950. - Кн. V. - С. 3–39.
62. Зимин, А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.) / А.А. Зимин. - М.: Наука, 1977. – 356 с.
63. Зимин, А.А. Матвей Башкин – вольнодумец XVI века / А.А. Зимин // Вопросы истории религии и атеизма. - М.: Изд. АН СССР, 1956. - Т. IV. - С. 230-245.

- 64.Зимин, А.А. Митрополит Филипп и опричнина / А.А. Зимин // Вопросы истории религии и атеизма. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - Т. XI. - С. 269–292.
- 65.Зимин, А.А. Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой и В.О. Ключевский о времени Василия Темного / А.А. Зимин // В.О. Ключевский. Сборник материалов. / Археогр. комис. РАН, Департамент культуры Пенз. обл.; ред. С. О. Шмидт. - Пенза, 1995. - Вып. 1. - С. 123–130.
- 66.Зимин, А.А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода / А.А. Зимин // Вопросы истории. - 1950. - № 3. - С. 69-76.
- 67.Зимин, А.А. Новые списки Русской Правды / А.А. Зимин // Археографический ежегодник за 1958 год / Археогр. комиссия, Отд. истории АН СССР. - М.: Изд. АН СССР, 1960. - С. 323–330.
- 68.Зимин, А.А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. / А.А. Зимин // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. - М.: Наука, 1973. - Вып. 1. - С. 187–211.
- 69.Зимин, А.А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма / А.А. Зимин // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв): Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза / под ред. Н.М. Дружинина. - М.: Наука, 1964. - С. 18–49.
- 70.Зимин, А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого / А.А. Зимин // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Инс-т русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1953. - Т. IX. - С. 159–177.
- 71.Зимин, А.А. О приемах научной реконструкции исторических источников X–XVII в. / А.А. Зимин // Исторический архив. - 1956. - Кн. 6. - С. 133–143.
- 72.Зимин, А.А. О смердах Древней Руси XI – начала XII вв. / А.А. Зимин // Историко-археологический сборник. - М.: Изд. МГУ, 1962. - С. 222–228.
- 73.Зимин, А.А. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи / А.А. Зимин, А.Н. Насонов // Вопросы истории. - 1951. - № 2. - С. 89–91.

74. Зимин, А.А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XII–XV вв. / А.А. Зимин // Проблемы источниковедения / Ин-т истории АН СССР. - М.: Изд. АН СССР, 1956. - Вып. V. - С. 300–327.
75. Зимин, А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. / А.А. Зимин // Проблемы источниковедения / Ин-т истории АН СССР. - М.: Изд. АН СССР, 1958. - Вып. VII. - С. 275–324.
76. Зимин, А.А. Обсуждение вопросов периодизации истории СССР в Институте истории АН СССР / А.А. Зимин // Вопросы истории. - 1949. - № 4. - С. 149–152.
77. Зимин, А.А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова / А.А. Зимин // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. - М.:Л., 1956. - Т. XII. - С. 160–173.
78. Зимин, А.А. Опричнина / А.А. Зимин. - Изд. 2-е испр. и доп. - М.: Территория, 2001. - 448 с.
79. Зимин, А.А. Опричнина Ивана Грозного / А.А. Зимин. - М.: Мысль, 1964. - 535 с.
80. Зимин, А.А. Отзыв о докторской диссертации И.Я. Фроянова «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя» Л., 1973 г. 400 м/п / А.А. Зимин // Фроянов, И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя / И.Я. Фроянов. - СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. - С. 327–337.
81. Зимин, А.А. Отзыв о кандидатской диссертации И.Я. Фроянова «Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды)». Л., 1966 г. / А.А. Зимин // Фроянов, И.Я. (челядь, холопы, данники, смерды) / И.Я. Фроянов. - СПб.: Астерион, 2010. - С. 276–283.
82. Зимин, А.А. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства: дисс... канд. ист. наук / Александр Александрович Зимин. М., 1947. Ч. 1-2.
- а) Ч. 1. Исследование. - 423 с.

б) Ч. 2. Приложение. – 635 с.

83. Зимин, А.А. Памяти Михаила Николаевича Тихомирова / А.А. Зимин // Исторические записки. – М.: Наука, 1965. – Т. 78. – С. 272–276.
84. Зимин, А.А. Письмо в редакцию журнала «Советское государство и право» / А.А. Зимин // Советское государство и право. – 1955. – № 1. – С. 140–142.
85. Зимин, А.А. Правда Русская / А.А. Зимин. – М.: Древлехранилище, 1999. – 421 с.
86. Зимин, А.А. Преобразования центрального государственного аппарата в годы опричнины / А.А. Зимин // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. – 1961. – № 4. – С. 117–133.
87. Зимин, А.А. Приписка к Псковскому апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве» / А.А. Зимин // Русская литература. – 1966. – № 2. – С. 60–74.
88. Зимин, А.А. Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма / А.А. Зимин // В.И. Ленин и историческая наука. М.: Наука, 1968. – С. 317–329.
89. Зимин, А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века / А.А. Зимин. – М.: Соцэгиз, 1960. – 512 с.
90. Зимин, А.А. России на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.) / А.А. Зимин. М.: Мысль, 1972. – 456 с.
91. Зимин, А.А. Россия времени правления Ивана Грозного / А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич; отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1982. – 185 с.
92. Зимин, А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории) / А.А. Зимин. – М.: Мысль, 1982. – 333 с.
93. Зимин, А.А. Слово о полку Игореве / А.А. Зимин. – СПб.: Изд. «Дмитрий Буланин», 2006. – 516 с.
94. Зимин, А.А. Слово о полку Игореве. (Источники. Время создания. Автор). В 3 ч. / А.А. Зимин. М. Изд. АН СССР, 1964.
- а) Ч. 1. – 240 с.

- б) Ч. 2. – 243 с.
- с) Ч. 3. – 126 с
95. Зимин, А.А. Смерды в законодательстве Владимира Мономаха / А.А. Зимин // Исследования по социально-политической истории России: сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова / Ленингр. отд. Ин-та ист. АН СССР; под ред. Н.Е. Носова. - Л.: Наука, 1971. - С. 43–52
96. Зимин, А.А. Спорные вопросы текстологии «Задонщины» / А.А. Зимин // Русская литература. - 1967. - № 1. - С. 84–104.
97. Зимин, А.А. Творческий путь Сергея Владимировича Бахрушина / А.А. Зимин // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. - 1961. - № 2. - С. 117–127.
98. Зимин, А.А. Текстология Пространной Задонщины / А.А. Зимин // Ученые записки НИИ языка, литературы, истории при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары.: НИИ яз., лит., ист. при СМ Чувашской АССР, 1969. - Вып. 47. - С. 91–111.
99. Зимин, А.А. Трудные вопросы методики источниковедения / А.А. Зимин // Источниковедение: теоретические и методические проблемы / Ин-т истории АН СССР; отв. ред. С.О. Шмидт. - М., 1969. - С. 427–449.
100. Зимин, А.А. Уставная грамота Всеволода Мстиславовича / А.А. Зимин // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия / Ин-т истории АН СССР. - М.: Изд. АН СССР, 1952. С. 123–131.
101. Зимин, А.А. Феодальная государственность и Русская Правда / А.А. Зимин // Исторические записки. - М.: Наука, 1965. - Т. 76. - С. 230–275.
102. Зимин, А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А.А. Зимин; отв. ред. д-р ист. наук В.И. Буганов. - М., Наука, 1988. – 348 с.
103. Зимин, А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. / А.А. Зимин // Исторические записки. – М.: Изд. АН СССР, 1961. - Т. 69. - С. 178–196.

- 104.Зимин, А.А. Холопы Древней Руси / А.А. Зимин // История СССР. - 1965. - № 6. - С. 39–75.
- 105.Зимин, А.А. Холопы Древней Руси // Тезисы докладов I симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1964. - С. 22–28.
- 106.Зимин, А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) / А.А. Зимин. - М.: Наука, 1973. – 391 с.
- 107.Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт древней России / К.Д. Кавелин // Кавелин, К.Д. Наш умственный строй / К.Д. Кавелин. - М.: Правда, 1988. - С. 11–67.
- 108.Каштанов, С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного / С.М. Каштанов // История СССР. - 1963. - № 2. - С. 96–117.
- 109.Каштанов, С.М. Книга о русском войске XVI века / С.М. Каштанов // Военно-исторический журнал. - 1965. - № 12. - С. 87–90.
- 110.Каштанов, С.М. Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649–1650 гг. / С.М. Каштанов // Исторический архив. - 1953. - Кн. 8. - С. 198–220.
- 111.Ключевский, В.О. Сочинений. В 9 томах. Т. 2. Курс русской истории. Часть II. / Василий Осипович Ключевский; под ред. чл-корр. АН СССР В.Л. Янина. - М.: Мысль, 1987. – 447 с.
- 112.Кобрин, В.Б. Иван Грозный / В.Б. Кобрин. - М.: Московский рабочий, 1989. – 175 с.
- 113.Кобрин, В.Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? / В.Б. Кобрин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века / С.В. Мироненко (сост.). - М.: Политиздат, 1991. С. 150–163.
- 114.Кобрин, В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды / В.Б. Кобрин. - М.: РГГУ, 2008. – 369 с.
- 115.Кобрин, В.Б. Рец. на.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 / В.Б. Кобрин // История СССР. - 1962. - № 5. - С. 185-188.

- 116.Кобрин, В.Б. Рец. на: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964 / В.Б. Кобрин // Вопросы истории. - 1965. - № 12. - С. 153–157.
- 117.Кобрин, В.Б. Смутное время – утраченные возможности? / В.Б. Кобрин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века / С.В. Мироненко (сост.). - М.: Политиздат, 1991. - С. 163–185.
- 118.Кобрин, В.Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного / В.Б. Кобрин // Археографический ежегодник за 1959 год / Археогр. комиссия, Отд. истории АН СССР. - М.: Изд. АН СССР, 1960. - С. 16–91.
- 119.Козлова, Н.А. Рец. на: Зимина А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М: Мысль, 1982 / Н.А. Козлова // Вопросы истории. - 1983. - № 2. - С. 130–133.
- 120.Козляков, В.Н. Рец. на: Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М: Мысль, 1991 / В.Н. Козляков // Вопросы истории. - 1992. - № 10. - С. 198–200.
- 121.Кром, М.М. Когда отзвонил вечевой колокол? / М.М. Кром // Родина. - 1995. - № 6. - С. 35–39.
- 122.Курмачева, М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного / М.Д. Курмачева // Вопросы истории. - 1956. - № 9. - С. 195-203
- 123.Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В Ланглуа, Ш. Сеньобос; пер. с французского А. Серебряковой. – 2-е изд. - М.: ГПИИБ, 2004. – 305 с.
- 124.Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский. - М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
- 125.Лихачев, Д.С. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве» / Д.С. Лихачев // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка.- 1949. - Т. 8. Вып. 6. - С. 551–554.
- 126.Лихачев, Д.С. Слово о полку Игореве / Д.С. Лихачев. – 2-е изд. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1955. – 152 с.
- 127.Мавродин, В. В. К. Маркс о Киевской Руси / В.В. Мавродин // Вестник ЛГУ. - 1968. Сер. истории, яз. и лит-ры. - Вып. 8. № 2. - С. 8—9.

128. Мавродин, В. Некоторые замечания по поводу статьи П.П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.» / В.В. Мавродин // Вопросы истории. - 1946. - № 4. - С. 45–54.
129. Мавродин, В.В. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси / В.В. Мавродин // Ученые записки ЛГПИ. - 1939. - Т. XIX. - С. 145–174.
130. Мавродин, В.В. Образование Русского национального государства / В.В. Мавродин. Л.: Соцэгиз, 1939. – 196 с.
131. Мавродин, В.В. Рец. на: Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.: Наука, 1973 / В.В. Мавродин, И.Я. Фроянов, А.Л. Шапиро // История СССР. – 1975. - № 3. С. 198–202.
132. Мельникова, А. О России XV–XVI столетий / А. Мельникова // В мире книг. - 1983. - № 10. - С. 76–77.
133. Носов, Н.Е. Боярская книга 1556 г. (из истории происхождения четвертчиков) / Н.Е. Носов // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1960. - С. 191–227.
134. Носов, Н.Е. Рец. на: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982 / Н.Е. Носов // История СССР. - 1982. - № 4. - С. 177–181.
135. Носов, Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России (Изыскания о земской реформе Ивана Грозного) / Н.Е. Носов. - Л.: Наука, 1969. – 607 с.
136. Панеях, В.М. Панорама истории России XV–XVI веков А.А. Зими́на: к выводу в свет книги «Витязь на распутье» / В.М. Панеях // Панеях, В.М. Историкографические этюды / В.М. Панеях. - СПб.: Алетейя, 2005. - С. 95–112.
137. Панеях, В.М. Рец. на: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986 / В.М. Панеях // Вопросы истории. - 1987. - № 5. - С. 132–134.
138. Печуро, С.С. Земские служилые люди в годы опричнины / С.С. Печуро // Труды МГИАИ. – М: МГИАИ, 1961. - Т. 16. - С. 467–474.

139. Платонов, С.Ф. Иван Грозный / С.Ф. Платонов. - Пг.: Брокгауз-Эфрон, 1923. – 160 с.
140. Платонов, С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. / С.Ф. Платонов. – 5-е изд. - М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 481 с.
141. Пушкарев, Л.Н. Рец. на: Зимин А.А. «И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века.» М., 1959 / Л.Н. Пушкарев // Вопросы истории. - 1959. - № 1. - С. 185–189.
142. Романов, Б.А. К вопросу о земельной политике Избранной рады (ст. 85 Судебника 1550 г.) / Б.А. Романов // Исторические записки. - 1951. - кн. 38. - С. 252-269.
143. Романов, Б.А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике 1550 г. / Б.А. Романов // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. – М., 1952. – С. 140-145.
144. Рыбаков, Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» / Б.А. Рыбаков. - М.: Наука, 1972. – 560 с.
145. Саккети, А.Л. Рец. на: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1959. / А.Л. Саккети // Вестник МГУ. Сер. Экономики, философии, права. - 1959. № 3. - С. 532–534.
146. Севастьянова, А.А. Рец. на: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны. М.: Мысль, 1986 / А.А. Севастьянова // История СССР. - 1988. - № 2. - С. 181–184.
147. Скрынников, Р.Г. Начало опричнины / Р.Г. Скрынников. - Л.: Изд. ЛГУ, 1966. – 419 с.
148. Скрынников, Р.Г. Иван Грозный / Р.Г. Скрынников. - Л.: Наука, 1975. – 246 с.

- 149.Скрынников, Р.Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси / Р.Г. Скрынников // Исторические записки. – М.: Наука, 1965. - Т. 76. - С. 152–174.
- 150.Скрынников, Р.Г. Опричный террор / Р.Г. Скрынников. - Л.: Изд. ЛГУ, 1969. – 350 с.
- 151.Смирнов, И.И. Судебник 1550 г. / И.И. Смирнов // Исторические записки. - М: Изд. АН СССР, 1947. - Т. 24. - С. 18–26.
- 152.Смирнов, И. О путях исследования Русского централизованного государства (по поводу статьи проф. П.П. Смирнова) / И.И. Смирнов // Вопросы истории. - 1946. - № 4. - С. 30–44.
- 153.Смирнов, И. Хроника времени Василия Темного / И. Смирнов // Знание-сила. - 1993. - № 11. - С. 80-83.
- 154.Смирнов, И.И. Иван Грозный / И.И. Смирнов. - Л.: Госполитиздат, 1944. – 108 с.
- 155.Смирнов, И.И. О генезисе феодализма / И.И. Смирнов // Проблемы истории материальной культуры. - 1934. - № 3-4. - С. 38 – 45.
- 156.Смирнов, И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI века / И.И. Смирнов . - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1958. – 576 с.
- 157.Смирнов, П. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв./ П.П. Смирнов // Вопросы истории. - 1946. - № 2/3. - С. 55–90.
- 158.Тихомиров, М.Н. Начало возвышения Москвы / М.Н. Тихомиров // Известия АН СССР. Сер. История и философия. - 1944. - Т. 1. № 3. - С. 97–108.
- 159.Тихомиров, М.Н. Россия в XVI столетии / М.Н. Тихомиров; Ин-т славяноведения АН СССР. - М.: Изд. АН СССР, 1962. – 582 с.
- 160.Тихомиров, М.Н. Русская культура X–XVIII вв. / М.Н. Тихомиров. - М.: Наука, 1968. – 447 с.
- 161.Фроянов, И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды) / И.Я. Фроянов. - СПб.: Астерион, 2010. – 336 с.
- 162.Фроянов, И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории / И.Я. Фроянов. - Л.: Изд. ЛГУ, 1974. – 370 с.

163. Хорошкевич, А.Л. Государь всея Руси / А.Л. Хорошкевич // Родина. - 1994. - № 5. - С. 21–26.
164. Хорошкевич, А.Л. Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного / А.Л. Хорошкевич // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимин / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.[б.и.], 1990. - Вып. 2. С. 289–290.
165. Хорошкевич, А.Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года / А.Л. Хорошкевич // Отечественная история. - 1994. - № 3. - С. 23–42.
166. Черепнин, Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. / Л.В. Черепнин. - М.: Соцгиз, 1960. – 889 с.
167. Черепнин, Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. / Л.В. Черепнин. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1948–1951. - Ч. 1–2.
- а) Ч. 1. / отв. ред. чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушин. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1948. – 473 с.
- б) Ч. 2. / отв. ред. А.А. Новосельский. М.:Л.: Изд. АН СССР, 1951. – 429 с.
168. Шаров, В. Опричнина / В. Шаров // Родина. - 1991. - № 1. - С. 22–24.
169. Шаров, В. Опричнина Ивана Грозного: что это такое? (Лекция, прочитанная в Гарвардском университете в 1989 г.) / В. Шаров // Археографический ежегодник за 2003 год / РАН. Отд. ист.-филол. наук. Археогр. комис., Федерал. архивное агентство; отв. ред. С.О. Шмидт. - М.: Наука, 2004. - С. 116–130.
170. Шевяков, В.Н. К вопросу об опричнине Ивана IV / В.Н. Шевяков // Вопросы истории. - 1956. - № 9. - С. 71–77.
171. Шмидт, С.О. Единое европейское государство / С.О. Шмидт // Родина. - 1995. - № 9. - С. 68–72.
172. Шмидт, С.О. Рец. на: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960 / С.О. Шмидт // Вопросы истории. - 1962. - № 6. - С. 132–139.
173. Юрганов, А.Л. Категории русской средневековой культуры / А.Л. Юрганов. - М.:МИРОС, 1998. – 468 с.

174. Юрганов, А.Л. Опричнина и страшный суд / А.Л. Юрганов // Отечественная история. - 1997. - № 3. - С. 52-75.
175. Юшков, С. К вопросу об образовании Русского государства в XIV–XVI веков (по поводу статьи П.П. Смирнова) / С.В. Юшков // Вопросы истории. - 1946. - № 4. - С. 55–67.
176. Юшков, С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси / С.В. Юшков. М.: Изд. АН СССР, 1939. – 253 с.
177. Яковлев, А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.. По архивным документам холопского и посольского приказов, оружейной палаты и разряда / А.И. Яковлев. Т. 1. - М.:Л.: Изд. АН СССР. – С. 564.
178. Яценко, Б.И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» / Б.И. Яценко // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т русск. лит-ры (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л: Наука, 1976. - Т. XXXI. - С. 116-122.

Исторические источники

Источники личного происхождения

1. «Они сохраняли лучшие традиции старой университетской дореволюционной школы...»: Из воспоминаний выпускников и преподавателей МГИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг. / Т.Г. Архипова, В.А. Коляда, Р.В. Овчинников, А.Г. Сергеева, Е.В. Старостин; вступ. ст., подг. текста и коммент. А.Ю. Клименко // Отечественные архивы. - 2009. - № 3. - С. 94–103
2. Димитриев, В.Д. Записки о письмах моего учителя А.А. Зимины / В.Д. Димитриев // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 616–642.
3. Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / сост. В.М. Панях. - СПб.: Лики России, 2010. – 479 с.
4. Житомирская, С.В. Просто жизнь / С.В. Житомирская. - М.: РОССПЭН, 2006. – 600 с.

5. Зимин А.А. В книжном мире / А.А. Зимин // Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель / сост. Р.В. Гульчинский. - М: РГГУ, 2000. - С. 135–148.
6. Зимин, А.А. «Балет Григоровича чрезвычайно историчен...» А.А. Зимин о балете «Иван Грозный», 1975 г. / А.А. Зимин // Исторический архив. - 2010. - № 1. - С. 137–142.
7. Зимин, А.А. «Великолепный неудачник» / А.А. Зимин // Штаден, Г. Записки о Московии: В 2-х тт. / Г. Штаден. - М.: Древлехранилище, 2008. - Т. 2: Статьи и комментарии. - С. 11–12.
8. Зимин, А.А. Дети становятся взрослыми / А.А. Зимин // Александр Александрович Зимин / сост.: В. Г. Зими́на, Л. Н. Простоволосова. - М: РГГУ, 2005. - С. 74–126.
9. Зимин, А.А. Мой архив / А.А. Зимин // Александр Александрович Зимин: биобиблиографический указатель / сост. Р.В. Гульчинский. - М: РГГУ, 2000. - С. 149–155.
10. Зимин, А.А. Мой добрый старый друг / А.А. Зимин // IN MEMORIAM : сборник памяти Я. С. Лурье / Сост. Н. М. Ботвинник, Е. И. Ванеева. - СПб.: Феникс, 1997. - С. 165–169.
11. Зимин, А.А. Мой истинный друг / А.А. Зимин // От древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А.Л. Хорошкевич / сост. А.В. Юрасов. - М. Наука, 2003. - С. 17–14.
12. Зимин, А.А. Недодуманные недоразмышления [эл. ресурс] / А.А. Зимин // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3-2/>
13. Зимин, А.А. Несравненный Степан Борисович / А.А. Зимин // Александр Александрович Зимин / сост.: В.Г. Зими́на, Л.Н. Простоволосова. - М: РГГУ, 2005. - С. 58–73.
14. Зимин, А.А. О книгах, театре, кино и прочем: Из архивного наследия / А.А. Зимин; подг. публ В.Г. Зиминой (работа с текстами, комментарии) и А.Л. Хорошкевич (вступ. ст.) // Отечественная история. - 2002. - № 1.- С. 6–40.

15. Зимин, А.А. Обретение свободы / А.А. Зимин // Родина. - 1990. - № 8. - С. 88–89
16. Зимин, А.А. Отрывок из воспоминаний / А.А. Зимин // Время и судьба. Сб. ст. в честь 75-летия В.М. Панеяха / сост. В.Г. Вовина-Лебедева. - СПб: Европейский университет, 2006. - С. 13–15.
17. Зимин, А.А. Патриархи / А.А. Зимин // Александр Александрович Зимин / сост.: В.Г. Зимина, Л.Н. Простоволосова. - М: РГГУ, 2005. - С. 29–57.
18. Зимин, А.А. Размышления [эл. ресурс] / А.А. Зимин // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3/>
19. Зимин, А.А. Юрий Георгиевич Алексеев / А.А. Зимин // Российская государственность в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвященных 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексева. - СПб: Изд-во "Дмитрий Буланин", 2002. - С. 3–6.
20. Зимина, В.Г. К читателю / В.Г. Зимина // Зимин, А.А. Слово о полку Игореве / А.А. Зимин. – СПб.: Изд. «Дмитрий Буланин», 2006. - С. 3–4.
21. Ивина, Л.И. «Работаю, пока есть силы...»: А.А. Зимин в его письмах друзьям (из переписки А.А. Зимина с Л.И. Ивиной и А.Н. Цамутали) / Л.И. Ивина // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв.: сб. статей в честь 75-летия Алексея Николаевича Цамутали / отв. ред. Р.Ш. Ганелин. - СПб.: Изд. «Нестор-История», 2006. - С. 147–157.
22. Ивина, Л.И. «Тревожная, трудная, но жизнь». А.А. Зимин в его письмах из Фороса / Л.И. Ивина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 655–660.
23. Из писем Я.С. Лурье к А.А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / подт. текста, примечания Е.И. Ванеева, вступ. ст. О.В. Творогов // Звезда. - 2006. - № 2. - С. 89–104.
24. К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Из переписки академика Д.С. Лихачева / публ. Л.В. Соколовой // Русская литература. - 1994. № 2. - С. 232–268.

25. К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Из переписки академика Д.С. Лихачева / публ. Л.В. Соколовой // Русская литература. - 1994. - № 3. - С. 213–245.
26. Каштанов, С.М. Александр Александрович Зимин. Штрихи к портрету / С.М. Каштанов // Россия в X–XVIII вв.: Пробл. ист. и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимины / отв. ред. Ю.Н. Афанасьев; РАН, Ин-т рос. ист. РГГУ, Ист-арх. ин-т. - М.: [б.и.], 1995. - Ч. 1. - С. 19–23.
27. Лапшина, И.К. Беседы за зиминским столом / И.К. Лапшина // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 739–745.
28. Литвин, А.Л. Александр Александрович Зимин / А.Л. Литвин // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 649–654.
29. Литвин, А.Л. Эпистолярное наследие А.А. Зимины / А.Л. Литвин // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и истчониковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимины отв. ред. Ю.Н. Афанасьев; РАН, Ин-т рос. ист. РГГУ, Ист-арх. ин-т. - М. : [б.и.], 1995. - Ч. 1. - С. 29–32.
30. Лурье, Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине / Я.С. Лурье // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «Другого» в культуре / отв. ред. А.Я. Гуревич; Ин-т всеобщ. Истории РАН. - М.: Наука, 1994. - С. 194–209.
31. Маматова, Е.П. Вспоминая Александра Александровича Зимины / Е.П. Маматова // Россия в X – XVIII вв.: Проблемы истории и истчониковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимины отв. ред. Ю.Н. Афанасьев; РАН, Ин-т рос. ист. РГГУ, Ист-арх. ин-т. - М. : [б.и.], 1995. - Ч. 1. - С. 23 – 29.

- 32.Межова, К.Г. А.А. Зимин. Штрихи к портрету / К.Г. Межова // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 671–692.
- 33.Минаев, В.В. Педагогическая харизма Александра Александровича Зими́на / В.В. Минаева // Учителя учителей: очерки и воспоминания / отв. ред. д-р ист. наук, проф. Е.И. Пивовар. - М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2009. - С. 73–77.
- 34.Мингалев, В.С. Из переписки с А.А. Зиминым. Письма учителя / В.С. Мингалев // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. -С. 693–725.
- 35.Павленко, Н.И. Памяти А.А. Зими́на / Н.И. Павленко // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 27–33.
- 36.Покровский, Н.Н. Встречи / Н.Н. Покровский // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 612–615.
- 37.Поляков, Ю.А. Дискуссия не судилище / Ю.А. Поляков // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 607–615.
- 38.Пушкарев, Л.Н. А.А. Зимин (из воспоминаний) / Л.Н. Пушкарев // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф / Рос. гос. гум. ун-т, Ист.-арх. ин-т, РАН, Ин-т рос. ист, СПб филиал РАН, Археогр. Ком., Гос. арх. служба РФ; сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др. - М.[б.и.], 2000. - С. 107–113.

- 39.Пушкарев, Л.Н. Слово об А.А. Зимине / Л.Н. Пушкарев // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 34–37.
- 40.Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева) / подг. текста, вступ. ст. и коммент. Л.В. Соколовой // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН. Ин-т русск. лит-ры (Пушкинский Дом); Отв. ред. О. В. Творогов. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. - Т. LVI. - С. 385–422.
- 41.Турок-Попова, К.А. Человек и Слово / К.А. Турок-Попова // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 587–606.
- 42.Федосеева, А.И. А.А. Зимин и его ученица Е.П. Маматова / А.И. Федосеева // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 661–670.
- 43.Формозов, А.А. А.А. Зимин (статья А.А. Формозова) [эл. ресурс] / А.А. Формозов // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin6/> .
- 44.Фроянов, И.Я. От автора / И.Я. Фроянов // Фроянов, И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды) / И.Я. Фроянов. - СПб.: Астерион, 2010. – С. 3–20.
- 45.Хорошкевич, А.Л. Феномен Зимины или подранок Октября / А.Л. Хорошкевич // URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin4/> .
- 46.Шмидт, С.О. Воспоминания об А.А. Зимине / С.О. Шмидт // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 21–26.

1. Стенограмма обсуждения книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» в Отделении истории АН СССР 4 – 6 мая 1964 г.: В 5 томах // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Л.В. Соколовой. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2010. - С. 148–576.

Литература

Теоретико-методологические работы

1. Алипов, П.А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии / П.А. Алипов // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. - М.: РГГУ, 2011. - С. 18–19.
2. Андреев, В. «Интеллектуальна біографія»: експлікація поняття / В. Андреев // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. - К., 2011. - Вип. 5. - С. 333–341.
3. Беленький, И.Л. Биографии и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И.Л. Беленький // История через личность: историческая биографистика сегодня / под. ред. Л.П. Репиной. - М.: Кругъ, 2005. - С. 37–54.
4. Бурдьё, П. Биографическая иллюзия / П. Бурдьё // ИНТЕР. - 2002. - № 1. - С. 75–85.
5. Бурдьё, П. Клиническая социология поля науки / П. Бурдьё // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Ит-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. - С. 49–96.
6. Бурдьё, П. Начала / П. Бурдьё; пер. с фр. Шматко Н.А. - М.: Socio-Logos, 1994. - 288 с.
7. Бурдьё, П. Поле науки / П. Бурдьё // Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё; пер. с фр., отв. ред. пер., сост. и послесл. Н.А. Шматко. - М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. - С. 473–517.

8. Володихин, Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории / Д.М. Володихин // Персональная истории / сост. Д.М. Володихин. - М.: Мануфактура, 1999. - С. 3–10.
9. Лавджой, А. Великая цепь бытия: История идеи / А. Лавджой; пер. с англ. В. Софронова-Антониони. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 376 с.
10. Ле Гофф, Ж. О биографии исторического персонажа (Людовик Святой) / Ж. Ле Гофф // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Вып. 2. / под ред. Ю.М. Бессмертного, М.А. Бойцов. - М.: РГГУ, 1999. - С. 101–116.
11. Леонтьева, О.Б. Интеллектуальная биография как жанр современной науки / О.Б. Леонтьева // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана, 13–15 ноября 2013, Казань. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. - С. 235–237.
12. Маловичко, С.И. Историографический источник как факт интеллектуальной биографии историка / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана, 13–15 ноября 2013, Казань. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. – С. 238–241.
13. Нейман, А.М. Биография в истории экономической жизни: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса / А.М. Нейман // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. - М.: Кругъ, 2005. - С. 330–332.
14. Нечкина, М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) (фрагменты книги, предисловие И.Л. Беленького) / М.В. Нечкина // Россия в современном мире. - 2005. - № 2. - С. 192–207.
15. Ревель, Ж. Биография как историографическая проблема / Ж. Ревель. - М.: РГГУ, 2002. – 57 с.
16. Репина, Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л.П. Репина // Казус: индивидуальное и уникальное в ис-

- тории. 1999. Вып. 2. / под ред. Ю.М. Бессмертного, М.А. Бойцов. - М.: РГГУ, 1999. - С. 76–100.
- 17.Репина, Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории / Л.П. Репина // Философский век. Альманах. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. / отв. ред. Т.В. Артемьева. - СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2006. - С. 101–108.
- 18.Репина, Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI вв. / Л.П. Репина // Новая и новейшая история. - 2006. - № 1. - С. 11–22.
- 19.Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
- 20.Репина, Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» / Л.П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. - М.: Кругъ, 2005. - С. 55–74.
- 21.Шлюбом, Ю. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе / Ю. Шлюбом, М. Кром, Т. Зоколл // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории / под ред. М.М. Крома, Т. Зоколла, Ю. Шлюмбома. - СПб.: Алетейя, 2003. - С. 7–26.
- 22.Ясперс, К. Разум и экзистенция / К. Ясперс; пер. А.К. Судакова. - М: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с.

Литература о научном творчестве А.А. Зимина.

1. Алексеева, С.В. О понятии «феодалная война» в отечественной историографии: Вклад А.А. Зимина в изучение событий второй четверти XV в. / С.В. Алексеева // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 94–98.
2. Афиани, В.Ю. Дискуссия вокруг книги А.А. Зимина о «Слове о полку Игореве» в 1964 г. По документам Архива РАН / В.Ю. Афиани // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ.

- ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 51–62.
3. Бауэр, Е.А. Теория «Москва – Третий Рим» в интерпретации А.А. Зимина / Е.А. Бауэр // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартовского государственного гуманитарного университета / отв. ред. С.И. Горлов. - Вып. 3. - Нижневартковск: Изд. НГГУ, 2006. - С. 12–20.
  4. Буганов, В.И. А.А. Зимин – исследователь / В.И. Буганов // Зимин, А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в / А.А. Зимин. - М.: Наука, 1986. - С. 3–12.
  5. Буганов, В.И. А.А. Зимин о народных движениях в феодальной России / В.И. Буганов // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимин / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.[б.и.], 1990. - Вып. 1. - С. 29–30.
  6. Буганов, В.И. А.А. Зимин о социальных движениях в феодальной России / В.И. Буганов // Отечественная история. - 1995. - № 4. - С. 153–158.
  7. Бычкова, М.Е. Источниковедение в трудах А.А. Зимина / М.Е. Бычкова // Вестник РГГУ. - 2010. - № 7. Сер. Исторические науки. - С. 211–219.
  8. Вовина-Лебедева, В.Г. Переписка А.А. Зимина и Я.С. Лурье (1951–1963 гг.) / В.Г. Вовина-Лебедева // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф / Рос. гос. гум. ун-т, Ист.-арх. ин-т, РАН, Ин-т рос. ист, СПб филиал РАН, Археогр. Ком., Гос. арх. служба РФ; сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др. - М.[б.и.], 2000. - С. 114–120.
  9. Володихин, Д.М. Очерк методологии А.А. Зимина / Д.М. Володихин // Вестник Университета Российской академии образования. - 1996. - № 1. - С. 30–47.
  10. Данилевский, И. Загадку решить невозможно? / И. Данилевский // Знание – сила. - 2007. - № 10. - С. 40–43.
  11. Дубровский, А.М. Автобиографические рукописи А.А. Зимина / А.М. Дубровский // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Те-

- рентьевича Пашуто и IV Чтения памяти докт. ист. наук Александра Александровича Зими́на / Ин-т всеобщ. ист. РАН; Рос. гос. гум. ун-т; отв. ред. д.и.н. Е.А. Мельникова и к.и.н. М.Ф. Румянцева - М.: Ин-т всеобщ. Ист. РАН, 2005. - Ч. 1. - С. 5–8.
12. Дубровский, А.М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий / А.М. Дубровский // Отечественная история. - 2005. - № 4. - С. 140–150.
13. Дубровский, А.М. С.В. Бахрушина и А.А. Зимин / А.М. Дубровский // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 480–515.
14. Дубровский, А.М. Ученый и общая концепция отечественной истории / А.М. Дубровский // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зими́на отв. ред. Ю.Н. Афанасьев; РАН, Ин-т рос. ист. РГГУ, Ист-арх. ин-т. - М.: [б.и.], 1995. - Ч. 1. - С. 39–42.
15. Ерусалимский, К.Ю. «И.С. Пересветов и его современники»: 50 лет спустя / К.Ю. Ерусалимский // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 419–439.
16. Ерусалимский, К.Ю. Публицист и централизованное государство: И.С. Пересветов в творчестве А.А. Зими́на / К.Ю. Ерусалимский // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории \ Л.П. Репина (ред.). - М., 2012. - Вып. 38. - С. 100 – 128.
17. Запесоцкий, А. Д.С. Лихачев и А.А. Зимин: уроки научной полемики / А. Запесоцкий, Ю. Зобнин, А. Михайлов // Вестник Европы. - 2007. - Т. XXI. - С. 240–247/
18. Ивина, Л.И. История княжеских и боярских родов в трудах А.А. Зими́на / Л.И. Ивина // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Те-

- рентьевича Пашуто и IV Чтения памяти докт. ист. наук Александра Александровича Зими́на / Ин-т всеобщ. ист. РАН; Рос. гос. гум. ун-т; отв. ред. д.и.н. Е.А. Мельникова и к.и.н. М.Ф. Румянцева - М.: Ин-т всеобщ. Ист. РАН, 2005. - Ч. 1. - С. 10–12.
- 19.Илизаров, С.С. Разбуженные «Словом» А.А. Зими́на / С.С. Илизаров // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зими́на отв. ред. Ю.Н. Афанасьев; РАН, Ин-т рос. ист. РГГУ, Ист-арх. ин-т. - М. :[б.и.], 1995. - Ч. 1. - С. 36–38.
- 20.Каштанов, С.М. Александр Александрович Зимин – исследователь и педагог / С.М. Каштанов // История СССР. - 1980. - № 6. - С. 152–157.
- 21.Каштанов, С.М. Александр Александрович Зимин / С.М. Каштанов // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 1. Отечественная история / под ред. Г.Н. Севостьянов и Л.Т. Мильская. - М.:Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. - С. 368–392.
- 22.Каштанов, С.М. Александр Александрович Зимин как исследователь истории Иосифо-Волоколамского монастыря / С.М. Каштанов // Линия судьбы: сборник статей, очерков, эссе / сост. В.Л. Телицын. - М.: Собрание, 2007. - С. 119–134.
- 23.Каштанов, С.М. Зимин Александр Александрович / С.М. Каштанов, А.А. Чернобаев // Историки России. Биографии / [Редкол.: А. А. Чернобаев, д. ист. н. (отв. ред.) и др.]. - М.: РОССПЭН, 2001. - С. 803–814.
- 24.Каштанов, С.М. История холопства на Руси в трудах А.А. Зими́на / С.М. Каштанов // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 38–41.
- 25.Каштанов, С.М. К 80-летию А.А. Зими́на / С.М. Каштанов // Археографический ежегодник за 2000 год / Отд. истории РАН, Археографическая комиссия; Федер. арх. служба России; отв. ред. С.О. Шмидт. - М.: Наука, 2001. - С. 226 – 227.

26. Каштанов, С.М. К изучению исторических взглядов А.А. Зимина / С.М. Каштанов // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто и IV Чтения памяти докт. ист. наук Александра Александровича Зимина / Ин-т всеобщ. ист. РАН; Рос. гос. гум. ун-т; отв. ред. д.и.н. Е.А. Мельникова и к.и.н. М.Ф. Румянцева - М.: Ин-т всеобщ. Ист. РАН, 2005. - Ч. 1. - С. 3–5.
27. Каштанов, С.М. О методологии А.А. Зимина и его концепции опричнины / С.М. Каштанов // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф / Рос. гос. гум. ун-т, Ист.-арх. ин-т, РАН, Ин-т рос. ист, СПб филиал РАН, Археогр. Ком., Гос. арх. служба РФ; сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др. - М.[б.и.], 2000. - С. 97–99.
28. Киреева, Р.А. Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг.: Первое вето в научной жизни А.А. Зимина / Р.А. Киреева // Россия в XX веке: судьба исторической науки / под общ. ред. А.Н. Сахарова. - М.: Ин-т рос. ист., 1996. - С. 487–495.
29. Киреева, Р.А. О неосуществленном замысле А.А. Зимина / Р.А. Киреева // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 457–463.
30. Киреева, Р.А. О публикации рукописного наследия В.О. Ключевского / Р.А. Киреева // В.О. Ключевский в истории нации и культуры: Материалы IV Всеросс. науч. конф. / под ред. Р.А. Киреевой и А.Н. Плешкова. – Пенза: Пензенский гос. краеведческий музей, 2007. - С. 13–20.
31. Киреева, Р.А. Первое вето / Р.А. Киреева // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимина / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.[б.и.], 1990. - Вып. 1. - С. 107–108.
32. Кобрин, В.Б. Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек / В.Б. Кобрин // Историческая наука России в XX веке / Г.Д. Алексеева (отв. ред.),

- чл.-корр. РАН А.Н.Сахаров, Л.А.Сидорова. - М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1997. - С. 353–368.
- 33.Кобрин, В.Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства / В.Б. Кобрин // Россия на путях централизации: сб. статей / отв. ред. В.Т. Пашуто. - М.: Наука, 1982. - С. 256–269.
- 34.Кобрин, В.Б. Послесловие / В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич // Зимин, А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки Первой крестьянской войны в России / А.А. Зимин. - М.: Мысль, 1986. – С. 118–128.
- 35.Кобрин, В.Б. Послесловие / В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич // Зимин, А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории) / А.А. Зимин. - М.: Мысль, 1982. С. 263–266.
- 36.Кобрин, В.Б. Послесловие / В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье, А.Л. Хорошкевич // Зимин, А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. / А.А. Зимин. - М.: Наука, 1991. - С. 212–218.
- 37.Козлов, В.П. Российская документальная «Сага о Форсайтах» А.А. Зимина / В.П. Козлов // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 368–374.
- 38.Котляр, Н. Восставшая из пепла: Александр Зимин и «Слово о полку Игореве» / Н. Котляр // Родина. - 2007. - № 10. - С. 40–43.
- 39.Котляр, Н.Ф. «Ничто ... не проходит бесследно ...» (Заметки о книге А.А. Зимина «Слово о полку Игореве».СПб., 2006. 515 с.) / Н.Ф. Котляр // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. сек. А.Л. Щавелев. - М.; Индрик. 2008. - С. 519-531.
- 40.Лурье, Я.С. Вопросы методики источниковедения в работах и письмах А.А. Зимина / Я.С. Лурье // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимин / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.[б.и.], 1990. - Вып. 1. - С. 160–162.

41. Лурье, Я.С. Об А.А. Зимине – источниковеде и текстологе / Я.С. Лурье // Вспомогательные исторические дисциплины. - Л.: Наука, 1982. - Сб. XIII. - С. 329–331.
42. Морозова, Л.Е. О методике изучения повествовательных источников А.А. Зими́на / Л.Е. Морозова // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимин / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.[б.и.], 1990. - Вып. 2. - С. 187–190.
43. Муравьев, В.А. А.А. Зимин: историк в контексте времени / В.А. Муравьев // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф / Рос. гос. гум. ун-т, Ист.-арх. ин-т, РАН, Ин-т рос. ист, СПб филиал РАН, Археогр. Ком., Гос. арх. служба РФ; сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др. - М.[б.и.], 2000. - С. 91–97.
44. Муравьев, В.А. Александр Александрович Зимин / В.А. Муравьев // Историки России. Послевоенное поколение / сост. Л.В. Максакова. - М.: АИРО-XX, 2000. - С. 166–175.
45. Муравьев, В.А. История российской государственности в трудах А.А. Зими́на / В.А. Муравьев // Модернизация российской государственности: междисциплинарный подход: Материалы Всеросс. Науч.-практ. конф., Кострома, 25 февраля 2009 г. / отв. ред. О.Б. Панкратова. – Кострома: Костромской филиал РГГУ, 2009. - С. 116–124.
46. Одесский, М.П. А.А. Зимин в современном гуманитарном знании / М.П. Одесский // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 42–46.
47. Панеях, В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А. Зими́на / В.М. Панеях // Панеях, В.М. Историографические этюды / В.М. Панеях. - СПб.: Алетейя, 2005. - С. 58–89.

48. Панеях, В.М. Панорама истории России XV–XVI веков А.А. Зими́на: к вы-
ходу в свет книги «Витязь на распутье» / В.М. Панеях // Панеях, В.М. Исто-
риографические этюды / В.М. Панеях. - СПб.: Алетейя, 2005. - С. 95–112.
49. Простоволосова, Л.Н. А.А. Зимин и А.И. Андреев: из биографической хро-
ники (письма А.А. Зими́на А.И. Андрееву) / Л.Н. Простоволосова // Россия в
X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ.
Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зими́на / отв. ред. Ю.Н. Афанасьев; РАН,
Ин-т рос. ист. РГГУ, Ист-арх. ин-т. - М.: [б.и.], 1995. - Ч. 1. - С. 33–35.
50. Сапунов, Б.В. А.А. Зимин и датировка «Слова о полку Игореве» / Б.В. Са-
пунов // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез.
докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зими́на / под ред. Ю.Н.
Афанасьева. - М.: [б.и.], 1990. - Вып. 2. - С. 242–245.
51. Севастьянова, А.А. Ученичество в историографическом пространстве 1960–
1970-х годов: А.А. Зимин, В.Б. Кобрин / А.А. Севастьянова // Историк в
России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ.
ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов,
Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 516–517.
52. Соколова, Л.В. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о
полку Игореве» Л.В. Соколова // История спора о подлинности «Слова о
полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. статья, сост.,
подг. текстов и комментарии Л.В. Соколовой. - СПб.: Издательство «Пуш-
кинский дом», 2010. - С. 11–126.
53. Соколова, Л.В. Новые мифы о старом (по поводу интервью на радиостанци-
ях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А.А. Зими́на «Сло-
во о полку Игореве») / Л.В. Соколова // *Studia Slavica et Balcanica
Petropolitana*. - 2007. - № 1/2. - С. 23–38.
54. Столярова, Л.В. О «Слове» и пустословии / Л.В. Столярова // Древнейшие
государства Восточной Европы. 2002. Генеалогия как форма исторической
памяти / И.Г. Коновалов (отв. ред.). - М.: Восточная литература, 2004. - С.
332–337.

- 55.Формозов, А.А. А.А. Зимин. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) [вступительная статья] / А.А. Формозов // Вопросы истории. - 1992. - № 6/7. - С. 96–103.
- 56.Хорошкевич, А.Л. А.А. Зимин о работах С.М. Каштанова / А.Л. Хорошкевич // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. - М.: РГГУ, 2012. - С. 19–21.
- 57.Хорошкевич, А.Л. А.И. Копанев, «Зиминский» сборник 1978 – 1982 гг. и А.А. Зимин / А.Л. Хорошкевич // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 643–648.
- 58.Хорошкевич, А.Л. Александр Александрович Зимин и его книга «Опричнина Ивана Грозного» / А.Л. Хорошкевич // Зимин, А.А. Опричнина / А.А. Зимин. - Изд. 2-е испр. и доп. - М.: Территория, 2001. – С. 5–19.
- 59.Хорошкевич, А.Л. История русского духовенства и церкви в трудах А.А. Зимины / А.Л. Хорошкевич // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова; редколл.: Е.И. Пивовар, В.Ю. Афиани, С.М. Каштанов, Н.А. Козлова, В.С. Мингалев. - М.: РГГУ, 2012. - С. 440–456.
- 60.Хорошкевич, А.Л. Памяти Александра Александровича Зимины / А.Л. Хорошкевич // Историографический сборник. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1983. - Вып. 10. - С. 107–122.
- 61.Шишкин, И.Г. А.А. Зимин и проблема Древнерусского государства / И.Г. Шишкин // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимины отв. ред. Ю.Н. Афанасьев; РАН, Ин-т рос. ист. РГГУ, Ист-арх. ин-т. - М. :[б.и.], 1995. - Ч. 1. - С. 42–44.

Научные исследования о творчестве коллег и предшественников

А.А. Зимины

1. Александров, В.А. В.И. Шунков – историк Сибири / В.А. Александров // Археографический ежегодник за 1967 год / Археогр. комис. АН СССР, Отд. истории АН СССР. - М.: Наука, 1969. - С. 354–355.
2. Алексеев, Ю.Г. История русского крестьянства глазами Александра Ильича Копанева / Ю.Г. Алексеев // Александр Ильич Копанев: сб. статей и воспоминаний / под ред. Ю.Г. Алексеева и др. - СПб.: БАН, 1992. - С. 28–35.
3. Алексеев, Ю.Г. История феодальной России в трудах И. И. Смирнова: К 75-летию со дня рождения / Ю.Г. Алексеев, Н.Е. Носов // История СССР. - 1985. - № 5. - С. 117-131.
4. Алексеев, Ю.Г. Николай Евгеньевич Носов (1924–1984) / Ю.Г. Алексеев, А.П. Павлова // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. А.В. Шишкин. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. - Сб. XXVI. - С. 317–327.
5. Алексеев, Ю.Г. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова / Ю.Г. Алексеев, В.В. Пузанов // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. - М.: Изд. дом «Парад», 2006. - С. 3–23.
6. Алексеева, С.В. К изучению отечественной историографии 30–40-х годов XX вв. / С.В. Алексеева // Призвание – история: Сб. научных статей к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева / Ред.-сост. А.А. Мещенина, Р.А. Соколов. - СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. - С. 71–74.
7. Алпатов, В. Академик Виноградов. Ученый и эпоха / А. Алпатов // Наш современник. - 1998. - № 11/12. - С. 213-223.
8. Афферикиа, Д. Образ Ивана Грозного в трудах С.Б. Веселовского / Д. Афферикиа // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посв. памяти А.А. Зимин / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.[б.и.], 1990. - Вып. 1. - С. 25–26.
9. Беленький, И.Л. «Быть нолею для себя...» (заметки об А.Л. Станиславском) / И.Л. Беленький // Александр Лазаревич Станиславский: Биобиблиографический указатель / сост. Л.Н. Простоволосова. - М.: РГГУ, 1999. - С. 12–18.

10. Бельчиков, Ю.А. Крупнейший филолог XX столетия: К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова / Ю.А. Бельчиков // Русистика сегодня. - 1994. - № 3. - С. 14-33.
11. Богдалин, С.Б. Вопросы истории крестьянской Сибири в XVII–XVIII вв. в трудах В.И. Шункова (середина 20-х гг. – 1946 г.) / С.Б. Богдалин // Известия Сибирского отделения АН СССР. - 1985. - № 14. Сер. Истории, филологии и философии. Вып. 3. - С. 60–63.
12. Брачев, В.С. И.Я. Фроянов: начало творческого пути / В.С. Брачев // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. - М.: Изд. дом «Парад», 2006. - С. 24–48.
13. Буганов, В.И. Проблемы реформационных движений в общественно-политической мысли России в трудах А.И. Клибанова / В.И. Буганов // Исторические записки. – М.: Наука, 1977. - Т. 98.- С 257–275.
14. Будаев, Э.В. У истоков лингвистической советологии: Андре Мазон о языке русской революции / Э.В. Будаев, К.Л. Филатова, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. - 2009. - № 2(28). - С. 146–147.
15. Вагнер, Г.К. Николай Николаевич Воронин / Г.К. Вагнер // Культура Древней Руси : посв. 40-летию научной деятельности Николая Николаевича Воронина. - М.: Наука, 1966. - С. 6–20.
16. Валк, С.Н. Иван Иванович Смирнов / С.Н. Валк // Валк, С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / С.Н. Валк; отв. ред. В.Н. Гинев. - СПб.: Наука, 2000. - С. 146–188.
17. Вовина-Лебедева, В.Г. К истории больших школ: школа М.Д. Приселкова / В.Г. Вовина-Лебедева // Исторические записки. – М.: Наука, 2010. - Т. 13(131). - С. 409–451.
18. Вовина-Лебедева, В.Г. Я.С. Лурье – источниковед / В.Г. Вовина-Лебедева // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. А.В. Шишкин. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. - Сб. XXVI. - С. 345–363.

19. Ганелина, Е.И. Я.С. Лурье – история жизни / Е.И. Ганелина // IN MEMORIAM: сборник памяти Я. С. Лурье / Сост. Н. М. Ботвинник, Е. И. Ванеева. - СПб. : Феникс, 1997. - С. 5–40.
20. Горская, Н.А. Борис Дмитриевич Греков / Н.А. Горская. - М.: Ин-т рос. ист, 1999. – 269 с.
21. Горский, А.Д. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л.В. Черепнина (к 70-летию со дня рождения) / А.Д. Горский // Археографический ежегодник за 1975 год / Отв. ред. С. О. Шмидт. - М.: Наука, 1976. - С. 163–171.
22. Гусев, В. Николай Калинникович Гудзий / В. Гусев // Вопросы литературы. - 1976. - № 6. - С. 161–176.
23. Гутнова, Е.В. Сергей Данилович Сказкин / Е.В. Гутнова // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 2. Всеобщая история. / под ред. Г.Н. Севостьянова и Л.Т. Мильская. - М.: Иерусалим: Университетская книга; Geshtarim, 2000. - С. 197–206.
24. Данилов В.В. Чешский славист Ян Фрчек / В.В. Данилов // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. И.П. Еремин. - М.;Л.: Изд. АН СССР, 1956. - Т. XII. - С. 642–644.
25. Дворниченко, А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества / А.Ю. Дворниченко. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2001. — 191 с.
26. Дербин, Е.Н. И.Я. Фроянов и проблема института княжеской власти в Древней Руси / Е.Н. Дербин // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. - М.: Изд. дом «Парад», 2006. - С. 49–55.
27. Дмитриев, Л.А. Н.К. Гудзий – исследователь «Слова о полку Игореве» / Л.А. Дмитриев // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т русск. языка и лит-ры (Пушк. дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. - Т. XLVI. - С. 176–185.

28. Дмитриев, М.В. История общественной духовной культуры в исследованиях А.И. Клибанова / М.В. Дмитриев // История СССР. - 1990. - № 6. - С. 124–136.
29. Дмитриев, С.С. К восьмидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова / С.С. Дмитриев, Т.И. Макарова, С.А. Плетнева // Новая и новейшая история. - 1988. - № 3. - С. 223–227.
30. Добровольский, Д.А. В чем состоял «метод Шахматова» / Д.А. Добровольский // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века: Материалы международной конференции. - М.: ИВИ РАН, 2011. - С. 116–118.
31. Дубровский, А.М. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета / А.М. Дубровский // Археографический ежегодник за 2005 год / Археогр. комис. РАН; отв. ред. С.О. Шмидт. - М.: Наука, 2007. - С. 314–329.
32. Дубровский, А.М. С.В. Бахрушин и его время / А.М. Дубровский. - М.: РУДН, 1992. – 165 с.
33. Дубровский, А.М. Сергей Владимирович Бахрушин / А.М. Дубровский // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 1. Отечественная история / под ред. Г.Н. Севостьянов и Л.Т. Мильская. - М.: Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. - С. 192–201.
34. Ивина, Л.И. Монография А.И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV – XVI вв» и ее историографическое значение / Л.И. Ивина // Александр Ильич Копанев: сб. статей и воспоминаний / под ред. Ю.Г. Алесеева и др. - СПб.: БАН, 1992. - С. 14–22.
35. Индова, Е.И. В.И. Шунков – историк-аграрник / Е.И. Индова // Археографический ежегодник за 1967 год / Археогр. комиссия, Отд. истории АН СССР. - М.: Наука, 1969. - С. 350–353.
36. Ирошников, М.П. Александр Ильич Копанев / М.П. Ирошникова // Александр Ильич Копанев: сб. статей и воспоминаний / под ред. Ю.Г. Алесеева и др. - СПб.: БАН, 1992. - С. 9–13.

37. Каменский, А.Б. Александр Лазаревич Станиславский / А.Б. Каменский // Александр Лазаревич Станиславский: Биобиблиографический указатель / сост. Л.Н. Простоволосова. - М.: РГГУ, 1999. - С. 12–18.
38. Клибанов, А.И. А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель / А.И. Клибанова // Лаппо-Данилевский, А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII / А.С. Лаппо-Данилевский. Л.: Наука, 1990. С. 249–280.
39. Кобрин, В.Б. Степан Борисович Веселовский / В.Б. Кобрин, К.А. Аверьянов / отв. ред. чл.-корр. В.Л. Янин. - М.: Наука, 1989. – 72 с.
40. Костюхин, Е.А. Жизнь и идеи Александра Никифорова (1893-1941 гг.) / Е.А. Костюхин // Этнографическое обозрение. - 1994. - № 5. - С. 140-153.
41. Кром, М.М. Творческое наследие Н.Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI века / М.М. Кром // Государство и общество в России XV – начала XVI века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Спб. Ин-т истории РАН; Ред.-сост. А. П. Павлов. - СПб.: Наука, 2007. - С. 45–57.
42. Кулешов, В.И. Виктор Владимирович Виноградов / В.И. Кулешов // Российский литературоведческий журнал. - 1996. - № 8. - С. 150-157.
43. Лихачев, Д.С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» / Д.С. Лихачев // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. - М.:Л.: Изд. АН СССР, 1958. - Т. XV. - С. 486–495.
44. Ляховицкий, Е.А. О методике изучения летописного текста в работах А. А. Шахматова / Е.А. Ляховицкий // Университетский историк. Альманах. Вып. 7. / под ред. А.Ю. Дворниченко. - СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. - С. 448–455.
45. Макарова, Т.И. Памяти Бориса Александровича Рыбакова (1908-2001) / Т.И. Маркова // Российская археология. - 2002. - № 3. - С. 185-187.
46. Медушевская, О.М. История науки как динамический процесс: К 120-летию со дня рождения со дня рождения А.И. Андреева / О.М. Медушевская // Медушевская, О.М. Теория исторического познания: Избранные произведе-

- ния / О.М. Медушевская. - СПб.: Изд. «Университетская книга», 2010. - С. 329–342.
47. Медушевская, О.М. Л.В. Черепнин и становление науки об источниках / О.М. Медушевская // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина / отв. ред. В.Л. Янин. - М.: Наука, 1987. - С. 53–58.
48. Морозова, Л.Е. Концепция русской истории в трудах С.Ф. Платонова / Л.Е. Морозова // Россия в XX веке: судьба исторической науки / под общ. ред. А.Н. Сахарова. - М.: Ин-т рос. ист., 1996. – С. 447–453.
49. Назаров, В.Д. Лев Владимирович Черепнин / В.Д. Назаров // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 1. Отечественная история / под ред. Г.Н. Севостьянов и Л.Т. Мильская. - М.: Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. - С. 285–303.
50. Найденова, Л.П. Русская Православная церковь в исследованиях Я.Н. Щапова / Л.П. Найденова // Отечественная история. - 2003. - № 2. - С. 136–140.
51. Никонов, С.А. Б.Д. Греков и И.И. Смирнов: к проблеме взаимоотношений учителя и ученика / С.А. Никонов // Мавродинские чтения: сб. статей / под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. - СПб.: Изд. СПбГУ, 2002.- С. 118–124.
52. Никонов, С.А. Изучение волнений 1024 и 1071 гг. в новейшей историографии: исследовательские традиции Б.Д. Грекова / С.А. Никонов // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. - 2002. - Вып 1(2). - С. 50–59.
53. Павлов, А.П. Н.Е. Носов как исследователь проблем русской истории XVI в. / А.П. Павлов // Государство и общество в России XV – начала XVI века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Спб. Ин-т истории РАН; Ред.-сост. А. П. Павлов. - СПб.: Наука, 2007. - С. 33–44.
54. Панеях, В.М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов В.М. Панеях // Панеях, В.М. Историографические этюды / В.М. Панеях. - СПб.: Алетейя, 2005. - С. 187–222.

55. Панеях, В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В.Б. Кобринна / В.М. Панеях // Панеях, В.М. Историографические этюды / В.М. Панеях. - СПб.: Алетейя, 2005. - С. 113–124.
56. Панеях, В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / В.М. Панеях. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 446 с.
57. Преображенский, А.А. Виктор Иванович Шунков / А.А. Преображенский // Преображенский, А.А. Историк об историках России XX столетия / А.А. Преображенский. - М.: Русское слово, 2000. - С. 268–272.
58. Преображенский, А.А. К 100-летию А.А. Новосельского / А.А. Преображенский // Отечественная история. - 1992. - № 2. - С. 96–106.
59. Преображенский, А.А. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Кафенгауза / А.А. Преображенский // Преображенский, А.А. Историк об историках России XX столетия / А.А. Преображенский. - М., Русское слово, 2000. - С. 146–160.
60. Пузанов, В.В. Начало большого пути / В.В. Пузанов // Фроянов, И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды) / И.Я. Фроянов. - СПб.: Астерион, 2010. – С. I–XX.
61. Робинсон, А.Н. К семидесятилетию Николая Калининковича Гудзия (очерк жизни и деятельности) / А.Н. Робинсон // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. - М.;Л.: Изд. АН СССР, 1957. - Т. XIII. - С. 325.
62. Сахаров, А.Н. Творческий путь Я.Н. Щапова / А.Н. Сахаров, Н.В. Сеницына // От Древней Руси к новой России: юбилейный сборник, посв. чл.-корр. Я.Н. Щапову / отв. ред. А.Н. Сахаров. - М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2005. - С. 6–16.
63. Смирнов, И. Приобретение навеки / И. Смирнов // Знание-сила. - 1987. - № 9. - С. 50–57.
64. Смирнов, И.В. Этика истории в публицистических и популярных работах В.Б. Кобринна / И.В. Смирнов // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В.Б. Кобринна / [редколл.: В.А. Муравьев и др.]. - М.: РГГУ, 1992. - С. 20–22.

- 65.Споров, Д. Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) / Д. Споров, С. Шокарев // Новое литературное обозрение. - 2006. - № 78. - С. 125–146.
- 66.Столярова, Л.В. Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова / Л.В. Столярова // Ad fontem. У источника. Сб. ст. в честь Сергея Михайловича Каштанова / РАН, Ин-т всеобщ. истории ; [составители Л. В. Столярова и др.]. - М.: Наука, 2005. - С. 7–77.
- 67.Тюменцев, И.О. К юбилею Руслана Григорьевич Скрынникова / И.О. Тюменцев // Россия XV–XVIII столетий: Сб. научных статей. Юбилейное издание. - Волгоград: Изд. ВолГУ, 2001. - С. 5–16.
- 68.Ульянов, Н.И. Тень Грозного / Н.И. Ульянов // Знание-сила. - 2001. - № 12. - С. 77–85.
- 69.Формозов, А.А. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России / А.А. Формозов // Российская археология. - 2004. - № 2. - С. 173–180.
- 70.Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) / Е.В. Чистякова. - М.: Наука, 1987. – 158 с.
- 71.Шмидт, С.О. Михаил Николаевич Тихомиров / С.О. Шмидт // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 1. Отечественная история / под ред. Г.Н. Севостьянов и Л.Т. Мильская. - М.:Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000. - С. 247–258.
- 72.Шмидт, С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (по архивным материалам) / С.О. Шмидт // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. - М.: Наука, 1984. - С. 62–74.
- 73.Щапова, Ю.Л. А.В. Арциховский во главе кафедры археологии исторического факультета МГУ / Ю.Л. Щапова // Российская археология. - 2002. - № 4. - С. 12–19.
- 74.Юрганов, А.Л. «Все это ушло далеко в вечность»: дневник и жизнь С.Б. Веселовского / А.Л. Юрганов // Интеллектуальный форум. - 2007. - № 7. - С. 85–113.

75. Юрганов, А.Л. Путь исторической науки приоритеты изучения (по материалам архива В.Б. Кобринина) / А.Л. Юрганов // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф / Рос. гос. гум. ун-т, Ист.-арх. ин-т, РАН, Ин-т рос. ист, СПб филиал РАН, Археогр. Ком., Гос. арх. служба РФ; сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др. - М.[б.и.], 2000. - С. 125–127.
76. Юрганов, А.Л. Творческое наследие В.Б. Кобринина в контексте истории исторической науки / А.Л. Юрганов // Отечественная история. - 1993. - № 1. - С. 136–149.
77. Янин, В.Л. Историк, вооруженный лопатой: к 100-летию со дня рождения член-корреспондента АН СССР А.В. Арциховского / В.Л. Янин // Вестник Российской Академии наук. - 2002. - Т. 71. № 12. - С. 1093–1106.
78. Яцунский, В.К. Александр Игнатьевич Андреев. Краткий очерк жизни и деятельности / В.К. Яцунский // Андреев, А.И. Очерки источниковедения Сибири / А.И. Андреев. – Изд. 2-е, испр. и доп. - М.;Л.: Изд. АН СССР, 1960. - С. 3–14.

Проблемная историография.

1. Алексеева, С.В. О понятии «феодалная война» в отечественной историографии XX в. / С.В. Алексеева // Вестник СПбГУ. - Сер. 2. История. - 2006. - № 4. - С. 24–30.
2. Будовниц, И.У. Иван Грозный в русской исторической литературе / И.У. Будовниц // Исторические записки. - М.: Наука, 1947. - Т. 21. - С. 217–330.
3. Веселовский, С.Б. Обзор мнений историков об Опричном дворе царя Иван / С.Б. Веселовский // Веселовский, С.Б. Исследования по истории опричнины / С.Б. Веселовский. - М.: Изд. АН СССР, 1963. – С. 11–34.
4. Данилова, Л.В. Изучение истории феодальной России / Л.В. Данилова // Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной и др. - М., 1985. - Т. 5. - С. 110–161.
5. Дербин, Е.Н. К вопросу об институте княжеской власти на Руси IX – начала XIII вв. в отечественной историографии (вторая половина 1950–1980-х гг.) /

- Е.Н. Дербин // Россия и Удмуртия: История и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию вхождения Удмуртии в состав Российского государства / сост. и общ. ред. В.В. Пузанова и А.Е. Загребина. - Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. - С. 356–364.
6. Долгов, В.В. Социально-антропологическая проблематика в трудах по истории Древней Руси XI–XIII вв.: дореволюционная историография / В.В. Долгов // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. / редколл.: Н.Н. Алеврас (гл. ред) и др. - Челябинск: Каменный пояс, 2006. - С. 364–370.
  7. Кобрин, В.Б. Посмертная судьба Ивана Грозного / В.Б. Кобрин // Знание—сила. - 1987. - № 8. - С. 54-60.
  8. Котышев, Д.М. От «родового строя» к «родовому сюзеренитету»: княжеская власть в парадигмах советской исторической науки / Д.М. Котышев // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. / редколл.: Н.Н. Алеврас (гл. ред) и др. - Челябинск: Каменный пояс, 2006. - С. 371–379.
  9. Медушевская, О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность / О.М. Медушевская // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.: РГГУ, 1996. - С. 42–77.
  10. Медушевская, О.М. Развитие теории советского источниковедения / О.М. Медушевская // Труды МГИАИ. – М: МГИАИ, 1966. - Т. 24. Вып. 2. - С. 3–16.
  11. Медушевская, О.М. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов / О.М. Медушевская // Источниковедение: теоретические и методические проблемы / Ин-т истории АН СССР; отв. ред. С.О. Шмидт. - М., 1969. - С. 171–194.
  12. Пузанов, В.В. О феодализме в России / В.В. Пузанов // Государство и общество. История. Экономика. Политика. - 1993. - № 3-4. - С. 187–219.

13. Свак, Д. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI в. в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV): дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Дюла Свак. - Л., 1984. – 197 с.
14. Свердлов, М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. / М.Б. Свердлов. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 331 с.
15. Тюменцев, И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: основные направления историографического анализа в XX в. / И.О. Тюменцев // Мавродинские чтения – 2004. Проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. - СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. - С. 38–42.
16. Усачев, А.С. Образ Ивана Грозного в средневековой Руси / А.С. Усачев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2001. - № 3(5). - С. 94–103.
17. Филюшкин, А. «Слово...», со слезами смешанное: как гениальную древнерусскую поэму пытались объявить подделкой / А. Филюшкин // Родина. - 2002. - № 11-12. - С. 185–188.
18. Фроянов, И.Я. Общественный строй Киевской Руси / И.Я. Фроянов, В.В. Мавродин // Советская историография Киевской Руси / отв. ред. В.В. Мавродин. - Л.: Наука, 1978. - С. 85–118.
19. Фроянов, И.Я. Киевская Русь: очерки советской историографии / И.Я. Фроянов. - Л.: Изд. ЛГУ, 1990. – 328 с.
20. Хорошкевич, А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середине 50-х гг. / А.Л. Хорошкевич // История СССР. - 1991. - № 6. - С. 85–110.
21. Шишкин, И.Г. На пути к марксистскому методологическому монизму: изучение средневековой русской государственности в отечественной исторической науке в 1920–1940-е гг. / И.Г. Шишкин // Россия и Удмуртия: История и современность: Материалы Международной научно-практической конфе-

ренции, посвященной 450-летию вхождения Удмуртии в состав Российского государства /сост. и общ. ред. В.В Пузанова и А.Е. Загребина. - Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. - С. 356–364.

22. Шишкин, И.Г. Опричнина Ивана Грозного в современной историографии / И.Г. Шишкин // Урал индустриальный. – Екатеринбург: УрАО РАН, 1997. - С. 97–101.
23. Шишкин, И.Г. Отечественные историки XX – начала XXI вв. о сущности политических форм управления в едином Русском государстве в конце XV–XVI вв. / И.Г. Шишкин // Вестник Тюменского государственного университета. - 2009. - № 1. - С. 31–39.
24. Шишкин, И.Г. Теоретический и методологический дискурс по проблеме образования единого Русского государства в отечественной науке в 1930–50-е гг. / И.Г. Шишкин // Россия и мир: история и историография: Международный альманах. Вып. 1. - Екатеринбург: Изд. Урал. Ун-та, 2006. - С. 70–77.

Научные исследования о развитии исторической науки в целом

1. Бельшев, И.С. Преследование и гибель историка Н.И. Разумовской. 1949 г. / И.С. Бельшев, И.Я. Биск // Археографический ежегодник за 2005 год /отв. ред. С.О. Шмидт. - М.: Археогр. комис. РАН, 2007. - С. 473–487.
2. Бордюгов, Г. Национальная историческая мысль в условиях советского времени / Г. Бордюгов, В. Бухараев // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. - М.: АИРО-XXI, 1999. - С. 21–73.
3. Бочаров, А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / Алексей Владимирович Бочаров. - Томск, 2002. – 26 с.
4. Бухараев, В.М. Оружие «слабых»: замещенное историческое сознание в условиях советской идеократии / В.М. Бухараев // Историк на пути к открытому обществу: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В.П. Корзун - Омск: ОмГУ, 2002. – С. 32–34.

5. Бухараев, В.М. «Замещенное» познание: историческая мысль против моноидеологии (60-80-е гг. XX в.) / В.М. Бухараев, В.Д. Жигунин // Россия в XX веке: судьба исторической науки / под общ. Ред. А.Н. Сахарова. - М.: Ин-т рос. ист., 1996. - С. 552–563.
6. Гришаев, О.В. Партийно-правительственная политика в области исторического образования середины – второй половины 1930-х годов и ее влияние на науку отечественной истории в СССР в предвоенные годы: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Олег Викторович Гришаев. - Воронеж, 2000. – 199 с.
7. Гришина, Н.В. Историки «старой школы»: проблемы вживания в советскую действительность / Н.В. Гришина // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. / редколл.: Н.Н. Алеврас (гл. ред) и др. - Челябинск: Каменный пояс, 2006. - С. 51–58.
8. Дмитриев, А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А.Н. Шебунина / А.Н. Дмитриев // Новое литературное обозрение. - 2002. - № 54. – С. 39–67.
9. Есаков, В. Историки в эпоху войн, революций и советского строя / В. Есаков // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. - М.: АИРО-XXI, 2011. - С. 17-54.
10. Казаков, Р.Б. Из научного наследия Кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ 30-х гг. XX в. / Р.Б. Казаков // Сообщество историков высшей школы России: научные практики и образовательная миссия: Материалы Всерос. науч. конф. - М.: ИВИ РАН, 2009. - С. 160–163
11. Кан, А. Анна Панкратова и «Вопросы истории». Новаторский и критический исторический журнал в Советском Союзе в 1950-е гг. / А. Кан // Историк и время. 20-50-е гг. XX в. А.М. Панкратова. - М.: Изд. РУДН, Изд. «Мосархив», 2000. - С. 85–100.
12. Кефнер, Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / Наталья Валерьевна Кефнер. - Омск, 2006. – 330 с.

13. Кныш, Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дисс. .... канд. ист. наук: 07.00.09. / Наталья Александровна Кныш. - Омск, 2009. – 250 с.
14. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х - середина 1950-х гг./ Корзун В.П., Кныш Н.А., Колеватов Д.М. [и др.; под ред. В.П. Корзун]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 470 с.
15. Колеватов, Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского в 1940-е гг.) / Д.М. Колеватов // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Сатретдинова, В.П. Корзун. Вып. 1. - Омск, 2005. – С. 121–141.
16. Колеватов, Д.М. Начало «холодной войны» и поворот к изоляционизму в исторической науке (по материалам журнала «Вопросы истории») / Д.М. Колеватов // Исторический ежегодник. 2008. Вып. 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования / под ред. А.В. Якуба, В.П. Корзун. - Омск: Изд. ОмГУ, 2008. - С. 26–33.
17. Колеватов, Д.М. Переизобрести себя: две стратегии личностной и профессиональной самоидентификации советской историка (М.А. Гудошникова и С.А. Покровского) / Д.М. Колеватов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. - Челябинск: Энциклопедия, 2011. - С. 281–288.
18. Корзун, В.П. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи / В.П. Корзун, Д.М. Колеватов // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. - М.: ИВИ РАН, 2007. - Вып. 20. - С. 24–62.
19. Корзун, В.П. Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) / В.П. Корзун, Д.М. Колеватов // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г.К. Сатретдинова. – Омск: Изд. ОмГУ, 2005. - Вып. 1. - С. 75–95.

20. Корзун, В.П. Социальный заказ и трансформация исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») / В.П. Корзун, Д.М. Колеватов // Мир историка: историографический сборник / под ред Г.К. Сатретдинова. – Омск: Изд. ОмГУ, 2006. - Вып. 2. - С. 199–224.
21. Кривошеев, Ю. В. Изгнание науки: российская историография в. 20-х – начале 30-х гг. / Ю.В. Кривошеев, А.Ю. Дворниченко // Отечественная история. - 1994. - № 3. - С. 143–158.
22. Крих, С.Б. Дискуссия как средство коммуникации в советской историографии древности / С.Б. Крих // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. - Челябинск: Энциклопедия, 2011. - С. 345–352.
23. Леушин, М.А. Документы ЦК ВКП(б) (КПСС) как источник по исторической науке в СССР, 1945–1985: автореф... канд. ист. наук: 07.00.09. / Максим Анатольевич Леушин. - М., 2000. – 24 с.
24. Мамонтова, М.А. «Рекомендовано воздержаться» (к вопросу о развитии изоляционистских тенденций в советской науке периода «позднего сталинизма») / М.А. Мамонтова // Исторический ежегодник. 2008. Вып. 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования / под ред. А.В. Якуба, В.П. Корзун. - Омск: Изд. ОмГУ, 2008. - С. 20–25.
25. Неретина, С.С. История с методологией, или Конец истории / С.С. Неретина // Аутсайдер. Человек вопроса. Век XX и мир. - 1996. - № 1. - С. 120–161.
26. Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / под ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд. ОмГУ, 2005.- 684 с.
27. Пепелина, Н.В. Эволюционные процессы в советском школьном образовании 1930–1940-х гг.: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Наталья Игоревна Пепелина. - М., 2011. – 28 с.
28. Пихоя, Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20-30-е годы XX века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. - 2004. - № 2. - С.28-53

29. Плат, М.Ф.К. Репродукция травмы: сценарии российской национальной истории в 1940-е гг. / М.Ф.К. Плат // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 63–85.
30. Румянцева, М.Ф. Научно-педагогическая школа Историко-архивного института: аспекты институционализации / М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков // Сообщество историков высшей школы России: научные практики и образовательная миссия. Материалы Всерос. науч. конф. - М.: ИВИ РАН, 2009. - С. 40–43.
31. Сидорова, Л.А. «Вопросы истории» академика А.М. Панкратовой / Л.А. Сидорова // Историк и время. 20-50-е гг. XX в. А.М. Панкратова. - М.: Изд. РУДН, Изд. «Мосархив», 2000. - С. 77–85.
32. Сидорова, Л.А. Межличностные коммуникации историков: проблема отцов и детей / Л.А. Сидорова // Историк на пути к открытому обществу: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В.П. Корзун - Омск: ОмГУ, 2002. - С. 110–111.
33. Сидорова, Л.А. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков / Л.А. Сидорова // Отечественная история. - 2008. - № 2. - С. 129–137.
34. Сидорова, Л.А. Поколение как смена субкультур историков / Л.А. Сидорова // Мир историка. XX в. / под ред. А.Н. Сахарова. - М.: ОмГУ, 2002. - С. 38–53.
35. Сидорова, Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия / Л.А. Сидорова. - М.: Памятники исторической мысли, 1997. - 288 с.
36. Сидорова, Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: Опыт середины 50-60-х гг. / Л.А. Сидорова // Россия в XX веке: судьба исторической науки / под общ. Ред. А.Н. Сахарова. - М.: Ин-т рос. ист., 1996. - С. 705–710.
37. Сидорова, Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков / Л.А. Сидорова. - М.: ИРИ РАН, 2008. - 294 с.

38. Сидорова, Л.А. Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты / Л.А. Сидорова // История и историки. 2004. Историографический вестник / отв. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахаров. - М.: Наука, 2005. - С. 208–223.
39. Тихонов, В.В. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» / В.В. Тихонов // ИВ: Исторические исследования. - 2013. - № 2. - С. 1-28.
40. Тихонов, В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов / В.В. Тихонов // История и историки. 2009-2010. Историографический вестник / отв. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахаров. - М.: Наука, 2012. - С. 118-133.
41. Тихонов, В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина / В.В. Тихонов. - М.: ИРИ РАН, 2012. – 388 с.
42. Тихонов, В.В. Об одной тенденции развития отечественной историографии начала XX века (работы А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина) / В.В. Тихонов // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2010: РУДН. - М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2010. - С. 328–335.
43. Тихонов, В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьба историка С. А. Фейгиной / В.В. Тихонов // Новейшая история России. - 2013. - № 1. - С. 199-207.
44. Усачев, А.С. «Долгий XVI век» российской историографии / А.С. Усачев // Общественные науки и современность. - 2008. - № 2. - С. 104–115.
45. Усачев, А.С. *longue duree* российской историографии / А.С. Усачев // Общественные науки и современность. - 2002. - № 2. - С. 102–113.
46. Ушмаева, К.А. Основные этапы и особенности исторического образования в вузах России (20–90-е гг XX в.): автореф. ... докт. ист. наук: 07.00.02. / Ксения Алексеевна Ушмаева. - Пятигорск, 2011. – 51 с.

- 47.Формозов, А.А. ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1931–1934 гг. / А.А. Формозов // Формозов, А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки / А.А. Формозов. – М.: Знак, 2004. – С. 154–186.
- 48.Шмидт, С.О. Размышления об «историографии историографии» / С.О. Шмидт // Исторические записки. – М.: Наука, 2005. - № 8(167). - С. 296–363.
- 49.Юдельсон, А. Методологические поиски советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время историографической оттепели / А. Юдельсон // Образы историографии: Сб. статей / науч. ред. А.П. Логунов. - М.: РГГУ, 2001. - С. 147–172.
- 50.Юрганов, А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма / А.Л. Юрганов. - М.: РГГУ, 2011. – 765 с.

Культурологические и социологические исследования

1. Андреев, Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы / Д.А. Андреев // Новое литературное обозрение. - 2008. - № 90. С. 45–61.
2. Брусиловская, Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» / Л.Б. Брусиловская // Общественные науки и современность. - 2000. - № 1. - С. 79–83.
3. Брусиловская, Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля / Л.Б. Брусиловская. - М.: Изд. УРАО, 2001. - 186 с.
4. Воронков, В.В. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР / В.В. Воронков // Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады и Т. Шанина. - М.: Новое литературное обозрение, 2005. - С. 169–197.
5. Кондаков, И.В. Ночь «Третьего Рима»: кризис цивилизационной идентичности России XX века / И.В. Кондаков, Л.Б. Брусиловская // Вестник УдГУ. Сер. Искусствоведение и культурология. - 2006. - № 12. - С. 39–58.
6. Копосов, Н. Память строгого режима: История и политика в России / Н. Копосов. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.

7. Паперный, В.З. Культура Два / В.З. Паперный. - М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 384 с.
8. Смирнова, Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. / Т.М. Смирнова – М.: Изд. центр «Мир истории», 2003. – 296 с.
9. Тюпа, В.И. Кризис советской идентичности в 1960-е годы / В.И. Тюпа // Социокультурный феномен шестидесятничества / под ред. В.И. Тюпа, О.В. Федулina. - М.: РГГУ, 2008. - С. 17–27.
10. Шпаковская, Л.Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба / Л.Л. Шпаковская // Журнал исследований социальной политики. - 2009. - Т. 7. № 1. - С. 39-64.